

Свидрицкая Н.

Хроники

Нордланда

Пепел

розы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Н. Свидрицкая

Хроники Нордланда. Пепел розы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда. Пепел розы / Н. Свидрицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сбегая от любовных драм и непростого выбора, близнецы отправляются в охваченное огнем Междуречье, чтобы запутать все еще больше. Помимо ста новых способов погибнуть, братья, совершая попеременно глупости и подвиги, обретают здесь новых врагов и друзей, а так же кучу проблем впридачу к старым. Обо всем этом и о многом другом - четвертая книга цикла "Хроники Нордланда". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая: Волки Элодисского леса	6
Глава первая: Рыжий тролль	6
Глава вторая: Сердце девы	24
Глава третья: Полная луна	43
Глава четвертая: Вирсавия и Дженни	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Потому, что не волк я по крови своей,
И меня только равный убьет.

О. Мандельштам

1.

Один дракон рассказывал мне, что далеко-далеко за десятью морями есть народ, не похожий ни на один из тех, которые мы знаем. И этот народ создает удивительные сады: в них нет ни цветов, ни деревьев, только камни. Которые расположены так, что с какой стороны наблюдатель ни смотрит на эти камни, какого-то одного из них он не видит. И я вижу в этом особый смысл. Глядя на какую-то ситуацию, какое-то событие, оценивая их, мы должны всегда помнить об этом камне, то есть, учитывать, что есть нечто, чего мы не видим. Что привести в пример? Ну, покидая в марте Блэкбург, Гарет Хлоринг нанес герцогу Анвалонскому смертельную обиду, причинил боль Софии и дал своим врагам повод смеяться над собой и считать себя глупее, чем он был. Но этот поступок спас жизнь девушке, которую иначе отправили бы по приказу мастера Дрэда. Гарет не видел этот «камень», а мастер Дрэд, прекрасно знавший про Софию, в свою очередь, не видел другой – что поступить неучтиво с семьей герцога Анвалонского Гарета толкнула не глупость, а одержимость поисками брата. Считая Гарета Хлоринга дурачком, Дрэд допустил серьезный промах. И так далее – понимаете мою мысль?.. Это происходит повсеместно. Я не знаю в истории ни одной известной интриги, которая, даже после блистательного первоначального успеха, в конце концов не обернулась бы крахом. Искушенные в интригах римские сенаторы и патриции вели свои игры, убивая, подкупая, соблазняя, и добиваясь своих больших и малых внутренних целей, уж точно не для того, чтобы в итоге восторжествовали варвары, а империя пала и погребла их под обломками! Венецианские дожи, успешно интригующие сейчас против Византии, стремящиеся устранить сильного соперника в торговых делах Средиземноморья – видят ли они, какая сила играет в молодых, голодных и злых турках-сельджуках? Свалив византийцев, не получают ли они нечто гораздо более могущественное и враждебное, и уцелеют ли после этого сами?.. Я это все к чему? Ну, наверное, к тому, что я не оракул. Я знаю, что чего-то не знаю, и не более того. Размышляя сейчас, из дали прожитых после тех событий лет, я начинаю видеть их иначе, чем видела тогда, будучи их участницей. Я не буду даже пытаться утверждать, что я беспристрастна, ведь это невозможно, если ты живая, если думаешь, чувствуешь, любишь и ненавидишь... А мои тогдашние любовь и ненависть несколько не стали меньше и умрут, наверное, только вместе со мной.

Часть первая: Волки Элодисского леса

Глава первая: Рыжий тролль

В последней перед городком Смайли деревеньке, Каменке, телегу с привязанным к бортам Вепрем встретили несколько верховых. Вепрь не шибко разбирался в сословных отличиях, но рыцаря отличить от гражданского мог. Так вот, рыцарей среди двух десятков конных было двое, оба – не самые роскошные. «Вряд ли барон хоть один из них. – Подумалось Вепрю. – Дрянновато выглядят для барона».

И был прав: это были одноштитные рыцари, состоявшие на службе у барона Смайли, входившие в его свиту. Кнехты, повязавшие полукровку, при виде них насупились, тот, что постарше, принял воинственный вид:

– Слетелись, стервятники, на падаль?.. Это наш чельфяк, нам за его, значицца, приз полагается!

– Барона нет в Смайли, он гостит в Блэксване. – Отрывисто бросил долговязый тощий рыцарь в поношенном лентнере, на котором остались оттиски лат, – я вместо него.

– Неужто тамошнюю госпожу того... – Начал, лыбься, рябой, и осекся под пронзительным взглядом тощего.

– Или она его! – Тихо сказал кто-то рядом, и все, даже конные кнехты и второй рыцарь, понижее, но поплотнее и посимпатичнее, заухмылялись.

– Энтот чельфяк... – начал, коротко откашлявшись, рябой, но Вепрь перебил его:

– Я хочу сдать вам Птиц. – Хрипло сказал он. – Почему – мое дело. Я знаю, где они.

– А вот это интересно. – Тощий подъехал к нему так близко, что его конь, гнедой кастилец, зафыркал травно-овсяным духом прямо Вепрю в лицо, почти касаясь жесткими усами. – Говори.

Как-то сразу Вепрь понял, что, не смотря на комичную внешность, тощий рыцарь с кабаном и раковинами в гербе – персона серьезная.

– А что говорить? Я не с ними. Попал к ним, случайно, но не понравились они мне. Я служил барону Драйверу на юге, попался Хлорингам, они меня чуть на кол не посадили. Ушел, подался на Север, очутился здесь. Не Птица я.

– Барону, значит, Драйверу... – Протянул тощий. – Какая, однако, регулярная загогулина роковой судьбы... – При этом он как-то странно смотрел на Вепря, словно испытывал его этим взглядом, или провоцировал на что-то. Вепрь запоздало подумал: а не был ли этот рыцарь гостем Садов Мечты? Хрен его знает, он никогда к ним не присматривался, ненавидел их с самого отрочества. И насторожился. Плохо это, или хорошо? Для него лично?..

– Понимаешь, это хорошо, что служил барону. И что сдать хочешь Птиц, это тоже хорошо, это правильно, это очень разумно. Не дурак, да? – Он дружески усмехнулся Вепрю, и тот осторожно усмехнулся в ответ. – Наверное, не против к барону Смайли пойти? Ну, если честно-то?

– Возьмет – пойду. – Что-то в этом аттракционе дружелюбия Вепря насторожило.

– Так ты зря это. – Перестал улыбаться тощий. – Барон Смайли вашего брата, чельфяков, ненавидит люто, и никогда не свяжется с таким, и думать не моги. – Он сделал паузу, наблюдая, как меняется лицо Вепря. – А вот я могу и взять. Я, милый друг, регулярно индифферентен к чельфякам, эльфам, и прочей нечисти. Я и гулю с погоста применение найду. Что думаешь?.. Зовут меня сэр Брэгэнн, сэр Карл Брэгэнн. По линии матери в родстве с Бергквистами и Карлфельдтами.

– Пойду и к тебе, коли не шутишь. – Буркнул Вепрь.

– Я, милый друг, никогда не шучу. – Сэр Брэгэнн прямо-таки буровил Вепря своими небольшими, близко посаженными, неопределенного темного цвета глазами. – Вообще шуток юмора не уважаю. И хохмачей регулярно не жалую.

Будь на месте Вепря Мария или Гор, они мгновенно узнали бы в этом долговязом рыцаре Катулла, одного из главных мучителей девушки, с которым у Гора однажды вышла стычка из-за нее. Вепрь же в нем гостя Садов Мечты лишь заподозрил, но и от этого подозрения ему стало не по себе. Он и сам не замечал за собой пока этого, но общение с Птицами что-то все-таки изменило в нем, что-то тронулось в его сердце с места, пока что незаметно и почти неощутимо. Он, если можно так сказать, коснулся альтернативной реальности, до сих пор ему неизвестной, попробовал на вкус другие отношения, другие ценности. И именно из этой другой реальности завсегдатаи Садов Мечты теперь виделись ему особенно отвратительно.

– Ты, я смотрю, тоже не весельчак, мой милый друг? – Сэр Карл спешился, стянул одну перчатку. Кто-то из его людей тотчас же принял коня и отвел в сторону. Если бы Вепрь лучше разбирался в таких вещах, он заметил бы, что хоть одет рыцарь и бедно, но конь у него отличный, а меч на скромной потертой кожаной перевязи, с простым, ничем не украшенным эфесом, тем не менее, стоит не меньше сотни дукатов – огромные деньги в Нордланде. Но Вепрь заметил зато, с каким напряженным вниманием смотрят на его собеседника остальные люди, и даже рябой, хмурясь и досадуя, спорить, тем не менее, не смеет.

– Понимаешь, – сэр Карл кивнул, и кнехт разрезал путы на руках Вепря. Тот с наслаждением, одновременно морщась от неприятных ощущений, принялся растирать запястья и онемевшие ладони одна о другую. – Твои друзья... или не друзья, Птицы, в общем, – очень всех здесь достали. Дерзкие они, регулярно, понимаешь? Я не люблю дерзких. Мой господин очень хотел бы с ними покончить, но он, регулярно, очень небрежно подходит к этому делу; другие у него приоритеты. А я, если меня что-то зацепило, уже не успокоюсь, пока не восстановлю статус-кво. И действую последовательно. Сегодня; через неделю; через год; через десять лет – но я своего добьюсь. А еще я, регулярно, добиваюсь определенности. Я мог бы просто взять тебя, и использовать, не объясняя ничего и не спрашивая. Но могу и объяснить. Твое желание служить, мой милый друг, оно похвальное. Очень похвальное. Мне оно нравится. Но как служить? Какую службу ты представляешь? И как ее вижу я? Вот, в чем вопрос вопросов. Допустим, – говорил он размеренно, спокойно и так, почему-то, противно, хоть голос у него был и приятный, что хотелось ему отвесить зуботычину такую, чтобы заткнулся надолго. Но Вепрь тоже умел быть невозмутимым. – Допустим, ты приведешь нас в место, где гнездовались Птицы. Но ты думаешь, что они все еще там, а вот я не уверен. Ворон, регулярно, не дурак. Это я успел узнать точно.

– Это ты к чему клонишь? – Хрипло спросил Вепрь, и сам вдруг сообразив, что тот прав. После его побега последним дураком был бы Ворон, если бы остался на том же месте!..

– К тому, что путь, мой милый друг, к сытой и достойной службе у меня лежит через боль. – Он наклонился ближе и произнес тихо, с наслаждением, даже с вождением каким-то:

– Через Очень. Большую. Боль.

Гирст, его армигер Эдд, Енох и три десятка кнехтов гнали коней во Фьёсангервен во всю мочь, практически не делая остановок по пути. Енох всю дорогу то трясся, то плакал. Чтобы он не задерживал остальных, его приходилось держать в относительно трезвом состоянии, так как без него вероятность удачного исхода дела равнялась нулю, и даже Гирст порой скрежетал зубами, так раздражал его никчемный недоросль, который постоянно ныл и стонал о бедном дяде Кнуде, да о бедном дяде Лайнеле. Но – без него пока никак. Дерзкий план, который побоялся благословить даже Антон Бергстрем, непризнанный папаша Гирста, почти не веря в него, близился к успешному завершению, и Рон Гирст заслуженно гордился собой. Еще немного, чуть-чуть совсем, и он – царь горы! В данном контексте – вполне себе реальной горы. А там

посмотрим, папенька, – обещал про себя Гирст, – как дело повернется, и как мы будем разговаривать с тобою. На каких правах. Гордясь собой и чувствуя близость вожаемой цели, ставя которую перед собой, непризнанный бастард сам шалел от своей дерзости, Гирст не думал о средствах ее достижения, включая живые фигуры. Большая цель – большие жертвы! Что поделаешь, такова реальность. Сильные жрут слабых, слабые, чтобы выжить, исхитряются и исподтишка уничтожают сильных, и на их крови сами становятся сильными. Есть ключевые игроки и есть статисты, массовка... Которую вообще жалеть нет смысла, она велика, безлика, дешева и самовосполнима. Гирст со своими спутниками спешили во Фьёсангервен, город кузнецов и оружейников, пятый по величине город Нордланда, после Элиота, Клойстергема, Блэкбурга и Гранствилла, бывшую столицу ныне несуществующего герцогства Белых Скал, город богатейший, красивый и яркий, город университетский – его университет давно затмил альма-матер Эсгарота, когда-то знаменитую и славную своими пятисотлетними традициями. Город, торгующий с эльфийским побережьем, держащий монополию в торговле паучьим шелком, который добывали с огромным риском для жизни Фанна в Северных Дебрях. Город, который Гирст уже считал своим.

На ночлег Алиса со свитой остановилась в Разъезжем, в монастыре святой Бригитты. Девушка уверена была, что жених там и нагонит ее, и была так разочарована и расстроена, когда этого не случилось, что едва могла сдержать слезы, прощаясь утром с монахинями. Те, пользуясь счастливой оказией, много говорили о проблемах и нуждах монастыря, и прямо, и косвенно давая понять госпоже графине, как кстати будут пожертвования монастырю в любом виде, от натурального продукта до золота. Алиса намеки поняла и пообещала всяческую помощь, и наконец, когда уже подсохла утренняя роса, снова двинулась в путь. Аврора, понимая подругу и сочувствуя ей, старалась разговором на отвлеченные темы успокоить и развлечь ее хоть немного, внутренне очень сердитая на Гэбриэла Хлоринга. Бесчувственный истукан, а не мужчина! Даже она, девушка, при виде печальных вишневых глаз, обрамленных пушистыми длиннющими ресницами, чувствовала, что не в силах обидеть их обладательницу! Вот же повезло графу Валенскому, который счастья своего не ценит уже теперь, а что будет дальше?! И даже легкомысленная Юна, которая все-таки в последний момент решилась ехать с подругами, не желая оставаться один на один с Габи и Женским двором, Алису жалела и старалась развеселить и отвлечь изо всех сил, обсуждая каждого сколько-нибудь видного и значительного мужчину из встреченных ими по пути. Алиса глотала слезы и в обсуждении почти не участвовала, но была благодарна подругам за этот нескончаемый щебет, который и в самом деле не давал ей провалиться в пучину полнейшего уныния.

Наверное, уехала она все-таки зря. Ею двигали обида, но главным образом – абсолютная уверенность в собственной значимости. Это был сигнал Гэбриэлу: ты рискуешь меня потерять! И когда Алиса начала подозревать, что Гэбриэла это отнюдь не пугает и не заставляет принимать какие-то решительные меры, она испугалась сама. А что, если ему в самом деле все равно?! Что, если он только того и ждал, и сам сейчас помчался к своей Длинной, и нацеловывает ее, дылду бесстыжую, нахваливает, и радуется, что так удачно все у него получилось – не нужна больше Алиса сама от него уехала?! Ах, как жаль, что Алиса никогда не была в башне Тополиной Роши! И не помнит эту Длинную, какая она есть, кроме того, что дылда здоровая! Уже через полчаса и духу бы ее не было!!! А Гэбриэл... Но Гэбриэлу Алиса по-прежнему зла желать не могла. «Буду умирать от его жестокости... – Глотая слезы, думала она, – молча... одна... бледна, покорна и горда... Но он никогда ничего не узнает!». Вот приезжает он, – мечталось ей, – довольный, счастливый, обласканный своей... тварью! – а ему говорят: «Граф... нет, говорит Иво, – Гэйб... Алиса... она умерла. А он в шоке, конечно... не верит, как?! – спрашивает... А Иво так смотрит укоризненно, и говорит... «Она очень страдала, очень, Гэйб. Страдала молча»...

– Я ему говорю, – щебетала Юна, изящно жестикулируя, – вы просто сквайр, сударь, мне не по средствам любить сквайра!»

– Так и сказала? – Фыркнула Аврора. – Вот так, в лоб?!

– Конечно! А что жеманиться? Как будто мы все не понимаем, что любовь без средств на достойную жизнь хороша только в сонетах нищих певцов?!

«Но она тебя благословила перед смертью. – Продолжала Алиса про себя монолог Иво. – Так и сказала: «Пусть он будет счастлив... Со своей... Длинно-о-о-ой!!!». Только черта с два, черта с два он сможет после такого быть счастлив! И узнав о том, что стало с Алисой по его вине, он уже никогда, никогда, никогда не сможет быть счастлив! И Длинную свою пошлет подальше, скажет: «Мертвая Алиса всегда теперь будет стоять между нами!». Он ведь такой, Гэбриэл, он честный, благородный...

– Я любила бы Гэбриэла, – мечтая, Алиса ни слова не пропускала из разговора подруг, – даже будь он нищим!

– Разумеется. – Взмахнула руками Юна. – Но Гэйб Хлоринг никогда не был бы нищим. Золото любит Хлорингов, это все на Острове знают. Правда, или нет, про языческого божка, который был их предком, но все Хлоринги богаты, ведь ты помнишь, его светлость сам как-то говорил, что даже будучи на севере, не зная о своем высоком происхождении, Гэйб не был бедным. Помнишь ведь, Лисочка, помнишь?

Алиса не ответила. Даже не сделала замечания по поводу нелюбимого ею сокращения от имени жениха: «Гэйб». Придержала коня, вся внезапно помертвев. Она почувствовала опасность, страшную, нереально страшную, зло, которое было чуждо самой природе Острова, всему, что ее окружало, что она любила. А потом увидела это Зло.

Ее спутники увидели неприятного, если не сказать: уродливого господина на соловом коне бельгийской породы, с хвостом, по-модному подстриженным и подвязанным. Не смотря на богатую одежду и обилие золота, господин выглядел так, словно какое-то нечистое животное для смеха вырядили и усадили в седло. И он так и пожирал глазами Алису, которая чувствовала, что он не просто смотрит – он ЗНАЕТ, кто она такая. Инстинкт подсказывал лавви, что страшнее врага на этом свете у нее нет.

Уродливый господин снял богатый берет, картинно приложил руку с беретом к груди, кланяясь проезжающими мимо девушкам. «Гэбриэл! – В панике взмолилась Алиса, мгновенно забыв и про Длинную, и про свою красивую кончину, – Гэбриэл, где ты?!»

– А вот и граф. – Произнес Гейне, оглянувшись. – Я уж удивлялся, что он так долго... – И у Алисы вырвался не то всхлип, не то возглас облегчения. Она даже глаза закрыла, и потому не видела, какая гримаса исказила и без того уродливое лицо. Аякс – это был, разумеется, он, – тоже увидел Гэбриэла. Увидел его спутников, эльфа Древней Крови среди них, вооруженных кнехтов... И перехватил взгляд Гэбриэла, тоже увидевшего и узнавшего его.

Гэбриэл не вскрикнул, не указал на него, никак вообще не выразил своего узнавания – только зрачки полыхнули красным огнем. Он как-то напрягся весь, чуть ссутулился, как готовый к броску волк, рука потянулась к мечу. Эльф, почуяв что-то, тоже глянул на Аякса – и тоже узнал. Не как личного врага, а как существо, вообще отвратительное и враждебное эльфам, одного из их исконных и смертельных врагов. И Аякс, не смотря на свою наглую отвагу и уверенность в своих силах, вынужден был признать самому себе: не сейчас! Противно осклабясь, он схватил притороченный к седлу кошель, источающий почти нестерпимую вонь, от которой давно уж фыркал и тряс головой его собственный конь, и, развязав, вытряхнул его содержимое на дорогу, прямо под ноги коней, на которых ехали девушки. Поняв, что сейчас произойдет, Гэбриэл завопил:

– Алиса!!! – И, прыгивая с коня, устремился к ней. Гор, сопровождавший его, опередил своего хозяина совсем немного, грудью сшибая яростно хрипящего карга.

– Коней, коней держите!!! – Кричал Гэбриэл, повисая на уздечке беснующегося мерина Алисы. Визжали девушки, лягались и рвались до смерти перепуганные кони, четыре карга бесновались в образовавшейся свалке, кричали кнехты. Гэбриэл, для которого сейчас существовала только Алиса и ее безопасность, не видел больше ничего вокруг, забыв даже про Аякса. Риска получить подкованным копытом от перепуганного мерина, он ухитрился подхватить Алису на руки и, сунув в руки Иво свое сокровище, только после этого ринулся разбираться с каргами. В то самое время, как его враг, безжалостно кромсая бока своего коня шпорами, мчался в сторону Блумсберри, чтобы скрыться – но не навсегда.

Только чудом каким-то, не иначе, никто серьезно не пострадал, но девушки были до того напуганы, что пришлось возвращаться в монастырь и успокаивать их. Алиса, прижавшись к не отпускающему ее Гэбриэлу, всю дорогу рыдала, промочив ему камзол на груди, и даже спокойная обычно Аврора всхлипывала и дрожала. Ее лошадь понесла, и девушка упала с нее в придорожные кусты, которые смягчили падение, но без царапин, прорех на платье и крапивных ожогов не обошлось. В монастыре Аврора, прихрамывая, ступила на плиты двора и вдруг рухнула в обморок. Этим она спасла Алису и Гэбриэла от нового скандала – Гэбриэл так испугался, что закономерно после испуга разозлился, и Алису ждала гневная отповедь... Но испугался не он один, и предпосылки для грандиозной обоюдной ссоры были отличные. Несчастье с Авророй отодвинуло и страх, и гнев на второй план. Гэбриэл и Алиса, взявшись за руки, ждали вместе у дверей, за которыми Аврору осматривала настоятельница, которая была в придачу к другим своим совершенствам и неплохим аптекарем, и акушеркой. Гэбриэл все-таки отправил Гейне с его людьми вдогонку за Аяксом, и нервничал, сожалея, что не схватил тварь. И еще больше сожалея о том, что тот видел Алису. Девушка, прижавшись к нему, твердила шепотом:

– Он знает, знает, кто я... Гэбриэл, он ЗНАЕТ!

– Почему ты так думаешь, Солнышко? – так же шепотом спрашивал он.

– Он страшный... он НЕ человек, Гэбриэл! Он... страшный, страшный!

«Уж я-то знаю, что это за мразь. – Мрачно думал Гэбриэл, крепче обнимая свое Солнышко. – Может, и не человек... И уж точно тварь злобная и поганая!».

Монахиня, помогавшая настоятельнице, выглянула и поманила к себе Алису. Девушка торопливо пошла за ней, а Гэбриэл встал и принялся прохаживаться по погруженному в полумрак коридору. Со вчерашнего вечера его терзали чувство вины и катастрофы. Брат с утра был, как всегда, и сам отправил его за Алисой, но Гэбриэл чувствовал: все плохо. Гарет зол, или обижен, или и то, и другое, а главное – они отдалились друг от друга. Между ними стена... Которой быть не должно! Теперь еще и Аякс проявился... Гэбриэл понимал, что по-прежнему тот внушает ему страх. Сегодня он где-то глубоко внутри даже обрадовался, что встретил Аякса в сопровождении кнехтов, Гейне и эльфа... Кстати, где он?..

– Кину видел? – Спросил он у Иво, неподвижно сидевшего в углу. Тот вздрогнул, словно и сам витал мыслями невесть где:

– Нет. В смысле, после нападения каргов – нет, не видел.

«Погнался за Аяксом». – Сообразил Гэбриэл. И стиснул кулаки: нет, так нельзя! Он не трус! И больше не мальчишка беспомощный, который попал в руки Аякса связанным и полумертвым от голода и побоев. Если он сам не прикончит Аякса, то не покончит с этим страхом никогда – а Гэбриэл ненавидел страх и презирал трусов.

– Ваше сиятельство! – Встретила Алису у двери настоятельница. – Вы близкая подруга этой девушки?

– Да! – насторожилась Алиса. – Что с ней? Можно мне к ней?!

– С ней все будет хорошо. – Настоятельница взяла ее за руку. – Но есть одна проблема... Очень и очень деликатная.

– Какая?

– У вашей подруги выкидыш.

– Что?! – Алиса не поверила своим ушам. – Нет! Нет! – девушка рассмеялась. – Аврора?! Нет! Что вы, она самая честная и достойная девушка на свете! Я очень хорошо ее знаю!

– Значит, не так уж и хорошо. – Мягко и спокойно возразила настоятельница. – Девушка была беременна и только что лишилась своего ребенка.

Алиса метнулась мимо нее к постели, на которой лежала белая, как полотно, Аврора. Алиса схватила ее за руку, поразившую ее своей вялостью, позвала встревоженно и ласково:

– Авророчка! Ты меня слышишь?.. – И веки девушки задрожали, губы приоткрылись.

– Все хорошо! – Горячо заверила ее Алиса, переплетая пальцы обеих рук с ее. – Все-все! Сейчас тебе станет лучше... – Прикрыла глаза, и настоятельница почудилось зеленовато-золотое сияние, окутавшее на миг их руки. Сильно запахло лесом, цветами, увядающей травой... Аврора вздохнула и открыла глаза, щеки, только что бледные, порозовели:

– Ой, Алиса...

– Тише! – Алиса приложила пальчик к ее губам. – Как ты думаешь, что с тобой?

– Я, наверное, сильно ушиблась... – Неуверенно произнесла Аврора. – И конь ударил меня копытом, только вскользь, слава богу... Но живот болит ужасно.

Алиса взглянула на настоятельница, взгляд ее яснее всяких слов говорил: «Вот видите?!». Та только покачала головой.

– Мы никуда не поедем, пока тебе не станет лучше. – Пообещала Алиса. – Отдыхай!

– А ты, а Юна? – Спросила Аврора. – Никто не пострадал?

– Нет, – Алиса с гордостью вновь взглянула на настоятельница. – С нами же был Гэбриэл!..

– Вы никому ничего не скажете! – Выйдя с настоятельница за дверь, прошептала Алиса, сверкая глазами. – Аврора – честная девушка! Я не знаю, как это можно объяснить, но Аврора – НЕ ТАКАЯ!

– Милая графиня... – Вздохнула женщина. – Мужскому коварству юной девушке противопоставить нечего. Он умен, опытен, лишен и сострадания, и деликатности... а она – юна и невинна. У нее нет ни опыта, ни осторожности, ни образования. Да, она знает, что мужчины коварны и опасны, но ОН – не такой! Он такой добрый, такой щедрый, так ее любит, и они вот-вот поженятся, так что не важно, до свадьбы она отдаст ему свое тело так же, как уже отдала сердце, или после...

– Нет! – Перебила ее Алиса. – Вы не понимаете! Аврора – не такая! Если бы у нее кто-то был, я знала бы! Мы все друг о друге знаем, мы лучшие подруги!

– И она в самом деле ВСЕ о вас знает, дорогая графиня? – Спокойно спросила настоятельница, глядя Алисе прямо в глаза, и девушка заколебалась. Нет, конечно. Аврора не знала ни того, что Алиса на самом деле – лавви, ни того, что происходило с нею и Гэбриэлом в Садах мечты. Этого вообще никто, кроме Гарета, не знал. Но Аврора... Нет, Алиса не могла в это поверить! Такая спокойная, такая рассудительная! А может... Может, она пережила то же, что сама Алиса?.. Девушка быстро отвернулась, отошла к окну. Бедная! Сердечко лавви сжалось от сострадания. Тогда понятно, почему Аврора молчит – она очень, очень гордая.

– Попробуйте как-то узнать, кто был виновником... – Деликатно предложила настоятельница. – Возможно, этот мужчина не против будет законного брака, и эта ситуация разрешится ко всеобщему благу.

– Главное, – возразила Алиса, – чтобы не против была Аврора. Если он оскорбил и предал ее, зачем ей такой?!

– К сожалению, – вздохнула настоятельница, – наша жизнь и наши обычаи таковы, что небогатой девушке, согрешившей до брака, не приходится быть очень разборчивой.

– Аврора – не нищенка! – Вновь вспыхнула Алиса. – Если понадобится, я отдам... отдам ей все свои драгоценности, чтобы у нее было приданое!

– Конечно, она не нищенка! – Одобрительно улыбнулась настоятельница. – У нее есть такой чудесный друг! Сейчас вы ей особенно нужны!

– Только не говорите никому-никому! – Вновь попросила Алиса. – Никто не должен знать!

– Конечно. – Вздохнула настоятельница. – Я понимаю.

Аякс едва не загнал коня, примчавшись в Блумсберри. Он чувствовал погоню, нюхом чуял! И не просто поганых дайкинов, хуже, и в сто раз опаснее – эльфа Старшей Крови, с которым даже ему в одиночку не совладать. Было бы их, рыжих троллей, хотя бы трое, и им сам черт был бы не брат! Они и с этим эльфом бы пободались, и еще не известно, помогло бы ему все его мастерство, накопленное за хренову уймащу лет! Коня пришлось бросить, но оставить его вот так, за здорово живешь, неизвестно, кому в подарок, Аякс не мог – натура была не та. И он мстительно подрезал коню сухожилия на ногах, оставив его беспомощно биться на дороге в порт. Погоня совсем близко, от близости опасности у Аякса дыбилась щетина на затылке, и давно и надежно запертая внутри сущность, сущность рыжего тролля, одного из самых злобных и опасных тварей Нордланда, отчаянно рвалась наружу. Порой ему очень, очень хотелось дать ей волю, явить остолбеневшим людишкам свое истинное обличье, насладиться их ужасом, всласть напиться их крови и нажраться их потрохов – но нет... Не сейчас. Он один! Пока – один! Если ведьма не соврала, – а Барр Аякс верил, она ведьма, но не лгунья, – то это поправимо. У него есть шанс собрать свою стаю, и тогда – о, как сладко и привольно будет им тогда! Тупые людишки пересрались с эльфами, а без их помощи ни хрена они с рыжими троллями не сделают! Тролли уйдут на запад, в Далвеган, в Анвалон, подальше от Элодисского леса и эльфийского побережья, и все эти земли станут принадлежать троллям, а людишки станут их стадом, скотом на убой!

Но сначала надо уйти от этого эльфа, чья сосредоточенная ненависть уже ощутимо леденит позвоночник и затылок. И Аякс ворвался в порт, отшвыривая со своего пути и матросов, и зевак, и даже грузчиков с мешками и ящиками. Полосатый котяра, греющийся на солнышке свои пушистые бока, подскочил, вздыбился, ощерился, издав гнусавый вой. В другой момент Аякс обязательно швырнул бы чем-нибудь в поганую тварь – он ненавидел кошек люто, – но сейчас не до него, не до него было! Бесцеремонно плюхнувшись в рыбацью лодку, он швырнул рыбаку золотой:

– Греби на тот берег! Немедленно, быдло! К черту рыбу твою вонючую... – Он смахнул в воду у причала корзину рыбы, – давай, шевелись! – И рыбак ослушаться не посмел.

Кину, почти настигший Аякса, задержался возле беспомощно пытавшегося встать и падавшего в пыль коня. Спешился, погладил испуганное, впадающее в панику животное, прошептал ему что-то по-эльфийски, успокаивая. И одним молниеносным ударом подарил ему смерть – ноги коню было уже не спасти. Примчавшись в порт, эльф посмотрел вслед удаляющейся рыбацкой лодке. Можно было бы и преследовать дальше, но Кину решил, что вернуться к Гэбриэлу и лавви – важнее. Троль наврядка удерет, и преследование станет делом не одного дня. Кину, глядя вслед лодке и уплывающему в ней врагу, закрыл глаза, глубоко вздохнул, запоминая ауру врага, все его особенности и его энергию. Теперь малейшего следа, малейшего колебания в эфире ему хватит, чтобы вновь учуять и выследить тролля! Он думал, что эльфы уничтожили этих тварей еще триста лет назад. Оказывается, минимум, один уцелел! И этим следовало заняться немедленно.

Гарет с утра, доехав с братом до ворот Блумсберри, свернул на юг, в сторону Омок, где произошло убийство.

Осмотрев сторожку и кусты, он заметил:

– Он сидел на подоконнике и играл. Потому не слышал, как сзади кто-то подошел... Хрен его знает, кому это понадобилось? Играл он прекрасно, пел тоже.

– Зависть, поди? – Предположил Матиас.

– Баба замешана, ваша светлость. – Брякнул капитан стражи. Человек он был умный, вдумчивый, обстоятельный, но очень стеснялся знатных господ. С детства он привык думать, что те существа необыкновенные, значительные, уже просто по факту рождения. И потому в их присутствии, особенно при Хлорингах, особах королевской крови, чувствовал себя скованно и боялся обратить на себя внимание. От того Гарет вообще считал его человеком туповатым и зря занимающим свой пост, а все, что тот говорил, в лучшем случае просто игнорировал. Капитан, чувствуя это, только еще сильнее стеснялся. Но порой, как вот сейчас, промолчать было нельзя. Гарет и в этот раз не обратил на его слова ровно никакого внимания, но Матиас заинтересовался:

– Почему так думаешь?

– Люди... – капитан прокашлялся, волнуясь страшно, – видели. Девицу. Деревенскую. С корзинкой. Красивую. Бежала отсюда сломя голову, как ненормальная.

– Одежда, – всем своим видом показывая, что вообще не о чем тут говорить, поинтересовался Гарет, – чистая была?

– У девки?.. Да... крови не было на ней, люди б рассмотрели.

– Значит, просто увидела что... а может, и убийцу увидела. – Гарет нахмурился. – Думаете, – смотрел он при этом на Матиаса, – он здесь свидание девке назначил?

– Да, ваша светлость! – Вновь выпалил капитан. С вечера он проделал огромную работу: облазил все кусты, овраг и даже ручей. Опросил всех, кто видел и мог видеть, искал девку, о которой говорили свидетели, и прошел ее путь аж до ворот. И нашел еще три трупа. – Там, в сторожке, постель готовая, цветы расставлены, ваза с печеньем, вино сладкое.

– Хм. – Гарет оглянулся. Барда ему было жаль. Всегда жаль, когда погибают такие талантливые. Пение Орри украшало этот мир и эту жизнь, и лишившись этого пения, мир утратил часть своей красоты. Ничем и никогда невосполнимую. Есть и будут другие музыканты и другие барды, но... таких – уже не будет. Никогда. – Ты прав. – И капитан засиял, как начищенная сковорода. – Бабу он здесь ждал. И скорее всего, соперник из-за этой бабы его и убил. Значит, баба эта сможет нам рассказать, кто мог его убить и за что... Нашли ее?

– Нет, ваша светлость. – Расстроился капитан. – Проследил я путь ее до Южных Ворот. Люди видели, как она по дороге к ним ковыляла. По самой жаре. Там, в кустах на выгоне, двух мальчишек нашел, убитых, а у ворот, в кустах тоже – стражника, отлить пошел. Так со спущенными штанами и лежал. У мальчишки одного, – расхрабрился капитан, – щека одна того, оцарапана. Как бабы царапаются.

Гарет быстро глянул на него:

– Серьезно?

– Да, ваша светлость. И там эльфа и видели. Весь в черном, высокий, волосы светлые, глаза, извиняюсь, красные.

– Девка была не полукровка, не эльфа?

– Нет. Обычная девка. Звали Мартой.

– Откуда знаешь?

– Так ее, – капитан аж покраснел, – у Южных ворот подобрал Марк Хант, он того... шлюхами приторговывает, но только по слухам, на горячем его не поймал я еще. Я с ним хорошенько вчера того... поговорил. Он сначала отшучивался, но когда я его убийством того... пугнул, он все и рассказал. Девка, говорит, назвалась Мартой, сказала, что служит в богатом доме. Но он думает, что куда выше, как ни сама богачка. Потому, что больно того... хорошо выглядит. И ноги стерла, от того и ковыляла кое-как, а зеваки у трактира решили, что пьяная,

извиняюсь за такие слова. Он ее довез в портшезе до площади святой Анны, она во двор вошла, но он потом смотрел, и я проверил – двор проходной, оттуда в два разных района попасть можно, и везде богатые дома. Я и носильщиков нашел, которые портшез того, они все подтвердили. И девку описали: светловолосая, с косами, голубоглазая, красивая такая, худая только очень. Мои людишки там в округе того... расспрашивают народ, ищут. Носильщики, если что, обещали девку опознать. А эльфа – вряд ли. Они ж для нас на одно лицо все.

– С эльфами поговорю я. – Кусая губы, сказал Гарет. – Ты со мной пойдешь, будешь свидетелем нашего разговора. Не хватало мне еще, чтобы по городу начались разговоры о том, что эльфы людей режут, а я покрываю.

Проехав по дороге к Южным воротам, – капитан показал Гарету, где нашли парней, где вырвало Габи, где она подошла к Южным воротам, где нашли труп стражника, – Гарет внимательно все осмотрел и, все больше мрачняя, оставил коня у ворот Эльфийского квартала. Такое серьезное убийство в городе, где ничего настолько дерзкого и страшного не случилось практически никогда, необходимо было раскрыть как можно скорее, чтобы успокоить людей. Не привычные к таким новостям, горожане были напуганы, взбудоражены, город уже начинал бурлить и наполняться слухами. Герцог, как конечная судебная инстанция, был и следователем, и прокурором, и судьей в одном лице. Два нюанса делали это дело особо неприятным: убийство стражника и участие в этом эльфа. «Надо было с отцом посоветоваться. – Думал он, направляясь к дому Бука, где обычно собирались эльфы, чтобы пообщаться, и где принимали гостей. – Еще Габи надо проведать, не вернулась в замок, укусил кто-то... Черт знает, что за время началось».

Их уже ждали – и Бук, и Снежный Рассвет. Капитан, впервые попавший в Эльфийский квартал, не смотря на то, что жил в Гранствилле с рождения, снова смутился: такими гордыми, красивыми и отстраненными казались эльфы. Фанна он и вовсе видел впервые, и красота эльфийки потрясла его. Он даже взглянуть на нее боялся.

– Мы знаем, – сказала она, – что вас привело. Мы знаем убийцу. Это не эльф. Это эльдар, которого вы уже знаете. Он участвовал в нападении на ваши деревни... не помню названий. – Слегка поколебавшись, заметила эльфийка. – Но имя этого эльдара помню: Шторм. У нас нет причин покрывать его или помогать ему, но и помогать ВАМ его ловить мы не будем. Он преступник, на нем много крови, но он скорее наша кровь, чем нет. А мы свою кровь не проливаем. Никогда, сколько стоит этот мир, эльф не пролил крови эльфа. А отдавать вам его на расправу – это все равно, что убить его.

– Зачем он убивает, можете сказать? – Скрывая раздражение, поинтересовался Гарет.

– Нет. – Ответила Снежный Рассвет. – Мы не знаем. И его поступки, и мотивы этих поступков, бесконечно нам чужды.

– Прости, Виоль. – Подал голос Бук. – Мы вновь даем тебе повод злиться на эльфов... Но иначе мы не можем.

– Вы никогда не можете. – Сухо ответил Гарет. – Спасибо и на том, что назвали его. Надеюсь, прятать его вы не станете?

– Если придет в наш квартал – приюта он здесь не получит. – Пообещала Снежный Рассвет. – Его преступления не приемлемы и для нас.

– И на том спасибо. – Повторил Гарет. – О том, в городе он, или нет, вы, конечно, не скажете?

– Он где-то близко, но в городе, или рядом – не знаю. – Внезапно произнес Бук. – Виоль Ол Таэр, хочешь ты того, или нет, и хотят ли того Наместник и его брат, но пришло время, когда нам нужно объединиться. В Лиссе не видят этого, но мы здесь, живя бок о бок с дай... с людьми, – чувствуем, что Остров вот-вот накроет какая-то большая беда. Когда придется забыть все прежние недоразумения и...

– Это то, что случилось с моим братом, ты называешь недоразумениями?! – Вспыхнул Гарет, и Снежный Рассвет легко коснулась запястья Бука, порывающегося что-то возразить.

– Погоди. – Произнесла мягко. – Скоро и он это поймет. Скоро все это поймут.

Марчелло в это самое время проводывал Габриэлли. Ее укусили слепни, и Беатрис, увидев следы их укусов, сообразила, как объяснить состояние Габи. Покаявшись, что они с госпожой решили сходить на рынок в Кодры, она сказала, что там ее укусило какое-то насекомое, и после этого укуса Габи почувствовала себя плохо. Надо сказать, что выглядели укусы ужасно: кожа вокруг темных точек вспухла, возникли кошмарного вида кровоподтеки. Так что даже Марчелло, неплохой врач, ничего противоестественного в состоянии Габи после этих укусов не увидел. Тем более, что на его родине от укусов ядовитых пауков или шершней случалось и не такое. О ядовитых насекомых Нордланда он ничего не знал, но допускал их наличие. И надо же было такому случиться, что ужалили эти твари именно принцессу!

Беатрис повезло: признавшись, что сбежали они через черный ход, про дом на улице Вязов она и не пикнула, а Марчелло ничего не заподозрил. Их версия, вроде, прошла «на ура». Правда, пока не появился герцог, Беатрис все равно нервничала. В Девичьей Башне считалось, что он необыкновенно умен и проницателен, «ничего от него не скроешь!». И Беатрис нервничала и то и дело вздрагивала, услышав какой-нибудь шум внизу. Вообще-то, герцог должен был подъехать верхом, он был один из немногих, кто мог свободно разъезжать по чистым улицам Гранствилла, но мало ли?.. Беатрис нервничала, а тут еще и Габи мозг выносила. Графиня не на шутку разболелась, и все вокруг вынуждены были терпеть ее капризы, обвинения и абсурдные, противоречащие одно другому требования. То ей было жарко, то зябко, то темно, то светло, то хотелось пить, то не хотелось, то питье было кислым, то сладким, то вообще никаким... А в перерывах были слезы: «Вы все меня ненавидите, все хотите, чтобы я умерла!!!», жалобы, издевки и просто нытье, выводившее из себя всех, кроме верной безответной Гаги, которая, во-первых, ничего не слышала, во-вторых, искренне переживала за свою госпожу и стремилась изо всех сил помочь и угодить ей. И какой бы ни была Габи вздорной и в целом неблагодарной, но даже она видела преданность этой простой девочки, и то и дело приводила ее в пример остальным женщинам и девушкам своей свиты: «Только одна эта дурочка еще меня и любит! – Истерично восклицала она. – Только она и останется со мной, если что...».

– Какая дурочка? – Гарет вошел совершенно бесшумно и вызвал переполох среди дам, которые принялись кланяться ему, лихорадочно пытаясь как-то незаметно оправиться и привести себя в относительный порядок.

– Вот эта! – Махнула Габи на Гагу вялой рукой. – Пошли все отсюда!.. Достали...

– Ну, дорогая кузина, смотрю, ты в порядке. – Усмехнулся ласково Гарет, присаживаясь на край постели. – А Марчелло говорит, тебя покусали какие-то неизвестные его науке ядовитые гады?..

Габи быстро глянула на Матиаса, и приподняла широкий рукав сорочки:

– Вот, сам смотри!..

– Ох ты... – Вырвалось у Гарета, едва он увидел устрашающего вида кровоподтек вокруг темной точки на предплечье. А Матиас воскликнул:

– да это не гады ядовитые! Это слепень, овод, он... – И покраснел под гневным взглядом Габи, кашлянул:

– Простите...

– Да ладно! – Не поверил Гарет. – Меня кусали сколько раз, и ничего... В смысле, таких синяков не было.

– И у меня не было. – Пожал плечами Матиас. – А у сестренки моей вот точно такая же была блямба... И жар был, и тошнило ее... Простите. У них, у дамочек, кожа больно нежная и тонкая, наверное, поэтому...

– А наверное. – Покусал губу Гарет. Габи сморщилась:

– И что это за гадость: СЛЕПЕНЬ?

– Тебе лучше не знать. – Засмеялся Гарет. – Большой, зеленый, пучеглазый мух. А еще он знаешь, что делает?.. Он не просто кусает. Он своим хоботом прокалывает кожу и напускает туда личинку свою. И она там растет, прямо под кожей, и жрет тебя изнутри...

Договорить он не успел. Габи подскочила, как ужаленная, с диким визгом, и принялась ожесточенно царапать ногтями укус, так, что мигом появилась кровь.

– Стой! – Гарет сам испугался успеху своей шутки. – Пошутил я, пошутил, прости дурака! – Схватил ее за руки, не давая себя царапать дальше. – Ну, прости, я пошутил, пошутил!

Габи обмякла в его руках и разрыдалась. Она устала, она все еще была в шоке, ей было дурно!

– Вы все меня ненавидите-е-е... – Рыдала она. – Мне плохо, а ты издеваешься-а-а-а... Я умру, умру, а вы меня даже не вспомните-е-е-е...

– Глупенькая. – Гарет, цыкнув на Матиаса, который мгновенно исчез, чтобы построить глазки дамам и позубоскалить с ними на первом этаже, в каминной гостиной, крепко обнял кухню. – Ты же моя сестренка... А помнишь, я тебе показывал, как слепень с перышком в попе летает прикольно? Это слепень же и был... А помнишь, я тебе колючки из ноги вытаскивал?.. А ты у меня хотела вытащить пчелу из волос, и она тебя ужалила?.. У тебя и тогда все опухло там, где жало воткнулось.

– А мама, – всхлипнув, попыталась улыбнуться Габи, – тебя чуть не побила. И тогда я ее начала колотить своим чепчиком.

– да. Ты храбрая девчонка, что есть, то есть. Я дракона боюсь меньше, чем тети Алисы, а ты ее вообще не боишься!

– Боюсь. – Всхлипнув, призналась Габи. – Если она узнает, что мы на рынок бегали...

– А на хрена вы туда бегали? – Посерьезнел Гарет.

– Я вот и сама теперь думаю: на хрена?! – Вырвалось у Габи. – Я думала, будет интересно... Приключение такое, понимаешь?..

– Понимаю. – Гарет осторожно пригладил слегка потускневшие волосы Габи. – Ну, и как?

– А никак... – Габи тяжело вздохнула. – Жарко, грязно, шумно... и нисколечко не интересно. Ты не скажешь маме? Она меня больше никогда не пустит в Гранствилл.

– Зачем тебе в Гранствилл?

– Гарет, пожалуйста! Я больше ни за что никуда одна не сунусь, клянусь тебе!

– Я просто спросил.

– Я... не люблю быть в Хефлинуэлле. – Помолчав и низко опустив голову, призналась Габи. – Там повсюду эта... ваша Алиса! Кругом только о ней говорят... Словно она везде!!! И я люблю ходить в Святую Анну Ирландскую, мне там хорошо.

– Ты зря ссорись с Алисой.

– Я не ссорюсь! Просто она самоуверенная, лживая, заносчивая, лицемерная... дрянь!!!

– Она вовсе не такая. – Вздохнул Гарет, подумав, что нужно поговорить об этом с отцом. Если кто-то и сможет как-то повлиять на Габи, решившей ненавидеть Алису во что бы то ни стало, так только он.

– Ладно. Поправляйся. – Гарет отстранился, поцеловал Габи в лоб:

– У тебя жар. – Заметил серьезно. – Ложись, поправляйся. Я ничего никому не скажу, обещаю. Но и ты обещай – никаких больше побегушек на рынки, в лавки и прочие места! Без свиты – никуда! Обещаешь?.. Не то быстро запрем тебя в Разъезде на ближайшие три года!

– Обещаю. – Капризно ответила Габи, с облегчением опускаясь на подушки, которые быстренько взбила Гага, – девочка все это время пряталась за портьерой и ждала, когда понадобится. – Я и сама больше ничего такого не хочу.

– Вот и молодец. – Гарет встал, расправил плечи. – Я еще проведу тебя.

У него и в голове не мелькнуло, связать одно происшествие с другим. Гарет, как и его отец, понимал, что Габи звезд с неба не хватает, но заподозрить ее, хоть на секунду, в чем-то неприличном он был просто не в состоянии. И поэтому решил и в самом деле ничего его высочеству не говорить.

Заехав к Твиддам, Гарет отказался от угощения, сославшись на занятость, и поговорил с Глэдис о том паже, который был при них в Гнезде Ласточки двадцать лет назад. Глэдис утверждала, что помнит мальчишку смутно, кроме того, что он все время ее раздражал, но вот няня должна его хорошо знать, так как была толи в родстве с кем-то из его родни, толи хорошо знала его родителей. Женщина обещала узнать, где эта няня теперь, и Гарет заехал поинтересоваться, не узнала ли. Вся эта история смущала и тревожила его. Было неприятно думать, что кто-то из их ближайшего окружения был предателем и виновен в смерти их матери и страданиях брата... А может, преспокойненько отирается подле них и теперь, и строит хрен знает, какие козни.

Глэдис подтвердила, что узнала адрес их старой няньки, что та жива и обретается в деревеньке Хвойное, в нескольких милях к востоку от Копьево, куда Глэдис решила поехать сама. Гарет отговаривать женщину не стал, понимая, что она права: старуха еще не факт, что станет разговаривать с кем-то незнакомым, да еще и с иностранцем, если посылать Марчелло. А кого можно послать еще? Кому можно довериться в таком щекотливом, да и опасном, деле?.. Так что он только благодарен был Глэдис за готовность им помочь.

Гарет знал, что заезжать в Тополиную рощу ему не стоит, отлично знал, почему, и согласен был с собственным здравым смыслом во всем. Но рука сама потянула повод влево, разворачивая коня, и все его существо было счастливо от предвкушения встречи. Велев свите дожидаться у моста, Гарет пустил коня рысью по ставшей такой заманчивой тропе, и через пару минут был под старой черемухой. А навстречу ему спешила сияющая Мария, и не подумавшая сделать вид, будто удивлена, или не ждала, или не рада.

– А я видела, как вы уезжали! – Сообщила непосредственно. – И так и думала, что на обратном пути заглянете! А где Гэбриэл? Я так по нему соскучилась! Вы же вместе уезжали?

– Он торопился. Его невеста уехала, и он... помчался за ней. На обратном пути обязательно заглянет к тебе, не волнуйся.

– Я не волнуюсь. – Мария приняла это, как должное, вновь удивив Гарета до странного, ноющего, болезненного и в то же время приятного чувства в груди. – Он ее очень-очень любит, я же понимаю. А вы надолго?

– К сожалению, нет. – Гарет спешился, не удержавшись от нового жгучего взгляда в сторону Ганса. Проклятый полукровка ответил насмешливым и даже чуть вызывающим взглядом, и Гарет стиснул зубы, успокаивая себя.

– Жарко... Угостишь меня холодным сидром?

– Конечно! – Мария развернулась к дому и плавно, и в то же время так стремительно, что юбка обвилась вокруг ног. – Проходите! Отдохните, у нас прохладно! Вам сидру, или лимонаду? Меня Тильда научила делать настоящий лимонад, как в Испании! Моисей его очень любит...

– Мне хоть что, лишь бы похолоднее. – Гарет с удовольствием шагнул в прохладу кухни. Здесь только что помыли некрашенные доски пола, и они сияли влажным блеском и пахли мокрым деревом. Чистота была идеальная, все полотенца и тряпки – белоснежными, столешница выскоблена и натерта, посуда выстроилась по рангу и размерам, очаг сверкал чистотой и даже веник из полыни выглядел новехоньким. Необычайно опрятной и свежей выглядела и сама девушка, изящные руки и ногти светились чистотой, фартук был без единого пятнышка, словно она убралась и тут же переделась. Гарет стоял у стола и смотрел, как она зачерпывает чистеньким ковшиком из небольшого бочонка напиток и наливает в стеклянный бокал. Он был уверен, что Мария не переделалась. Что она просто такая и есть: ловкая, аккуратная, стремительная,

но осторожная. И снова ему подумалось: он хотел бы всю жизнь прожить с нею. Засыпать с нею в одной постели и просыпаться утром, обнимая ее. Чтобы она готовила ему завтрак и позволяла любоваться движениями своих божественно-красивых, изящных рук. Свет из верхнего окошка зажигал нестерпимое янтарное сияние вокруг ее головы, и Гарет знал, что не устанет любоваться этим сиянием, и сможет смотреть и смотреть на нее, вечно, всегда.

– У тебя новый фартук. – Заметил, принимая напиток из ее рук. Мария слегка покраснела:

– Да... Я сама его сшила. Это первая обновка, которую я сшила сама...

– Ну-ка, повернись. – Гарет, которому было все равно, что надето на его любовницах, и уж тем более, на дамах, которые его вообще не интересовали, с живым интересом оглядел обновку Марии. – Не плохо. Ловко так сидит на тебе, словно настоящая портниха его сшила. Ткань ты выбирала?

– Да. – Мария, сама не своя от гордости и счастья, принялась скручивать край фартука в трубочку. – Мне показалось, что коричневая клетка как-то хорошо подходит к голубому и белому... Тильда хотела темно-синюю полоску, и мне тоже понравилось, но захотелось эту...

– Отлично смотрится. И тебе идет. – Гарет говорил это совершенно искренне. Ему хотелось сделать Марии приятное, это верно, но в то же время он и в самом деле так думал. Хотя... если бы всего неделю назад кто-нибудь из знакомых ему девушек похвастал новым фартуком, он в лучшем случае с веселым недоумением приподнял бы одну бровь. И дело было не только в ее красоте. Даже не столько в ее красоте. Гарет в присутствии этой девушки становился другим, таким, каким сам начинал любить себя сильнее. Таким, каким всегда втайне хотел видеть себя. Мария каким-то непостижимым образом совершала это чудо, словно от ее сияния и искренности на какие-то минуты просыпался зачарованный, скованный магией условностей и долга Гарет, НАСТОЯЩИЙ Гарет. В такие минуты он чувствовал себя таким свободным и счастливым, как больше никогда и ни с кем. Как ему хотелось сказать ей об этом! Объяснить, что то, что говорят о нем другие, что наверняка говорила ей Тильда – это правда, но не вся. Что таким является герцог, наследник, хозяин Элодиса и принц крови, но есть другой Гарет, которого вызвала к жизни из зачарованного сна сама Мария, и этот Гарет – совсем иной... Но он понимал, что это – ни к чему.

– А я научилась читать! – Мария вся сияла, говоря ему это. – Правда-правда!

– Когда?! – Изумился Гарет.

– Сегодня ночью! – Воскликнула Мария. Вот так она и знала, так и знала, что он будет изумлен! Предвкушение этого изумления девушку подстегивало так хорошо, что никакого другого стимула и не нужно было! И как она сейчас была счастлива, как горда собой!

– Что, уже читаешь?! – Не поверил Гарет. И Мария, метнувшись, выложила на стол перед ним книгу, «Гарет и Линетта». Торжественно прочла заглавие, с легкой запинкой, но не по складам и не путая ударения, а потом – и первую строчку.

– Я поражен! – Гарет поднял руки, и Мария рассмеялась так живо, весело и звонко, что он сам засмеялся, глядя на ее белые зубы и смеющиеся глаза. – Это куда круче фартука, снимаю шляпу!

– Я уже прочитала про Персиваля и Грааль, – похвасталась Мария, и радость Гарета чуть подувала. Разумеется. Гэбриэл Персиваль, ты, как всегда, первый в очереди. Как и твой ребенок у нее под сердцем.

Шторм наблюдал за происходящим на улице Полевой, не показываясь никому на глаза, но не пропустил ничего. Ни того, как Габи, чуть живую, поспешно перенесли с черного хода в дом Хлорингов, ни визита Марчелло, который – Шторм знал, – был врачом герцога. Ни появления самого герцога, так похожего на Гора, что даже странно – Шторм никогда не видел близнецов. За себя эльдар не боялся совершенно, а вот за Габи переживал... Хоть и не признавал за

собой такой глупости. И все же следил, настороженный, как зверь. Поняв, что про дом на улице Вязов, судя по всему, известно не стало никому, он испытал нелогичное облегчение. Значит, есть еще шанс, что Габи сюда вернется. Зачем это ему? – Шторм не знал. Когда все стихло, он подождал немного, вернулся к себе и, сидя на подоконнике скрытого ветвями окна, осторожно тронул струны эльфийской гитары, которую забрал с места убийства. Он не умел играть и в Садах Мечты музыки не слышал. Как абсолютное большинство эльфов, эльдар имел абсолютный слух и был очень музыкален от природы, и редко, когда услышанные где-то в городе или деревне мелодии были ему приятны. Но убитый бард играл прекрасно... И звук, – нежно касаясь тонких струн, решил для себя Шторм, – волшебный.

– Он – кто? – Не понял Гэбриэл.

– Это рыжий тролль. – Повторил Кину. – Это необычайно опасная тварь, в свое время они страшно терроризировали остров, особенно Юг Острова, от них не было никакого спасения. Генрих Великий даже обращался к эльфам за помощью, и только так с этой мерзостью удалось совладать. Оказывается, не навсегда. Проблема в том, что их создала... магия, чуждая Острову и всем, кто его населяет. Это даже не магия в нашем понимании.

– Не понял ни фиги. – Честно признался Гэбриэл. – Магия, не магия... Что к чему?

– В некотором смысле, – Кину чуть смутился, – к их появлению причастен я. У моей Одри был странный Дар. Она могла изменять все, чему давала имя. Она была одна из Четырех.

– Из кого?..

– Четыре женщины с Даром должны были передать свои Дары Стражу. Страж должен был родиться потомком всех четырех. Первой была Дрейдре, Оборотень – и Страж владеет этим Даром, он метаморф. Второй была Катарина Поллестад, из Росной Долины, которая в детстве коснулась рога единорога и после этого стала неподвластной никакому злу. Никакая магия зла, никакая тьма над Стражем не властна. Третьей была самая могучая стихийная ведьма Острова, Эвадне Белая, движением пальца способная обрушить на Остров все громы небесные. И четвертой была моя Одри, которая могла каким-то непостижимым образом превращать людей в животных, мыльные пузыри в жемчуг... и так далее. В ней не было никакой магии, она не была волшебницей, и в то же время стоило ей вслух назвать кого-то или что-то чем-то иным – и так и происходило. Предок эрла Лайнела, Антонио Еннер, какое-то время пробыл зайчиком, да и мне, – Кину усмехнулся, – досталось. Первый рыжий тролль на Острове так и появился.

– Погоди... – Гэбриэл и прежде это слышал, но по-настоящему до него дошло только что. – Так Страж – он твой...

– Да. Он сын мой младшей дочери.

– И как она... твоя... как она его?..

– Не поверишь. – Криво усмехнулся Кину. – Я сам не поверил бы, если бы не увидел собственными глазами, как это произошло. У моей Одри был поклонник... Так называемый. Он упорно преследовал ее, невзирая на то, что ей эти преследования были противны. И в какой-то момент она просто назвала его имя. Просто обратилась к нему по имени. И получилось... вот такое. Как она как-то мне сказала?.. «Если произнести «скотина пузатая», то может получиться и жаба, и дракон». Из одного горного барона получился именно дракон. А из спокойного, симпатичного, но несколько фанатичного рыцаря получился рыжий тролль. Я убил его... Но до этого он успел изнасиловать какую-то девушку.

– Ну... в целом понял. – Гэбриэл нервничал. – Чем он опасен – тролль этот?

– Это злобная и бешеная тварь, которая не боится ни боли, ни смерти, ничего вообще. У него нет инстинкта осторожности, но есть огромная жажда убивать, и не просто убивать, а убивать, калеча, измываясь, причиняя как можно больше боли и ужаса...

У Гэбриэла потемнело в глазах. Да... не просто убивать. После того, что Аякс на его глазах сделал с мальчишкой, которого взялся мучить первым, Гэбриэл едва не помешался –

и это он, полукровка, которые, как и эльфы, не сходят с ума!.. Кричал, как ненормальный, и бился в клетке, словно спятивший от ужаса зверек. Тогда он и сорвал голос так, что теперь, стоит слегка повысить его, он становится хриплым. И тогда же в нем поселилась ненависть, замешанная на страхе. Он должен убить Аякса. Должен убить сам, один на один...

– Как его найти? – Спросил, перебив Кину, рассказывавшего, как рыжие тролли триста лет назад сбивались в шайки и терроризировали Остров.

– Никак. – Ответил тот. – В том-то и проблема. Магия поиска, которая доступна любому эльфу, на него не... – Эльф запнулся. Лицо его преобразилось, это было похоже на то, словно его внезапно осенило: «Какой же я идиот!!!».

– *Нуй тара диен?! –* Воскликнул он. – *Дуэ ап-лаш!*

– Что? – Насторожился Гэбриэл.

– Вот почему мы не видим! – Кину стукнул кулаком о ладонь. – Конечно же! И ни я, ни Мириэль, и не подумали об этом! Но мы были уверены, что их больше нет на Острове, что они уничтожены! И все же как я мог не почувствовать знакомую силу?!

– ТО есть, это Аякс?!.. – Изумился Гэбриэл.

– Нет. Он не смог бы – тролли не используют никакую магию, она им неподвластна. Но кто-то другой – сумел, сумел понять, уловить и использовать. Если этот тролль – единственный, то убив его, возможно, мы ослабим ту чуждую силу. Хотя бы лишим ее маскировки.

– И снова спрошу. – Упрямо повторил Гэбриэл. – Как его найти?

– И снова повторю: никак. Мы ловили их на живца: одинокий раненый эльф... или, еще лучше – эльфийка. Люди поступали куда более жестоко: оставляли в лесу ребенка, девочку. Тролль попадался в ловушку, но приманке чаще всего тоже доставалось. Эльф или эльфийка, притворившиеся ранеными, могли постоять за себя, ребенок же – погибал практически всегда. А вот тролль – не всегда... Особенно, если их было несколько. Они необыкновенно сильны и живучи. Даже израненный тролль, вырвавшись, все равно отлеживался и возвращался. Он видел лавви. – Кину неожиданно изменил тон. – Он не успокоится теперь. Лавви – его любимая добыча, он не успокоится, пока не схватит ее... и не сожрет. Так исчезли последние лавви Острова. Так мы считали.

– Да. – Как-то отстраненно произнес Гэбриэл, размышляя. – Он вернется...

– Я не могу уехать сейчас! – Воскликнула Алиса. – Пока Авроре нельзя уезжать, я тоже никуда не поеду! Я не оставлю ее!

– Алиса. – Гэбриэл старался сохранять спокойствие изо всех сил. – Авроре здесь ничто не угрожает. Она отлежится, что бы там с нею не случилось, и вернется в Хефлинуэлл. А ты должна поехать туда со мной СЕЙЧАС.

– Нет! – Алиса сжала кулачки. – Ты мне не хозяин, Гэбриэл Персиваль!!! Я не твоя ВЕЩЬ! Аврора никогда меня не оставляла, никогда! Она со мной была, даже когда все... все... Никогда меня не оставляла!!! И я ее не оставляю!!! А что, если этот тролль нападет на монастырь и убьет ее?! А меня рядом не будет?!

– А если ты рядом будешь, – взорвался Гэбриэл, – и он сожрет вас обеих, то это нормально, это ничего, да?!!

– Разумеется, ты не можешь остаться со мной! – Вспыхнула и Алиса. – Ведь это же только МОЕЙ подруге плохо, это же только НАМ грозит опасность!!! Как же-как же!!! Остаться здесь – и Длинную свою столько не увидеть!!! – Голос феечки стал противеньким-противеньким. – Ми же так не можем, ми же с тоски умрем, как она там без нас!!! ФУ!!! Уезжай себе на здоровье!!! Облизывай там свою Длинную, сколько хочешь, можешь жениться на ней, а я уеду в Июс, и... – Алиса задохнулась, глаза наполнились слезами, – и мы с Авророй там будем жи-и-и-и-ить!!!!

– В желудке у тролля ты будешь жить!!! – Заорал Гэбриэл вне себя. – Дура... тупорылая!!!

– Тупорылая?!.. – Ахнула Алиса, глаза запылали, мечи золотые и рубиновые искры. – Я – ТУПОРЫЛАЯ дура?! А ты знаешь, кто ты, знаешь?! Ты – ты... – Не придумав в запале ничего достаточно хлесткого и уничижительного, Алиса топнула ногой и завизжала:

– Ненавижу тебя!!! Ненавижу!!! Убирайся, знать тебя больше не хочу!!!

– Пошла в жопу!!! – Заорал и Гэбриэл и пошел прочь. Хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка, и трещины пошли по косяку. Понимая, что не может уехать и оставить эту... эту ненормальную в Разъезде без своей защиты, Гэбриэл пылал от бешенства и всерьез думал о разрыве помолвки. Черт, да лучше сгинуть в этом сраном Междуречье, чем терпеть это все!!!

– И уезжай!!! – Алиса выскочила на крыльцо вслед за ним, заливающаяся слезами, маленькая, разгневанная, взъерошенная. – Вали, вали, но больше ты меня НЕ УВИДИШЬ!!!! Так и знай – не увидишь... НИКОГДА!!!

– Господи! – Гэбриэл остановился посреди монастырского двора, на глазах у озадаченных монахинь и послушниц, привлеченных их воплями, задрал голову к небу, разведя руки в стороны. – ЗА ЧТО?! За что я люблю эту ДУРУ?! – Проорал так, что из-под монастырских крыш с писком сорвались и заметались беспорядочно ласточки.

– Гэбриэл... – Алиса всплеснула руками, разрыдалась. – Гэбриэл!!!

– Молчи! – Уставил палец в ее сторону Гэбриэл. – Слышала?! Лучше – МОЛЧИ! Иначе я вот сей же час пойду и о стену себе башку разобью, потому, что мозги у меня уже взрываются от тебя!!!

Монашки постарше принялись поспешно собирать и гнать со двора молоденьких послушниц, которые мечтательно улыбались, налетали на углы и косяки, и то и дело норовили оглянуться на samozабвенно целующихся на крыльце Гэбриэла и Алису.

– Моя королева. – Нежно произнес Бриан де Латрей, любясь точеным профилем Изабеллы, голова которой лежала на одной с ним подушке. Распухшие от поцелуев губы изогнулись в томной улыбке:

– Мой рыцарь. Мой бесстрашный паладин...

– Грешный паладин. – Возразил он. – Но я люблю мой грех.

– Грех? – Изабелла повернула к нему голову, и у командора в тысячный раз замерло сердце от красоты ее сапфировых глаз, к которой невозможно было привыкнуть. – Наверное. Но ты не зря грешил, мой рыцарь. Ты спасаешь меня. С тех пор, как я с тобой, я становлюсь чище. Ты, может быть, не заметил... – Она улыбнулась нежно. – Но я становлюсь иной. Порой мне даже кажется: не поздно, нет, не поздно ты нашел меня! Мой спаситель из-за семи морей! Знаешь, чего я хочу?

– Чего, моя королева?

– Чтобы Габи поскорее вышла замуж и родила наследника. Или Гарет сделал бы это. И тогда я передала бы трон брату, а сама... – Она приподнялась на локте, нежно погладила его изуродованную щеку, – уехала бы с тобою... если бы ты позвал. И стала бы безвестной женщиной, просто женщиной, верной женой... Увы, бездетной женой.

– И королевой моего сердца. – Командор верил Изабелле и был горд и счастлив. Горд тем, что спас грешницу, и счастлив тем, что любим.

– Хотелось бы в это верить. – Чуть насмешливо улыбнулась королева. – Вы, мужчины, такие ветреники! Спи, мой рыцарь. – Она поцеловала его в лоб. – А я постерегу твой сон.

Через полчаса, убедившись, что командор крепко спит, Изабелла выскользнула из постели, надела халат, выглянула из своей огромной спальни. Девушка, которой она велела дежурить ночью у двери, вскочила, поправляя волосы:

– Я не сплю, не сплю, ваше величество!

– Хорошо. – Девушку, как и королеву, звали Изабелла, для всех во дворце просто Белла. Конечно, до неземной красоты королевы ей было далеко, но по-своему девушка была очень

хороша. Белокожая, с пышными каштановыми волосами и серыми большими глазами, умными и чистыми.

– Идем со мной, Белла. – Королева выглянула в коридор. – Я тебе открою одну тайну, но ты должна понимать, что это дело жизни и смерти. Это очень опасная тайна. Против меня плетется заговор. – Она взглянула прямо в глаза девушке, и та тихо ахнула, переплетая задрожавшие пальцы. – Я хочу знать, ты согласна помочь мне? Спасти мою жизнь?

– Моя королева! – Искренне воскликнула девушка, опускаясь к ее ногам. – Я вся ваша, располагайте мною!

– Ты рискуешь. – Предупредила Изабелла. – Ты делаешь это добровольно?

– Да! О, да, моя королева! – Воскликнула Белла. – Клянусь вам! Вы такая добрая, такая прекрасная! Вы забрали меня из убогой дыры, были так добры ко мне, так великодушны! Располагайте мной! Правда, я не знаю, что я могу... Но все, все, что в моих силах – для вас!

– Спасибо тебе, мое дорогое дитя. – У Изабеллы слезы выступили на глаза, она поцеловала Беллу в лоб. – Слава Богу, есть еще чистые верные души в этом мире! – Она подняла глаза к потолку. – А значит, я верю и молюсь. Идем. Я открою тебе одну тайну, о которой никто не должен знать. – Королева привела девушку к шкафу. – Там потайной ход. Поднимись наверх, там увидишь одно, не забитое досками окно. Очень внимательно, умоляю, очень внимательно рассмотри все, что там увидишь, а так же – все, что услышишь, запомни и расскажи мне. Хорошо?

– Да, моя королева!

– Ступай. – Изабелла благословила девушку и вновь поцеловала в лоб. – Ты точно добровольно идешь туда?

– Конечно! – Белла еще раз поклонилась и с готовностью шагнула на узенькую витую лестницу. Королева тщательно задвинула за нею фальшпанель.

Долго сидела на полу у шкафа, задумавшись. Сейчас, погруженная в себя, мрачная, недовольная, Изабелла выглядела пусть и не на свой истинный возраст, но очень, очень близко к нему. Синие глаза погасли и стали жесткими, расчетливыми, слегка брезгливыми и очень, очень усталыми.

Выждав какое-то, довольно продолжительное, время, Изабелла встала и тоже скрылась в шкафу.

В башенке сегодня было жутко. Ступив туда, королева почувствовала знакомый, до тошноты, запах: крови и требухи. Было очень темно, темнота чуть светилась мерзким красноватым светом, отовсюду, то с одной стороны, то с другой, доносились то эхо дикого крика, то стон, то хрип захлебывающегося горла, под аккомпанемент редких тяжелых капель. Под ногами, едва она ступила, что-то чавкнуло, и Изабелла замерла.

– Чего пришла? – Спросил голос, изменившийся до неузнаваемости.

– Жизнь за жизнь. – Холодно сказала Изабелла. – Я – тебе, ты – мне.

Рядом дико завизжала девушка, крик утонул в бульканье и хрипе. Изабелла прикрыла глаза. Любит этот проклятый карлик дешевые эффекты! Только прошли те времена, когда на Изабеллу это хоть как-то действовало.

– Командор. Бриан де Латрей.

– А не жаль? – Вкрадчиво спросили на ухо, королева чуть не отшатнулась, почувствовав на щеке и ухе губы и дыхание. Пахнущее свежей кровью и требухой. – А как же его крестоносцы? Он мог бы отдать их тебе.

– Он до омерзения честен. – Скривилась Изабелла. – И очень умен. Один неверный шаг, и он поймет все, поймет, кто я такая, и тогда... Думаю, он убьет меня и себя. Может, только меня, а сам отправится каяться в какой-нибудь монастырь – ведь он слишком набожен для самоубийства. Но в любом случае, меня он – убьет.

– Боишься умирать? – Захихикал невидимка. – Она тоже боялась... сладкая, сладкая девочка... Она еще жила, когда я съел ее печень. Вкусняшка! – Пространство вокруг наполнилось быстрым, со стонами, дыханием девушки и ее жалобным бессвязным лепетом.

– Приятного аппетита. – Ледяным тоном пожелала королева. – Ты запомнил? Жизнь за жизнь.

– Бриан де Латрей... Да, да... запомнил. Ее страх все еще здесь... такой сладкий. Тебе нравится?..

– Я пошла. – Изабелла повернулась к выходу, и что-то не сильно, но ощутимо толкнуло ее:

– До скорой встречи... Старая греховодница!..

Глава вторая: Сердце девы

Енох и его друзья беспрепятственно въехали в «Северную звезду». Мальчишка был так подавлен и перепуган, что смотреть на него было жалко. Он и сам не понимал, как так вышло, и никогда и ни о чем он так не жалел, как о том, что поехал к Корнелию! Впрочем, виноватым себя он не считал, ему казалось, что виной всему тупая девка, несчастливое стечение обстоятельств и двуличие Корнелия, который прикидывается святым, а на самом деле – злобный убийца. Он безостановочно говорил об этом в пути, и надоел поддакивающим ему Гирсту и Эдду так, что они уже еле терпели его. Въезжая на подъемный мост легендарного неприступного замка, Рон Гирст поднял голову, с душевным трепетом разглядывая геральдических барсов, державших щиты с крестами. Именно эти барсы станут его собственным гербом. Папаша Бергстрем думает, что все рассчитал?.. Нет. Рассчитал он, Рон. Остались мелочи. Кровавый сценарий, и сценарий благостный... Во втором случае погибают только Гарри Эннер и Енох. В первом – все, кроме маленькой Флер Эннер. Хотелось бы, конечно, чтобы крови было мало, но что тут поделаешь, все в руках судьбы. Судьбы Эннеров. Потому, что его, Рона Гирста, судьба – за него.

На деле же, как оно обычно и бывает, все пошло не так. Все и получилось, и не получилось одновременно. Оказалось, что Гарри Эннера в замке нет. Рон собирался уединиться с ним, якобы чтобы не пугать раньше времени женщину и девушек скорбной вестью. Наедине убить Гарри мечом Еноха и заколоть Еноха. Склонить затем оставшихся без поддержки, перед лицом уничтоживших Брэдрик фанатиков, женщин ко всему, что сочтет нужным, Гирст считал делом плевым. Главное, убедить, что Енох и есть предатель, возжелавший получить земли и замок дяди, и стать женихом одной из дочерей Эннера. Да черт с ней, Гирст был согласен даже на леди Луизу – та, говорят, до сих пор хороша собой. Сам Гирст тоже был не дурен, не красавец, как отец и сводный брат, скорее, в материнскую родню, но обаяние его было в сто крат сильнее. И если в ранней юности девушки в первые минуты обращали своё внимание и благосклонность на Андерса, то в течение нескольких минут, стоило Гирсту заговорить, а главное – засмеяться, и все они забывали Андерса и переключались на него. А леди Луиза оказалась и в самом деле недурна. Даже не смотря на тревогу и скорбь. Жаль даже было ее убивать... Но Гирст прекрасно понимал, что другого шанса ему судьба не даст. Ловко набросив сзади на шею потрясенной известием о смерти мужа женщины удавку, Рон постарался сделать все быстро, пока Эдд с наслаждением заколот опостылевшего Еноха. И надо же было именно в этот момент ворваться в гостиную этой Фиби! Вбежав, она с порога увидела бьющуюся в агонии мать, и коротко, дико крикнула, пошатнувшись.

– Держи ее! – Крикнул Рон, и Эдд бросился к девушке. Та с криком:

– Измена!!! – Метнулась в залу, где ждали люди Гирста. Те, готовые и к такому варианту событий, тут же ринулись в бой, на опешивших от неожиданности людей Эннеров, но момент был упущен. Фиби скрылась где-то в коридорах замка. Все в ней онемело от шока, огромного, страшного, оглушительного шока, но девушка оказалась очень сильной и решительной натурой. Не позволяя себе даже заплакать, она неслась по замку туда, где сейчас была Флер. Закрыться в донжоне! – Билась в голове отчаянная мысль. – Дать знать в город об измене и захвате замка, предупредить брата!

– Миледи! – Воскликнул мажордом, выскочивший ей навстречу. – Что...

– Измена!!! – Не своим голосом крикнула Фиби. – Где сестра?!!

– На галерее...

Фиби застонала: не успеют!!!

– Помогите мне! – Выдохнула, сверкнув глазами.

Через несколько минут остатки верных Еннерам людей, вооружившись кто чем успел, забаррикадировали двойные двери, ведущие на галерею, а Фиби, перевязав накрепко всхлипывающую сестру, с помощью слуги спускала ее на веревке вниз, по скале, к морю. Там были гроты и тропа, они с родителями и братом частенько устраивали там пикники, и туда поехали купаться брат с друзьями.

– Беги к брату! – Напутствовала она сестру. – Беги со всех ног!!! Брат не должен сюда вернуться, это ловушка!!! Пусть просит помощи у наших вассалов, у Хлорингов, у Эльдебринков... хоть у кого!!!

– А ты?! – Плача, цеплялась за нее Флер. – Я не пойду без тебя!!!

– Я за тобой! – Фиби быстро перекрестила ее. – Я за тобой, если успею... Если нет – они меня не тронут... Пока брат и ты живы – они меня не тронут!!! Господь и дева Мария с тобой, Флер, держись, будь сильной!!!

– А мама?!

– Мама... с ней все хорошо. – Боль и ужас рванули грудь так, что в глазах потемнело. «Я буду кричать. – Пообещала она себе. – Я проорусь, как следует, но не сейчас... Не надо пугать Флер, нельзя! Она должна быть сильной!».

Двери трещали, слишком слабые, не предназначенные для сдерживания врагов. Почти ничто в этом замке не было для этого предназначено! Никто не верил в то, что сюда когда-нибудь смогут ворваться враги... В донжоне двери были крепче, один воин на лестнице мог сдерживать толпу врагов. Там был колодец, а главное – был потайной ход в гроты. Флер его не знает, и Фиби не знала, но знал Гарри... Но донжон теперь недоступен. Прислушиваясь к звукам боя, последнего боя, который дали их домочадцы, Фиби спускала сестру, заставляя себя не дрожать и не торопиться, не подвергнуть сестру опасности. Успела до того, как рухнули двери, поспешно бросила веревку с узлами вниз, отбежала от перил и развернулась к нападавшим. Тяжело дыша, взглянула – столько убитых! Мальчишки-пажи, и мажордом, и остальные...

– Где твоя сестра? – Подойдя, Эдд грубо потрянул ее. – Где девчонка, сучка?! – И Фиби плюнула ему в лицо. Они думают, ее можно испугать?! Теперь, после того, как она увидела маму... Пощечина по лицу оказалась совсем не болезненной. Фиби вообще ничего не чувствовала. Ей было все равно. Только бы Флер смогла найти брата раньше, чем он попадет в расставленную ловушку! Только бы они спаслись и отомстили за маму и отца!

– Мы тебя сейчас оттрахаем все, по очереди, на постели твоей мамаша! – Рывкнул Эдд. Его люди рыскали по террасе, отшвыривали мебель, рылись в сундуках в поисках девочки.

– Стоять! – Рон вошел, хмурый – все пока идет не так, все! – Не трожь ее... пока. – Он присел перед упавшей на плиты пола Фиби. – Слышала его?.. Он не шутит. Сейчас напишешь...

Девушка взглянула на него, и Гирст сглотнул. Ничего прекраснее, чем это лицо с огромными синими глазами, горящими ненавистью, дерзостью и неженской решимостью, он не видел в жизни своей. Хорошенькая, красивая – ни одно из этих слов и в самой малой степени не обозначало ее внешность. Лыняные кудри, растрепавшись, вились по дивной шее, делая ее еще красивее, еще желанней. «Моя!» – Понял Гирст. Замок, титул, герб... Само собой, но главным трофеем всей его жизни была именно Она.

– Ты такой жестокий стал. – Прошептала Алиса. Они с Гэбриэлом стояли рядом на монастырской стене, над спокойной гладью пруда, по которой то и дело расходились круги – рыба кормилась. Умиротворяюще стрекотали лягушки и цикады, в церкви при монастыре приглушенно пели монашки.

– Мне кажется, – помолчав, чтобы сразу не взорваться, заметил Гэбриэл, – что ты нарочно меня достаешь. Чтобы я взорвался, проорался, и тебе тогда полегчало.

Алиса всхлипнула.

– Вот только не надо, а?! – занервничал Гэбриэл. – Не надо слез! Хватит! Я остался здесь, чего тебе еще надо?! Я с братом поссорился, мне там надо быть, с ним, мириться, гости там, все дела... А я здесь!

– Я тебя не заставляла!

– Нет-нет! – Издевательски поклонился Гэбриэл. – Совсем нет! Конечно, не заставляла – ты меня **ВЫНУДИЛА!** И все твоя ревность, твоя тупая, нелепая ревность! Молчи!!! Ты что, не понимаешь, что ты сама себя этой ревностью своей... сама себе жителя не даешь, и меня достаешь?! Я каждый день, словно по проволоке, хожу – как бы моя невеста меня в чем не заподозрила, как бы ей чего не померещилось! Думаешь, это легко?! Думаешь, я вечный?! Да, я срываюсь, мать твою, а кто бы не срывался?! Как бы ты запела, если бы я на каждый твой взгляд в сторону так же, как ты, реагировал, а?! Думаешь, я не вижу, как мужики и пацаны в замке слюни пускают при виде тебя?!

Замолчал. Алиса стояла рядом непривычно тихая, и плакала. Гэбриэл занервничал. Он и так собрал все свое мужество, чтобы сделать ей выговор – и быстро терял это мужество, впадая в ничтожество от ее слез. Стоит, комкает платок в дрожащих тоненьких пальчиках, хрупкие плечи вздрагивают... Ох, ну твою ж мать-то, а?!

– Солнышко! – Позорно капитулировал Гэбриэл. – Ну... хватит, перестань... Ну, чего ты?!

– Аврора, – пролепетала Алиса, всхлипывая и содрогаясь, – хочет себя убить... Я не могу... не могу ее... оставить... Почему ты... уезжаешь, если тебе надо... потому, что надо... и не спрашиваешь, и не считаешься... ни с кем... а я... я кто... – Она уткнулась в платок и расплакалась.

– Себя убить?! – насторожился Гэбриэл. – Алиса! Солнышко! – Привлек ее к себе. – Тихо, ну... Прости дурака, прости, знаешь ведь: дурачок деревенский, да... Такое вот тебе чучело досталось... Что с ней, с твоей Авророй? Я могу помочь?

– Не знаю! – Немного успокоившись, призналась Алиса. – как можно... как можно помочь... Это так... ужасно!!! Ты не скажешь никому? Никому-никому, даже Гарету?..

– Погоди... – Гэбриэл задумался. – То есть... Это не просто она ушиблась, это она... Нет! Не верю! – Он был искренне потрясен. – Да ну нафиг! Вот про кого-кого, но про нее бы сроду не подумал!

– Она не знает, почему это! – Воскликнула Алиса. – Она сказала мне, что никогда... что у нее никого не было!!!

– Извини, Солнышко, но я не верю.

– И никто, никто не поверит! – Всплеснула руками Алиса. – Вот поэтому она и хочет умереть!

– Ну, ты сама-то подумай...

– Я думала! – Воскликнула Алиса. – Понимаешь, мы говорим порой о мужчинах, обсуждаем... Я знаю, что Мина влюблена в Гарета, хоть она и скрывает, что Юне тоже нравится... кое-кто... Но у Авроры никого нет, никого, клянусь, Гэбриэл! Ей никто не нравится, она такая... Гордая! И она очень, очень, очень порядочная!

– Может, кто – того? – Нахмурился Гэбриэл.

– Я тоже так думала. – Призналась Алиса. – Но Аврора говорит, что ничего не было. Вообще ничего. Кроме одного раза. – Алиса умоляюще взглянула на него. – Гэбриэл, ты вынудил меня предать свою подругу... Рассказать о том, что для нее хуже смерти... Пожалуйста, пожалуйста, не говори об этом никому-никому, пожалуйста!!!

– Не скажу. – Кивнул Гэбриэл. – И ей не дам понять, что знаю, обещаю. Я того... да. Так что там за один раз был?

– Она уснула в саду, а проснулась у себя в комнате. И на постели была кровь. Это было еще до того, как мы познакомились. Но она ничего больше не помнит! Ты понимаешь?! Понимаешь?!

– Понимаю... – Медленно произнес Гэбриэл. – Если, конечно, это не отмазка такая...

– Гэбриэл!!!

– Ну, молчу, молчу. Значит, кто-то ее чем-то того, напоил... Она хоть помнит, что пила?

– Служанка, Жанна, дала ей холодное вино. Авророчка говорит, что потом несколько дней у нее болела голова и несколько раз стошнило. И сны снились... страшные.

– Жанна, говоришь?.. – Гэбриэл нахмурился.

– Она очень, очень неприятная, эта Жанна! Пока у меня не появилась Роза, Жанна и мне прислуживала. Она всем девушкам прислуживает, у кого собственной служанки нет. Она такая... Неприятная! Воображает о себе, думает, что такая незаменимая! Неряха, и сплетница к тому же... И хвастает, что спит с Иво! Мне Роза рассказала!

– Знаешь, Солнышко, а ты не жалеешь, что я узнал. Ты не рассказала, я сам догадался, я же умный у тебя! Если я узнаю – а я узнаю теперь, – кто в Хефлинуэлле подобными вещами занимается, они у меня легкой смертью не умрут.

– Да. – Алиса все равно держалась как-то отстраненно, и Гэбриэл немного погодя вновь занервничал:

– Ну, что опять-то, а? Солнышко, что ты у меня за человек-то такой?!

– Почему, – решившись, и тоже собрав всю свою волю в кулачок, заговорила Алиса, и от ее храброго-храброго вида Гэбриэлу стало, как всегда, не по себе. – Почему мне пришлось выдать тебе чужую тайну, чтобы ты меня понял?! Почему ты хочешь, чтобы твои решения принимали и прощали тебя, а сам этого делать не хочешь?! Твои дела и тайны очень-очень важные, а мои – нет?! Или ты считаешь меня такой нелепой дурой в самом деле?!

– Алиса, – Гэбриэл занервничал сильнее, – не начинай, а?!

– Ты думаешь, если я буду молчать, – отчаянно взглянула на него Алиса, – так будет... Лучше?! А моя любовь?.. Как же моя любовь, Гэбриэл?! Ты думаешь, она – вечная?.. Пренебрежение – оно хуже всего, хуже даже ссор, хуже... всего вообще!

– Я никогда не пренебрегал тобой, не надо! – Вспыхнул Гэбриэл. – Я все делаю только ради тебя! Я постоянно думаю о тебе, готов даже брата отодвинуть, только ты была бы спокойна! Но ты же больше придумываешь себе всякого там, и знаешь, что главное?.. Что все, что ты придумала, оно того... для тебя – как настоящее! И ты мне этими своими... сказками мозг выносишь, чтобы я того – оправдывался! А я ненавижу оправдываться, Алиса! Ненавижу! – Гэбриэл в сердцах стукнул кулаком по камню. – Понимаешь?! Посмотри на меня: я тебе верю!

– Не веришь! – Воскликнула Алиса. – Не веришь, не веришь!!! Может, не ревнуешь... может, тебе все равно... Но не веришь!!!

– Знаешь... Мы с братом уезжаем в Междуречье. – Помолчав, сказа Гэбриэл. – разобратся, что там происходит, кто, как... Ну, и порядок навести, если получится. Мне надо уехать. И тебе надо, чтобы я уехал. Нам обоим надо.

– Гэбриэл... – Глаза Алисы вновь загорелись золотым огнем. – Я не такая, как ты. И не такая, как все вокруг. Ты забываешь это, а может быть, я виновата, что ты этого не помнишь. Я иногда так сильно хочу... хочу исчезнуть... хочу уйти далеко, далеко в лес, чтобы стать настоящей лавви, такой, какой должна быть. Я здесь только потому, что люблю тебя. И моя любовь, твоя любовь – это все, что меня держит. Я не такая, как другие девушки. Я не пленница, и не рабыня, и силой меня ничто не удержит. Если я перестану чувствовать твою любовь, я исчезну. И ты никогда уже меня не вернешь. Не подумай, что я пугаю! – Поспешила она. – Нет! Просто я знаю, что если позволю себе стать настоящей лавви, то обратного пути уже не будет, я стану слишком чужой для всех. И для тебя – тоже...

– Ты плохо меня знаешь, – покачал головой Гэбриэл, – если думаешь, что я не верну тебя. Даже если и не смогу, то буду пытаться, пока не сдохну. Буду карабкаться на твое дерево, землю рыть, ну, все дела. – Он примиряюще рассмеялся, и Алиса не сдержалась, улыбнулась, кокетливо дернула плечом, уклоняясь, но столько в этом движении было дразнящего приглашения, что Гэбриэл только зарычал притворно, сграбастав свое Солнышко в охапку. И как он мог хоть на минуту подумать, будто способен и вправду разорвать помолвку и отказаться от Алисы?!

– Ты мое Солнышко! – твердил он между поцелуями. – Вредное, ревнивое, злющее, рыжее, с лучиками, тепленькое!

Да, солнышко – оно порой бывает через чур, сказал бы он, если б умел. И жарко бывает от него, и даже кожа порой облазит. Но без него – никак.

Вечером в Хефлинуэлл примчался паж, из тех, что сопровождал Алису и ее свиту в Июс, и рассказал о случившемся. Мальчишке ужасно хотелось, чтобы его новости выглядели драматичнее, и с его слов у герцога сложилось впечатление о какой-то бешеной битве с какими-то ужасными чудовищами, в которой пострадали почему-то именно дамы, которых защищал этот самый мальчишка с львиной отвагой. «Нашли, кого послать!» – Выругался Гарет и отправил Марчелло выяснить, что случилось, и кто там лежит при смерти. Первым порывом было помчаться самому, но обида на Младшего была еще слишком сильна. Он чувствовал, что с братом все в порядке. Судя по смутным, но знакомым ощущениям – поругался с Алисой. Но с этим он способен разобраться и сам. Он, Гарет, там уже точно не нужен. За ужином он развлекал гостей и злорадно убеждал себя, и весьма успешно, кстати, что ему нет никакого дела до Младшего и его дел, проблем, чего бы то ни было вообще. Сам пусть выпутывается!

Но как-то все переживалось и переживалось. И за Алису было как-то тревожно. Все у них с Младшим было так красиво и правильно! Гарет, конечно, посмеивался над братом, поддразнивал его, но в душе все же любовался их отношениями и даже немного гордился. Неужели сказка кончилась? И что сделает Алиса, когда у нее исчезнет необходимость жить с ними? Выберет жизнь феи и покинет их? А что станет с отцом – не вернется ли болезнь? Ночью Гарет стоял у окна и смотрел на Тополиную Рошу. Да, уехать необходимо. Потому, что он не в состоянии не смотреть сейчас туда. Понимая, что это глупо, не нужно, просто нелепо – он смотрит, и ему кажется, что она тоже сейчас у окна и думает, возможно, и о нем тоже, а не только о Гэбриэле? И завтра он поедет – не может не поехать, пользуясь отсутствием брата, и будет ездить, не смотря ни на что, потому, что не может не стремиться к этой девушке вопреки собственному разуму, здравому смыслу и даже инстинкту самосохранения.

Мария и в самом деле смотрела на его окна и думала о нем. И ни в ее мыслях, ни в ее чувствах к Гарету и Гэбриэлу никаких противоречий не было.

Никогда еще в ее жизни не было таких безмятежных, прекрасных дней! Никогда она не была так счастлива, и не жила так ярко и полно! Научившись читать, Мария и в самом деле открыла для себя целый мир. Со страниц книг, которые она глотала запоем, каждую свободную минутку, даже во время еды и вместо ночного и дневного сна, прописанного ей Моисеем, ей открывались новые отношения, новые чувства, новые земли, имена, лавина самых разных эмоций и чудесных приключений. Любовь мужчины и женщины, которая явилась для нее еще одним открытием, в этих книгах была достаточно целомудренна, чтобы не тревожить хрупкое равновесие в ее душе, не пугать и не отталкивать. Гэбриэл был абсолютно прав: даже думать об ЭТОМ без внутреннего отторжения и отвращения Мария не могла. Она гнала от себя даже тени мыслей о том, что возможно, и Гэбриэл, и даже Гарет занимаются ЭТИМ с кем-то... с какими-то другими женщинами. Потому, что все, что она знала об ЭТОМ, было мерзко, чудовищно, совершенно неприемлемо. И в то же время ее начали волновать прикосновения Гарета, и как-то... смущать, но смущение было приятным. Она часто думала о нем, о его глазах, губах и даже руках. Думала о том, как красиво он двигается, и какое красивое у него тело. Думала

совершенно невинно, даже не пытаясь представить его без одежды... и все же думала. И мечтала... О странствиях. С Гаретом, вроде странствий ее любимых книжных героев. По какой-то причине – не важно, какой, – они с Гаретом вынуждены будут отправиться в путешествие по каким-то диким местам, вдвоем, только он и она, и приключения! Драконы, великаны, загадочные рыцари в черной броне, колдуны... Только Мария, в отличие от дам в ее любимых романах, деятельно помогала Гарету в его подвигах.

Она знала, что, не смотря на занятость, Гарет все равно ее навестит. И ждала его с самого утра, выглядывая всадника на вороном олджерноне на Золотой Горке. Мария уже знала: если всадников много, и среди них богато одетые господа и дамы, Гарет проедет мимо – значит, он с гостями едет на пикник к Твидлам, или в Гранствилл. Если же он с оруженосцами и Марчелло, то значит, заедет и к ней, сразу, или на обратном пути, и девушка начинала активно ждать, сама не своя от счастья. Чтобы занять себя, наводила блеск на и без того идеальную кухню, готовила что-нибудь вкусное, просила Ганса поднять из подвала, с ледника, сидр или морс, а в последнее время начала готовить лимонад. Творческая натура девушки требовала новизны, и она то и дело совершенствовала рецепты, которым учила ее Тильда, что-то добавляла, что-то убирала... И получалось отлично. Мария успела заметить, что Гарет любит сладкое, и страшно смутилась, поняв, что первое ее варенье было для него невкусным. Но и была благодарна ему, поняв, что он хвалил его, чтобы сделать ей приятное. Он ведь вовсе не обязан был проявлять такую доброту к такой, как она! Тильда не одобряла визитов герцога в Тополиную Рошу, и Мария не понимала – почему. Очень чуткая и умная, девушка видела, что Тильда почему-то беспокоится о ней, даже жалеет. Но верить тому, что Тильда говорит о герцоге Элодисском – что он жесток с женщинами, не ценит, не уважает и не жалеет их, – не могла. И в то, что Тильда врет – не верила. Значит, полагала Мария, – Тильда просто заблуждается. С людьми такое бывает. Она чего-то не поняла в Гарете, или слушает тех, кто его ненавидит. В книгах всегда были такие, кто клеветал и оговаривал: из зависти, злобы, ревности. Жертвами людского оговора становились ее любимые героини через одного. И как же Мария радовалась тому, что научилась читать! Сколько она уже узнала, сколько поняла!.. И как ей хотелось рассказать все поскорее и Гэбриэлу тоже!.. Счастьем было знать, что он обрадуется ее успехам, будет гордиться ею. Таким счастьем!

Конечно, Гарет приехал. И в такое неудобное время, когда и Тильда была в башне. Занятая приготовлением приданого Алисы и обустройством марокканского коттеджа, который был уже практически готов принять свою новую хозяйку, Тильда находила время и для Моисея, все еще живущего в Хефлинуэлле, и для Марии и ее обучения, к которому добрая женщина подходила со всей ответственностью. Мария делала огромные успехи под ее руководством, и Тильда очень собою и своей ученицей гордилась. И очень переживала из-за интереса герцога к прекрасной девушке. Как и все, она считала Марию ранимой, уязвимой, и боялась, что герцог обидит ее. Но ее почтение к чинам и титулам было так велико, что она не смела даже посмотреть на Гарета Хлоринга как-то осуждающе. И когда он появился в Тополиной Роше, она почтительно приветствовала его и поспешила заверить, что не посмеет мешать ему.

– Это я вам помешал. – С сожалением заметил Гарет. – Я на минутку. Ганс, займись конем. Мы с ним гоняли в Омки, по такой жаре. – Он принял из рук Марии бокал холодного лимонада. – Спасибо, Тополек.

– В Омках все хорошо, милорд? – Чопорно спросила Тильда. Она стояла в дверях, выпрямившись, сложив руки под фартуком, и изо всех сил старалась быть приветливой и довольной, но беспокойство просто окутывало ее и сочилось из каждой складки ее опрятной одежды.

– Не очень. – Поморщился Гарет. – Мельник ударил старосту и толкнул его в огонь. Староста что-то там сказал про его дочь... Обычное дело. Пришлось разбираться, мирить их. Староста согласился на отступные.

– Он сильно пострадал?

– Нет. Сильно бы – другой был бы разговор. И мельник сейчас сидел бы в подвале ратуши, а не дома. А жаль было бы: мужик хороший, и мельник отличный. Не пьющий, не лентяй и не бунтарь.

– Мне нужно сходить за цикорием. – Сказала Мария. – Я хотела с Гансом...

– Не вопрос. – Улыбнулся Гарет. – Пошли со мной.

– Но удобно ли это для вас? – Встревожилась Тильда.

– Нет. – Беспечно ответил Гарет. – Но тем оно и заманчиво!

– Мария, деточка, не забудь шляпу с широкими полями! – Вздохнула Тильда.

Цикорий густо рос на склоне через дорогу, и Гарет с Марией поднялись на самый верх, задержались, оглядываясь. Здесь было видно и Белую, и Золотую Горки, и Тополиную Рошу, и сады Твидлов, и Хефлинуэлл.

– Мне очень хочется там побывать. – Призналась Мария. – Там, наверное, очень красиво!

– Побываешь. – Пообещал Гарет. – Гости разъедутся, народу станет поменьше, и я свожу тебя туда. Не хочу, чтобы о тебе узнало слишком много всякого... народа.

– Знаете, – Мария принялась срезать стебли, усыпанные нежно-голубыми цветами и укладывать их в корзину, постепенно двигаясь вниз, на противоположную от дороги сторону склона, – как мне приятно видеть счастливых людей и красивые места и вещи! Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, как много существует в мире хорошего, красивого и доброго. Я ведь много лет думала, что всего этого просто нет.

– Многие, даже и не столь много вытерпев от жизни и людей, – сказал Гарет, помогая ей, – начинают ненавидеть все это.

– Я не понимаю, как это можно. – Призналась Мария. – Ведь столько радости есть в мире! Когда я вижу счастливых людей, чью-то радость, я думаю: «Как здорово, что в жизни все-таки такое бывает! Значит, это возможно и для меня».

– На самом деле ты в этом уникальна, Тополек. – С нежностью глядя на нее, признался Гарет. – Большинство думает иначе. «Как они смеют радоваться, когда мне так плохо?» – Вот главный мотив большинства.

– Может, все потому, что я не человек?.. – задумчиво предположила Мария, выпрямляясь и убирая от лица вьющуюся прядь тыльной стороной руки в перчатке, зеленой от сока срезанных цветов.

– Я бы думал точно так же. – Возразил Гарет. – Если бы не знал своего отца. Это самый лучший, справедливый, честный, благородный человек на свете, и никакому эльфу с ним даже не сравниться. Да и Моисей, насколько я его знаю, человек замечательный. И Тильда эта... тоже.

– Да, они хорошие. – Быстро согласилась Мария. – Но они такие... как сказать?.. Они не такие, как все. Моисей рассказывал, совсем немного, о том, сколько им с Тильдой выпало на их долю. Разве такое могло бы быть, не будь основные люди... не очень хорошими?..

– Люди, – раздался неожиданно рядом чей-то голос, от которого у Марии вдруг все застыло внутри, – это грязное, вонючее, блеющее стадо.

Гарет стремительно развернулся, загораживая собой Марию. Он никогда не видел Аякса, но понял, что это он. И описание, данное братом, и нечто общее для близнецов, часто видевших себя во сне не собой, а братом, помогло опознать эту тварь безошибочно и мгновенно.

– Подарок судьбы – брюхатая эльфа! – Ухмыльнулся Аякс. – И мальчишка Хлоринг, один, без охраны! За что мне так везет, А?!

– Мария, беги отсюда! – Гарет выхватил кинжал, отчаянно жалея, что свой меч-бастард, Светлый, оставил в ножнах, притороченных к седлу Грома.

– Беги, эльфа, беги. – Аякс с усмешкой обнажил огромный клеймор. – Далеко не убежишь. А я люблю. Побегать...

Мария отбежала в сторону, но убежать не стала. Выпрямившись, она отчаянно оглянулась по сторонам. Их же не видно! Собирая цветы, они спустились в небольшую ложбинку, отгороженные от дороги и Золотой Горки склоном холма и кустами бузины и сирени. Эту ложбину было видно только с реки, где в этот момент, как нарочно, не было ни одного судна. Взяв на гребень, она принялась махать руками крестьянам, работавшим на полях Белой Горки, и кто-то оттуда даже помахал ей в ответ. Но и только...

Гарет уверен был, что справится с Аяксом. Не смотря даже на огромный меч. Тот выглядел неуклюжим, громоздким, сущим животным, с длинными руками, короткими кривыми ногами, уродливой рожой и короткими рыжими волосами, больше похожими на щетину. А животных Гарет, выходявший один на один и с кабанами, и с медведями, и даже с зубрами, не боялся совершенно. Аякс просто права не имел быть быстрее полуэльфа, не говоря уже о ловкости и уме...

Это заблуждение стоило Гарету левой руки – порез был таким, что рука мгновенно утратила прежние ловкость и силу. Любимый трюк, перебрасывание оружия из одной руки в другую, исключался начисто, вдобавок, кровотечение было таким сильным, что Гарет понял: у него есть не больше пары минут, и то в самом лучшем случае. Аякс, тоже это поняв, злорадно ослабил, ослабив натиск, чтобы поиграть с жертвой. Он не боялся ни того, что Мария убежит, ни того, что она позовет на помощь. Чтобы его остановить, нужно будет малость побольше бойцов, чем те, что в данный момент ожидали герцога на мосту. Он порвет в клочья и их, и всех, кто там есть, в Тополиной Роще. И заберет девку. Внизу, под кручей, ждала рыбацкая лайба, с подсохшей кровью ее владельца на скамейках... и парой кусочков про запас в корзине для рыбы.

– Я сожру твою печень! – ослабил Аякс, щетина на загривке встала дыбом от удовольствия. – У доходяги-то предыдущего так себе, печеночка была... Пил, скотина, много. А у тебя хорошая, хоро-ошая, жрешь сладко, пьешь вкусно...

– Мария, беги отсюда! – Гарет глядел прямо в глаза Аякса, маленькие, звериные. Молодец девочка, машет руками – кто-то, да увидит. Может, с моста кто заметит... Но не успеют. Беги, дурочка, беги, кричи, зови на помощь... Марчелло в Разъезде, merde!!!

Мария ничего в этом не понимала, но почувствовала, что Гарет теряет силы, и испугалась. Не за себя и даже не за ребенка – за него, за Гарета. Ничего с Аяксом сделать она не могла, понимала, насколько ничтожны ее силы в сравнении с его звериной бешеной мощью... Но и позволить Гарету умереть она не могла тоже! Ее защитник в этот момент, чудом увернувшись от клеймора, ловко извернулся, и сумел-таки пнуть врага в бок, одновременно полоснув кинжалом по запястью, поросшему рыжей щетиной. Аякс заревел, как зверь, глаза стали безумными, в них не осталось вообще ничего человеческого. Мария, внезапно осенившись, схватила камзол Гарета, который тот снял и бросил на куст, и, прыгнув, набросила его сзади на голову Аякса, повиснув на нем всей своей тяжестью. Взревев еще громче, ослепший Аякс крутанулся на месте, чтобы достать девушку, но Гарет этих мгновений не упустил. Пинком выбил клеймор из ослабевшей руки, подхватил его и рубанул изо всех оставшихся сил. Он боялся задеть Марию, и удар пришелся ниже, чем следовало бы, но и так получилось неплохо: Аякс заревел еще громче, еще страшнее, перепугав этим ревом всю округу. Крестьяне побросали мотыги, косы и грабли, озираясь в панике, Матиас и кнехты, ожидавшие Гарета на мосту, помчались на крик. Из обрубка руки Аякса хлестала кровь; Мария вместе с камзолом упала и покатила по траве. Гарет, не теряя времени, ринулся добить противника, но тот, услышав топот копыт и крики подмоги, медлить не стал. На глазах потрясенного герцога, Аякс преобразился: на месте уродливого человека возникла кошмарная тварь, мгновенно раздавленная в плечах и груди, так, что одежда лопнула и повисла клочьями. Все тело твари, сплетенное из тугих мышц, было покрыто жесткой рыжей щетиной, длинная, до самой земли, уцелевшая рука с огромной пятерней была окрашена медвежьими когтями, а слегка вытянутое рыло –

жуткого вида клыками. Меч Гарета не только срубил ему руку, но и глубоко зацепил бедро, и тварь, продолжая реветь и страшно хромя, помогая себе здоровой рукой, бросилась кубарем с обрыва и помчалась к реке. Гарет же склонился над Марией.

Девушка была без чувств, но цела, и у герцога вырвался громкий вздох: слава тебе, Господи!.. Матиас, подоспевший первым, с искренним беспокойством заглядывал в глаза, и Гарет отталкивал его, требуя, чтобы занялись девушкой.

– В Тополиную Рощу... – Чувствуя нарастающую слабость и головокружение, он упрямо не хотел сдаваться им. – Моисея... – И упал на руки своему оруженосцу.

На дороге уже толпились первые из подоспевших крестьян и работники с садов Твидла.

– Что случилось? Что с герцогом? Кто ревел? Еще дракон? – Сыпалось отовсюду. Один из кнехтов поскакал в замок, за Моисеем, а Гарета на импровизированных носилках доставили в башню Тополиной Рощи. Тильда мгновенно развила бурную деятельность, заставила кипятить воду, готовить для герцога покои на первом этаже. Прокипятив нитки и иголку, она сама, не дожидаясь Моисея, промыла специальным отваром и зашила рану на плече Гарета. Марию, которая уже пришла в себя, отвели наверх, в ее комнату, и, закончив с герцогом, Тильда поторопилась к ней.

– Что с ним? – Испуганно встретила ее Мария, порываясь встать. – Он жив? Ему очень плохо?!

– Ему куда лучше, чем тебе, глупая ты девушка. – Сердито возразила Тильда, щупая ее живот. – Чрево, как камень, не хватало еще, чтобы ты скинула! Слушай меня и не нервничай! Расслабься немедленно! Тебе о своем ребенке надо думать, а не о красавчике-герцоге! С ним все хорошо! Ложись вот так... Вам шесть месяцев всего, если дитя родится сейчас, ничто ему не поможет!!! – И Мария, расслышав ее наконец-то, и сообразив, что с нею и в самом деле происходит что-то странное, послушно улеглась так, как велела ей Тильда, и постаралась расслабиться.

Гэбриэл встретил Нэша, который, узнав о произошедшем еще вчера, с утра приехал в Разъезжее, и обсуждал с ним, с Кину и с подъехавшим так же утром Марчелло, как организовать охоту на рыжего тролля. Настоятельница принесла труды Исаяи Омбургского, где подробнейшим образом описывался рыжий тролль, и подтверждалось, что справиться с ним необычайно трудно. Женщина нервничала: нападение такой опасной твари среди бела дня на графиню Июсскую прямо возле монастыря – этого еще не хватало!

– Слышал я про таких тварей. – Соглашался Нэш. – А хуже всего, что они охальники великие. Девок сильничают прям хуже монахов. И так размножаются, потому как самок-то у них нет. Так же, как дриады и феи, те тоже только бабы, и сойтись могут хоть с кем, а родят все равно фею аль дриаду. Я слышал, в деревнях уже было несколько случаев, когда прямо в дом в темноте кто-то вламывался и баб и девок того... Не наш ли урод это был?..

– Ваше высочество! – Настоятельница судорожно сжимала дрожащие руки. – У меня тридцать девушек, тридцать голубок белых, и защиты никакой...

– Я усилю охрану, не волнуйтесь... – Гэбриэл вздрогнул, встал резко, покачнулся, рукой схватился за спинку кресла. Произнес сдавленно:

– Гарет...

– Что случилось? – Марчелло, который не раз был свидетелем того, какая мистическая связь существует между братьями, тоже вскочил. – Что-то с патроном?!

Алиса, которая тоже была здесь, вскинулась, глаза наполнились тревогой.

– Он ранен! – Воскликнул Гэбриэл. – Гарет ранен!!!

– Гэбриэл! – Алиса бросилась к нему. – Не волнуйся обо мне, скачи туда, сейчас же!!! Нэш о нас позаботится...

Великан подтвердил, но Гэбриэл едва ли его слышал. Он чувствовал, что брат ранен, чувствовал боль, дурноту, слабость, и ужас вновь подступил к сердцу. Крикнув, чтобы Иво, Нэш и Марчелло с остальной свитой охраняли монастырь и графиню, он бросился во двор. Пара минут – и он взлетел в седло, погнав Пепла в сторону Гранствилла бешеным галопом. Во время этой скачки олджернон проявил все свои бесценные качества, из-за которых эту породу так ценили в Нордланде. До Гранствилла он домчался, почти не сбавляя хода, за четыре часа, и не выглядел загнанным, минуя Омки – через город Гэбриэл не поехал, чтобы не терять время на его узких улицах. К этому моменту он слегка успокоился, чувствуя, что брату не стало хуже. На перекрестке у садов Твидла его встретил сторож, и рассказал все, что знал. Переведя дух, и пустив усталого, роняющего пену коня шагом, Гэбриэл поехал в сторону Тополиной Роши, сопровождаемый только Гором, не отставшим от хозяина ни на шаг. Ему стало полегче, но тревога все равно держала за горло, не отпускала. Никто не видел, что за тварь напала на герцога Элодисского, и в округе усиленно распространялись панические слухи о еще одном драконе, только «Больше того, ваше высочество, куда больше-то! Уж не мать ли его прилетела за сыном-то?!». По словам сторожа, кто-то уже того дракона и видел. Но Гэбриэл, уже не раз столкнувшийся с нелепыми слухами, которыми мгновенно обрастало всякое событие, в дракона не поверил. После встречи с драконом брат не уцелел бы. Да и разрушений и паники было бы больше. Но что? Сторож слышал страшный рев... Ласково похлопывая усталого коня и обещая ему, что они вот-вот отдохнут, Гэбриэл доехал до калитки в Тополиную Рошу.

Ну, и народа здесь было! Крестьяне из Белой Горки, стражники, кнехты Адама, какие-то зеваки из Гранствилла. Любопытные протоптали целую тропу на то место, где Гарет и Мария собирали цикорий, и где все было запятнано кровью, и Адам поставил стражу и там. Завидев знакомого всадника, он спустился со склона, походя в раздражении сшибая хлыстом верхушки конского щавеля, поклонился брату своего герцога:

– Ваше высочество.

Гэбриэл спешился, передал повод одному из стражников:

– Поводи его немного, пусть отдышится и успокоится. Сразу не пой! Облейте водой только. Он галопом всю дорогу от Разъезжего прошел. Что произошло, Адам? Что с братом?

– Напал на него мясник из Элиота, Торкиль Ван Шиффер... Вы его знаете? – Адам сразу заметил, как переменялся в лице Гэбриэл.

– Знаю. – Кивнул тот. – Продолжай.

– А нечего продолжать. Их сиятельство отрубил ему руку, – Адам кивнул, и они с Гэбриэлом подошли к лежавшей на земле холщовой сумке, пропитанной кровью. От руки, окровавленной, скрюченной, поросшей рыжей шерстью, уже ощутимо пованивало. – А тот его довольно глубоко порезал... – Гэбриэл машинально погладил плечо, и Адам кивнул:

– Именно здесь. Рана глубокая, и очень скверная, крови потеряно много. Но лекарь-еврей его лечит, и за ним хорошо ухаживают.

– Никто больше не пострадал?

– Нет. С их сиятельством была ваша эльфийская кузина, госпожа Тополь, но с ней все хорошо.

– Люди черте-что уже болтают. – Гэбриэл, едва зашла речь о Марии, почувствовал глухое раздражение. Хорошо ухаживают! Ну, еще бы! Мог бы и в замок добраться, не далеко, поди! Но здесь – ухаживают!!! – Драконы, оборотни, драконья мать-перемать... Займитесь этим, черт поberi! – И пошел в калитку, пытаясь усмирить свою злость.

Комнату, где лежал герцог, уже преобразили. Из замка поспешно привезли ковры, портьеры и мебель, подобающие такой особе, во дворе стражники уже приобшились, по требованию Тильды, к полезному труду и убрали остатки строительного мусора, кто-то помогал Гансу достраивать коровник и конюшню. Тильда, слегка недовольная: и присутствие герцога,

и его свита, немного действовали доброй женщине на нервы, – надзирала за процессом и то и дело давала советы или делала замечания.

– О, мой добрый граф! – Обрадовалась она, увидев Гэбриэла. – Их сиятельство говорили, что вы скоро будете, но как можно было подумать, что так далеко...

– Народу-то зачем столько? – Оглянулся недовольно Гэбриэл.

– Их сиятельство тоже требовали, чтобы лишние убирались отсюда, но это личный приказ его высочества. – Тильда значительно поджала губы. – Он собирается нас посетить. Это такая честь!

– А Мария?

– Мы понимаем, что будет лучше, если все эти люди не будут видеть ее. – Успокоила его Тильда. – Она не покидает башню. Надеюсь, это ненадолго!

– Я тоже надеюсь... – Процедил Гэбриэл. Из башни вышел жующий что-то Матиас, и, поспешно глотая то, что жевал, поклонился Гэбриэлу:

– Ваше высочество! Скоро вы! Вас ждут.

Гарет, с комфортом, полулежа устроившийся в походной, но удобной и мягкой постели, ждал Матиаса с лекарствами и обедом, но вошла Мария.

– А вот и она. – Улыбнулся ей Гарет. – девушка, спасшая мне жизнь.

– Это вы меня спасли. – Мария покраснела, глаза чуть увлажнились и сияли так, что смотреть было почти больно. – Он такой страшный был, но вы с ним справились.

– С твоей помощью. Это ты здорово придумала: глаза ему закрыть. Больше ничего бы не помогло.

Мария поставила столик с обедом на пол, присела рядом:

– Я взгляну?.. – И побледнела, увидев пятна крови на повязке:

– Сколько крови... Это же очень больно. – Лучше кого бы то ни было зная, что такое боль, Мария сострадала Гарету так явно и сильно, что он смутился:

– да разве ж это боль, Тополек.

– Не могу, – вырвалось у Марии, – не могу видеть, когда больно!.. Не могу видеть кровь и раны... – Она закрыла лицо руками. – Так не должно быть!!!

– Для мужчин это нормально, Тополек. – Попытался ее успокоить Гарет. – Нельзя, чтобы женщины страдали, я вот женскую кровь вообще видеть не могу. Вы должны жить мирно, спокойно... детей рожать. Я за твоего ребенка, если честно, слегка так, знаешь, – он смущенно усмехнулся, – испугался.

На самом деле испугался он не «слегка», а так, что успокоился только сию минуту, когда увидел, наконец, Марию, живую, здоровую, и по-прежнему на сносях.

– Мы с ним сильные. – Мария с нежной улыбкой положила ладонь на живот. – Мы с ним и не такое перенесли.

– Неужели, – вырвалось у Гарета, – тебя и беременную... не оставляли в покое?!

– В покое?.. – Мария вновь слегка побледнела, опустила глаза. – Нет. И били, и связывали... И продали... вот этому, самому.

– Аяксу? – Не поверил Гарет. – Этому... животному?

Мария кивнула.

– Я никогда его не видела, но слышала его имя: Аякс. Доктор мне говорил не один раз, что он со мной будет делать. Если бы Гэбриэл не вернулся за мной, нас уже не было бы... Но самое страшно не это, а то, что длился бы этот ужас очень... долго. Я так ему благодарна! – Вырвалось у Марии из глубины сердца. – Так благодарна! Так люблю его!!! И Тильде, и Моисею, и вам... Вы не знаете, как сильно я люблю вас всех, как хочу быть вам нужной, на что я готова ради вас всех! Если бы пришлось умереть, чтобы вам было хорошо, я не колебалась бы и секунды!!!

– Тополек! – Гарет аж подался к ней. – Если в самом деле хочешь нам добра, даже не думай о смерти! Поняла?! Живи, будь счастлива, расти своего ребеночка, и это все, что нам всем нужно. Если что-то с тобой случится, как ты думаешь, мы сможем после этого быть счастливыми?! После всего, что было сделано, после всего, что ты вытерпела, самая большая радость – видеть, как ты живешь в покое и радости. – Он сжал ее руку, и в этот момент вошел Гэбриэл. Братья встретились глазами, и радость от встречи смешалась с ревностью, такой острой, что скрыть ее они не смогли.

– Гэбриэл! – Просияла Мария и бросилась ему на грудь, от чего в сердце Гарета словно укололо что-то болезненное.

– Здравствуй, мое сердечко. – Гэбриэл прикрыл глаза, изо всех сил давя и душа в себе ревность, поцеловал Марию в макушку, пахнувшую цветами. – Слава Богу, вы целы, и ты, и наш маленький. – Ревность он придушил, но от маленького укола не удержался. – И Гарет цел, что тоже радует. – Он взглянул в глаза брату, зная, что теперь ревности в его глазах тот не увидит. – Что там произошло?

– Госпожа Золотистый Тополь, – нарочито официально сообщил ему Гарет, которому было гораздо больнее, чем думал его брат, – пошла за цикорием. Я проводил ее. К счастью, потому, что там и напал на нас с нею небезызвестный тебе Аякс. Я с трудом его одолел, и то только с помощью госпожи.

– Он сдох?

– Надеюсь. Я отрубил ему лапу, надеюсь, он истек кровью. Вряд ли кто-то окажет ему помощь. Тополек, ты не могла бы нас оставить ненадолго?.. – И, когда Мария вышла, объяснил:

– Она была без чувств, и самого страшного не видела... Твой Аякс, когда я лапу ему отхреначил, превратился в такое страховидло, что даже мне стало страшно.

– В рыжего тролля. – Гэбриэл не удивился, и рассказал Гарету, что произошло возле Разъезжего, и что рассказал ему Кину.

– Значит, вы ждали его там, а он помчался сюда... – Нахмурился Гарет. Герцог в нем взял верх над влюбленным. – Марию он не узнал, но тому, что увидел беременную эльфу – обрадовался. Даже думать не хочу, зачем ему нужна именно беременная. Мы не можем уехать, младший, пока не разберемся с этой тварью. Может, он сдох, а может, и нет. Пока не увижу его тушу, не успокоюсь. В «Истории Нордланда и Хлорингов», которую наш предок Гай Гэрролд написал, есть целая глава про рыжих троллей... Пакостная, поганая, злобная и опасная тварь.

– Нам в монастыре тоже читали, этого, самого...

– Исайю?.. Тот попик писал с чужих слов, а Гай Гэрролд с ними сам дрался. Они с братьями и вычищали Остров от этих тварей. Там такое понаписано... – Гарет откинулся обратно на подушки. – С меня толку сейчас немного, но я специально остался здесь. – Он криво усмехнулся. – Ты-то, ошалев от ревности, об этом не подумал, а я подумал. Охрана теперь здесь хорошая, даже свора рыжих троллей не подступится.

– Сам ты ошалел... – Но краска на скулах выдала Гэбриэла с головой. Об этом он и в самом деле не подумал. «Неужели я и правда...» – Мелькнуло в голове. Он сел на край постели, мельком глянув на плечо брата, с пятнами подсыхающей крови на белейшей повязке.

– Какого черта. – Произнес, ссутулившись. – Это мой враг, а досталось тебе...

– А ты бы не хотел надрать как следует задницу тому, кто издевался бы надо мной?

– Я б его, как ссаную тряпку, порвал. – Усмехнулся Гэбриэл, и Гарет усмехнулся в ответ:

– Ну, я тоже попытался. И даже кое-что от него оторвал.

– Да уж. – Развеселился Гэбриэл. – Весьма даже нужную часть... Конечно, я ревную. А ты бы не ревновал?!

– да ладно. – Фыркнул Гарет. – Все остальное, так и быть, дарю тебе. Не коси глазом, – он погладил с легкой гримасой плечо, – болит, конечно, зараза. До кости почти полоснул, рукой

даже двинуть больно. Еще немного, и я сам без руки бы остался... Но и так, на весьма продолжительное время, я левша.

Гэбриэл поднял и поставил перед братом столик с обедом:

– Ешь давай. Помочь?

– Угу. – Гарету даже не нужно было ни говорить ничего брату, ни знак какой давать, тот сам вовремя ломал хлеб, подавая ему, резал мясо и наполнял бокал ровно тогда, когда нужно. И Гарет воспринимал это, как должное, его ни на секунду не удивляла эта способность Гэбриэла – он и сам на его месте делал бы точно так же. А вот те, кому довелось видеть подобное со стороны, поразились общности двух братьев, видя в этом что-то едва ли не сверхъестественное.

– Сказали, отец приедет сюда?

– Угу. – Гарет с наслаждением прожевал восхитительно прожаренное мясо. – Ум-м-м... Обожаю! Сам-то ел?

– Когда?.. Ничего, поем. – Гэбриэл понюхал бокал. – Что за хрень?

– Лекарство. Кожа вокруг раны покраснела, от заражения. Моисей сказал.

– А... То-то, чую знакомый запах. Я когда у него лежал, там вся башня этим пропахла. Я тогда сейчас... – Гэбриэл сам промокнул губы брату салфеткой, – Гора по следу пушу. Если нам повезет, мы отыщем однолапую тушку, и сделаем из нее чучело. Блин, какое мясо! Не возражаешь?

– Возражаю. Но разве от тебя кусок мяса спасешь?.. Значит, еще один твой трофей будет?

Скоро у нас будет не замок, а кунцкамера.

– Завидуй молча!

– Эй, а не жирно будет?!

– Жаба!

Мария, бессовестно подслушивающая у двери, улыбнулась весело, и пошла готовить еще один обед.

Барр сидела в пустом зале облюбованного ею постоянного двора, в Далвегане, в деревеньке Топь напротив Блумсберри, недалеко от паромной переправы. Находиться в Пойме Ригины стало слишком опасно, проклятая королева эльфов дышала в затылок, прятаться от нее становилось все тяжелее. Снадобья, изготовленного из жира некрещеного младенца, осталось всего ничего, и Барр, экономя его, старалась находиться вне Элодиса, получая нужные ей сведения от наемных шпионов. От них она узнала о происшествии у монастыря в Разъезжем и о погоне за Аяксом. А вот о том, что произошло у Тополиной Роши, сообщил ей сам Аякс, ввалившись в трактир ближе к вечеру, мокрый, страшный, весь в крови, бешено скалящийся и вращающий глазами.

– Ты всегда вонял не розами. – Скривилась Барр, не утруждая себя притворством по поводу его бедственного положения. – Но сейчас это просто ужас какой-то. Ты пахнешь мокрой протухшей псиной...

– заткнись! – Прохрипел Аякс. – Лучше помоги!

– Зачем мне это? – Ведьма и бровью не повела. – Какая мне в том корысть?

– Ты, сука... – Аякс ощерился, но понял, что у него нет больше сил. Он добрался сюда на последнем издыхании, и если сейчас Барр не поможет ему, спрятаться и отлежаться у него может и не получиться. – Корысть... Ладно, ведьма, отслужу тебе... месяц...

– Год. – Возразила ведьма, глаза сверкнули. – Ты будешь моим слугой год.

– А не пошла бы ты?!

– Я верну тебе руку. Будет похуже прежней, но лучше, чем ничего.

Аякс какое-то время сипло, натужно дышал и молчал. В нем и капли покорности и способности служить не было, он был бешеной и неуправляемой тварью, и сама мысль о службе

нии проклятой ведьме выводила его из себя. Но рука... И жизнь... И возможность мести... И собственная стая...

– Хорошо. – Прохрипел он. – Год. И не часом дольше.

– Поклянись. – Велела ведьма. – По-настоящему, на крови.

– Черт с тобой. – Бессильно выругался тролль, и Барр холодно усмехнулась, торжествуя. Такой слуга, как Аякс, стоил тысячи!

Почти полная луна висела в небе напротив спускающегося к горизонту солнца. До Иванова дня, который в этом году совпадал с первым летним полнолунием, оставалось меньше трех суток, и в Эльфийском квартале целыми днями звучала дивная музыка, послушать которую собирались к его стенам горожане и жители окрестных деревень. Этим традиционно пользовался Марк Хант, прохаживаясь в толпе и присматриваясь к девушкам и женщинам. Молодой, хорошо одетый, стройный, с бархатными темными ласковыми глазами, он привлекал женское и девичье внимание, и не уставал дарить многозначительные и восхищенные взгляды. За девушками, которые соответствовали его взыскательному вкусу, он потом отправлял своих осведомителей: кто такие, где живут, кто родители, какой достаток, и так далее. Пусть из десятка жертвой его в конце концов становилась одна, Марк не расстраивался. Одна здесь, одна там... Попутно он обхаживал служанок в богатых домах, тратился на дорогие подарки и прочие знаки внимания, кормил баснями про женитьбу, про требовательных родителей, и чего только он не сочинял! Служанки – это был его хлеб с маслом, его информация, его самые выгодные сделки. Как эта, например...

– Вот кого не ожидала увидеть, сударь. – Задрала нос конопатая и полноватая девушка в новом платье цвета лаванды и белой косынке, наброшенной на плечи. – И что вы здесь делаете?

– То же, что и ты. – Марк воровато оглянулся и поцеловал девушку в щеку. Та увернулась, порозовев:

– Как не стыдно!

– Чего мне стыдиться, дорогая Тина?

– Вы что мне обещали?.. И две недели носа не казали в наш переулок! Вот и верь мужчинам после этого! – Тина, тем не менее, не особенно отбивалась, пока Марк искусно завлекал ее в тупичок, под раскидистый вяз, где и сорвал пару поцелуев.

– Знаешь ведь, что у торговых людей день на день не приходится... Что твой господин?

– Уехал мой господин. – Дернула плечиком Тина, оправляя косынку на пухлой груди, основательно помятой Марком. – Я уж думала: послать вам весточку, али нет? Я ведь девушка гордая. И кавалеров у меня много.

– Гордая девушка с деньгами – это совсем не то, что гордая девушка без денег. – Замурлыкал Марк. – А я тебе столько дам, что на хорошее приданое хватит, если поможешь.

– Ну-у-у... Я не знаю. – Но Марк видел, что она просто цену себе набивает, что она согласна. Она ненавидела свою молодую госпожу, потому, что до женитьбы ее господин, богатый торговец мехами, спал с нею, и Кристина пользовалась этим, требуя и получая кое-какие привилегии. Но в жены торговец, человек немолодой, взял молоденькую и очень красивую девушку, из бедной, хоть и родовитой, семьи. Тина всерьез считала себя более подходящей кандидатурой в жены, и презирала и ненавидела девушку, которая не от хорошей жизни пошла за человека, который ей не нравился, который был слишком стар для нее и, постоянно опасаясь гипотетического молодого соперника, держал ее взаперти и изводил своей ревностью. По странному женскому обыкновению, Тина обратила свое разочарование и гнев именно на несчастную новобрачную, не в чем ее не обидевшую и не согрешившую перед нею, а не на торговца, который использовал ее, кормил несбыточными надеждами, а потом кинул ради более молодого и соблазнительного тела. Марк, прекрасный знаток женской психологии, видел ее насквозь и использовал в своих целях. Как, впрочем, и многих других.

– Опасно это. – Оправив косынку и платье, Тина кокетливо подвернула манжеты нарядного платья. – А вдруг узнает кто?

– А зачем нам надо, чтобы узнали? Ну же, Тина, фея обольщения! Всего то и надо, дать ей вот это, – он сунул в руку девушки скляночку фантазийной формы, с прозрачной жидкостью внутри. – У нее ни вкуса нет, ни запаха. Нальешь в питье, и когда заснет, дашь знак, впустишь человека. А после, как уйдет, уберешь там все. И никто, даже госпожа твоя, не узнает, что кое-кто с нею слегка... позабавился. Человеку счастье, тебе деньги... И всем хорошо.

– Госпожа моя! – Злобно фыркнула Тина, пряча склянку. – Госпожа голозадая... Оборванка, нищевродка! Только рожей смазливой и взяла... Да мамаша ее, колдовка проклятая, это она моего Франца и околдовала, приворожила так, что он слюни до земли распустил... Ведь в этой Марте нет ничего! Что у нее есть такого, чего во мне нет?!

«Да она в сто раз тебя лучше. – Цинично подумал Марк. – Тебя б я пальцем не коснулся, дура толстозадая, если б не дело, а ее... м-м-м! Даже приплатил бы, чтобы помазать малехо». Но вслух он любезно сказал совсем другое, называя Тину феей обольщения, богиней и цветком своего сердца. Слова – они и есть слова, денег не стоят. А вот за возможность порезвиться с бессознательной женщиной, такой всегда неприступной, но очень и очень желанной, сосед-ювелир готов был заплатить пятнадцать дукатов. И за каждый из этих хорошеньких тяжеленьких кругляшков Марк готов был наговорить тысячи льстивых слов хоть этой дуре, хоть другой.

Попрощавшись с Тиной и купив себе кулек тыквенных семечек, чтобы убрать изо рта привкус ее поцелуев, Марк устроился в условленном месте, поджидая свой самый драгоценный источник информации и средств.

Жанна, общая служанка Девичьей Башни, в городе появлялась крайне редко – при своей-то загруженности. Но порой выходной доставался и ей, и этих дней Марк ждал с нетерпением, так как этим своим контактом очень дорожил. Жанна была не вполне в его вкусе, слишком вертлявая и тощая, но облизывал и убалтывал он ее, словно королеву какую, и всегда держал для нее наготове не дешевенький подарок. Рыцари и оруженосцы Хефлинуэлла были золотым дном, а найти вторую такую Жанну там было весьма и весьма не просто. Жанна нагло этим пользовалась и вела себя, словно сокровище какое, но Марк готов был (пока) это терпеть.

Не обманула – появилась, опоздав всего-то на какой-то час. Бывало, что и дольше заставляла себя ждать, дрянь вертлявая. Пришлось изображать неземной восторг от встречи, целовать и тискать ее, вручить драгоценный эльфийский браслетик ценой аж в три дуката. И стиснуть зубы, когда дрянь, которая сама по себе и дуката не стоила, вся скривилась, принимая подарок так, словно одолжение ему делает.

– Ну, что? – Спросил он, когда все положенные формальности были соблюдены.

– Про графиню Июсскую, что-ли, интересуешься? – Крутя браслетик на своей тощей конечности, поинтересовалась Жанна. – Она уехала в свой Июс. С женихом у нее опять контры какие-то. Не понимаю, что он так с нею носит. Голодранка, пигалица мелкая. Я помню, как она появилась: ни платья приличного, ни шляпки, а уж обувь такая, что в приличный камин бросить стыдно. А теперь, смотри ты, как расцвела и расфуфырилась! А ее служанка, Роза эта – о-о-о, тварь! Деревенщина паршивая, а ведет себя так, словно из благородных!

– Жанночка, фея обольщения, цветок моего сердца, что это значит? – Взмолился Марк, привлекая ее к себе и обвивая рукой ее плоскую талию. – Ничего не вышло?..

– Нет. – Ожесточенно ответила Жанна. – Ничего. Не хочет ни рассказать ничего, ни принять никакой подарок, ни посидеть душевно. Говорю же, тварь. Думала, посидим, выпьем наливочки, поговорим, она что мне и расскажет... Дрянь подзаборная!

– Ну, не расстраивайся, цветок моего сердца. – Искусно скрывая жесточайшее разочарование, вздохнул Марк, целуя ее. – Но что-то же у тебя есть для меня, фея обольщения?

– Не знаю. – Принялась, как обычно, кривляться и набивать себе цену Жанна. – Может, кое-что и есть. Не знаю, что ты с этим делать будешь...

– Ты уж предоставь мне это решать, – с мягкой настойчивостью вытягивал из нее главное Марк, – что я с этим сделаю...

– Марта, служанка дамы Вильгельмины Мерфи, мне кое-что о своей госпоже рассказала. – Жанна фыркнула. – По секрету! Идиотка...

– А что это за дама Мерфи такая, напомни мне, цветочек мой?

– Это закадычная подружка нашей графини. Так вот... Она без ума от герцога.

– О как! – Марк внутренне подобрался и сделал стойку, как охотничий пес. – Что, сильно без ума?

– Он к ней порой захаживает. Ну, там, перепихнуться, когда приспичит. И она совсем свихнулась из-за него. На стены лезет от отчаяния.

– Жанночка! – Просиял Марк. – Фея ты моя... – Аж руки ей расцеловал. – Ты мое сокровище, прелесть моя, роза моя!

– Ты бы лучше, вместо комплиментов, помог бы мне хоть чем-то настоящим, помимо подарочков этих. – Фыркнула Жанна. – Надоело мне быть служанкой для всех и каждого. С утра до ночи обслуживай этих идиотов, гладь, убирай, постели заправляй, горшки их вонючие выноси...

– Ну, пока не скажу, каким образом, но, возможно, очень скоро я твою долю улучшу. – Пообещал Марк. – Есть у меня кое-какая идея...

– Мне не идея, мне весомое что-то нужно. – Дернулась Жанна. – Я устала, как не знаю, кто, никто в этом долбаном замке больше меня не вкалывает!

Пришлось Марку успокаивать, убалтывать и убажывать стерву. Но оно того стоило! Пусть графиня Июсская пока что оставалась недоступна – Марк надежды не терял. Расскажет заказчику, с какими трудностями пришлось столкнуться и набавит цену, не впервой. Зато информация о даме Мерфи ему показалась важной. Барр что-то такое и просила его узнавать.

– Ты, роза моего сердца, как-то намекни этой дуре... Служанке дамы Мерфи... что есть женщина, которая решит проблему ее госпожи раз и навсегда.

– Это как?

– Ну... – Марк поиграл локонами ее тщательно завитых и уложенных волос, – скажем, так: есть такие вещи, как приворот, гадание, все дела. Женщина очень сильная, дело свое знает, как никто. Я никогда в такие дела не верил, но как увидел ее в деле, сам обалдел.

– Что, серьезно?

– Более, чем.

– И что за женщина?

– А тебе зачем?

– Пригодится. – Дернулась, оправляясь, Жанна. – Так... на всякий случай. Я слышала, в Омках живет бабка одна, детей маленьких от коликов лечит, зубную боль снимает...

– Ха! Детские игры, дорогая моя фея обольщения! Ну, ты поняла меня, да, моя богиня?

– Что непонятного-то? – Жанна еще раз рассмотрела браслет, покрутив его на запястье. – Симпатичный, конечно... Но мне сейчас необходимо обувь обновить, туфли стаптываются, как ненормальные, пока бегаешь по этим лестницам: «Это принеси, то раздобудь...». Голодранки!

– Бедная моя фея! – Марк, внутренне чертыхаясь, поцеловал ее запястье. – Будут тебе новые туфли, обещаю.

Гор добежал по следу до обрывистого берега Ригины, где обнаружили обломанные ветки и кровь, и там яростно зарычал, глядя вниз. Гэбриэл сплавал туда с Адамом на лодке, но ничего не нашел. Утонул тролль, или выжил – пока было неясно. Адам был полон оптимизма, утверждая, что потеряв столько крови, сколько ее было на месте боя, никто не в состоянии выжить. Но Гэбриэл, который очень хотел бы в это верить, чувствовал, что нет, не сдох про-

клятый Аякс. И Кину, примчавшийся под вечер, и исследовавший кровавый след, подтвердил: нет, не сдох.

– Но кровь его, – Кину сорвал окровавленный лист и спрятал его в кожаный чехол, – нам поможет.

Победа графа Валенского над драконом переполошила всех врагов Хлорингов до единого. Она совершенно меняла расклад сил и настроения на Острове. В одночасье граф превратился в сэра Гэбриэла, драконоборца, защитника людей; его подвиг уже обрастал легендами и мифами, невесть, откуда возникающими. Рассказывали, что он, якобы, расправился уже с кучей разбойников, появились уличные рассказчики, которые утверждали, что лично знали его, когда он был всего лишь разбойником в Северных Горах, но уже тогда отличался благородством, умом, остроумием и приходил на помощь нуждающимся и несправедливо обиженным – эдакий нордландский Робин Гуд. Месяца не прошло, как был убит дракон, а все эти слухи и мифы уже расцвели по всему Югу, словно по волшебству. Люди потянулись в Гранствилл, чтобы лично увидеть чучело дракона, а главное – самого сэра Гэбриэла. Так его теперь называл весь юг Острова, и каждый ребёнок знал, какого именно сэра Гэбриэла при этом имеют в виду. Питер Дрэд понял, насколько всё серьёзно, когда на улице увидел играющих детей, которые спорили до слёз, кто из них будет сэром Гэбриэлом. Настроение испортилось так, что он еле сохранил на лице обычное своё добродушное выражение немного нелепого чудака с близорукими глазами, когда живущие по соседству супруги раскланялись с ним. Чтобы немного успокоиться, он кивнул им и сказал:

– Слышите, как спорят детишки?.. О каком это сэре Гэбриэле они говорят?

– О младшем сыне его высочества! – Воскликнула женщина. – Разве вы не слышали?.. Он убил дракона в Бродах, а ещё многих людей и сирот уже спас и защитил... Храни его Бог! Наконец-то у этого острова появился настоящий рыцарь и герой!

– Да-да-да... – Питер Дрэд улыбнулся своей милой детской улыбочкой добрейшего чудака. А в душе было черным-черно. Ох, как плохо... как плохо! Надо было немедленно что-то делать! Попытка выставить младшего Хлоринга содомитом провалилась – у него, как оказалось, есть уже дочь-бастардка, он женится, и по слухам, обожает невесту, красавицу, бесприданницу и сироту – то есть, браком по расчету это не назовешь. Амалия с супругом слишком промедлили, непозволительно долго медлили, и теперь требуется нечто большее, чем физическое устранение. Пустить слух о том, кем прежде на самом деле являлся этот герой и где он был?.. Опасно. Хлоринги могут в ответ раскрыть все карты, и тогда плохо станет всем. Дрэд, продолжая напряжённо размышлять, прошёл к себе, махнув рукой приподнявшемуся из-за пюпитра секретарю – доминиканцу: сиди, не нужен, – открыл створки окна, впустив в прохладу комнаты жар нагретых солнцем стен и запахи раскаленной солнцем улицы. Секунду спустя на подоконник уже с ласкающим слух шумом спикировал первый голубь, пытливо глянул круглым глазом. Дрэд насыпал пшено, и минуты не прошло, как карниз был полон толкущихся, воркующих и недовольно урчащих голубей. А он продолжал размышлять, подсыпая пшено и любуясь птицами. Безвыходных ситуаций не бывает, он это точно знал. Вариантов было много, и Дрэд обдумывал каждый, просчитывая последствия. Гэбриэл, по слухам, безумно любит свою невесту и верен ей. Наверняка, Хлоринг ревнует её, если так сильно любит. Если любит – уточнил для себя Дрэд. Сам он не слишком верил в силу так называемой любви, хоть сила воледеления была ему знакома; свои связи он тщательно скрывал, но они то и дело возникали. Девушек он любил хрупких и нежных, большеглазых, кротких. Если имели место несогласие или протест, он подавлял их либо деньгами, либо прямой угрозой, либо шантажом. Дрэд был однолюбом, поэтому любовниц у него было мало, всего трое, и все были при нём подолгу. Он был им верен, щедр, потому гордился собой, а то, что девушки во всех трёх случаях были с ним не по своей воле, ничего не значило для него – женщины, как он считал, не те создания, с чувствами

которых, вздорными и поверхностными, стоит считаться. Последняя любовница ему изменила, влюбившись в какого-то молодого рыцарёнка, и Дрэд примерно наказал их: рыцарёнка убили, а девушку изуродовали и заперли в монастыре. И теперь Дрэд был одинок... Временно.

Но это следовало уточнить. Этот вариант, с невестой, следовало хорошенько обдумать. Прощупать почву, и если Хлоринг, вопреки его прошлому, когда он был игрушкой мужчин-содомитов, всё-таки испытывает искренние чувства к своей невесте, то это его и погубит. Но наугад, решил Дрэд, действовать нельзя. Нужно поехать в Хефлинуэлл и встретиться с Хлорингами лично. Припугнуть. Сделать вид, что ищет компромисс, пусть ценки подумают, будто у них есть время и надежда. Выяснить всё, что удастся, а главное – что из себя представляет на самом деле старший брат, так как появились сведения и подозрения, что с первоначальной оценкой он сильно поторопился. Надо ехать в Хефлинуэлл. И повод имеется: странный внезапный отъезд на север епископа Гранствиллского, случившийся после того, как он был почти насильно увезён в Хефлинуэлл. Для Дрэда ничего странного в этом не было, как и в убийстве ювелира; но как повод годилось. Конечно, разоблачать младшего Хлоринга нельзя, но припугнуть и приземлить – нужно. В таких делах Дрэд был мастером. Если нужно, он мог бы и святую Цецилию сделать виновной и запугать грехом. Решено... Нужно ехать. Дрэд с облегчением улыбнулся и посюсюкал голубям, потом позвал секретаря. Писать письмо герцогу Элодисскому.

Дела в Садах Мечты шли всё хуже, и это сильно сказывалось на Драйвере и на его состоянии. Денежные его дела были вообще хуже некуда. Кенка и его клика в наглую пользовались Садами Мечты, не платя за это ни геллера, и Драйвер ничего не мог поделывать: они утверждали, что он кругом виноват и должен быть рад, что его ещё не сдали Хлорингам с потрохами... В отместку Драйвер решил придержать Привоз мальчишек – ещё не хватало, предоставить им свежее мясо на дармовщинку! И тайком от них барон начал пускать в Сады Мечты всех, кто платил, превратив своё детище в вульгарный бордель... Для чего нужны были девки, много девок, так как большинство тех, кто приходил в Сады Мечты теперь, хотели именно их. Хуже того – они требовали, чтобы девки разговаривали, пили с ними, были веселыми и покладистыми. Драйвер бесился, но вынужден был купить несколько девок в окрестных борделях, отведя для них особое помещение; при том, что денег они приносили не в пример меньше: люди шли сюда, прослышав, что тут есть нечто совершенно необыкновенное, чего больше нигде ни за какие деньги не купишь, и злились, находя обычных трактирных девок. Каким страшным ударом для него был захват Хлорингами баржи с новым мясом! У него остались только две свежих девки подходящего возраста, которых он приготовил себе, на роль будущей баронессы Драйвер. Жаль, но придется их использовать... Они будут дорого стоить, ведь из себя они красивы, что есть, то есть, хорошо воспитаны, умеют говорить... И не какие-то там кабацкие шлюхи, их можно представлять, как аристократок. Драйвер очень надеялся, что сможет выручать за них не меньше пятидесяти дукатов за раз. Это был страшный риск, но идти на него Драйвер был просто вынужден; денег катастрофически не хватало, дошло до того, что он не мог себе позволить многое из того, на что не жалел золота прежде. Быть нищим ему казалось так позорно, что барон с ума сходил, когда ему предлагали что-то из того, что он любил прежде, а ему приходилось отказываться от прекрасных и редких вещей, выкручиваясь изо всех сил, придумывая отговорки и отмазки, только бы не сказать прямо: нет золота, нет, и неизвестно, когда будет!!! Но не меньше мучило его то, что он превратил детище свое, свои Сады Мечты, из места сакрального, таинственного и идеального, храма своей личной религии, в вульгарный бордель! Всё это изводило его и мучило ежедневно, ежечасно, превратив жизнь в ад. Узников Садов Мечты кормили из рук вон плохо; кормили затхлою крупой, собачатиной, ржавой рыбой, плесневелым хлебом... Когда же Доктор попытался возмутиться и напомнить,

что от этой еды мясо будет дохнуть в два раза быстрее и чаще, Драйвер накинулся на того с кулаками.

Доставить девок следовало с самыми строгими предосторожностями. Не хватало еще, чтобы и их захапали Хлоринги! Одна жила в Элиоте, другая – в Бирхолле, оба города были портовыми, и Драйвер отправил за ними Гестена на собственном корабле, «Ганимеде». Тайно, и как можно скорее: забрал девок, и в Найнпорт, без остановок, на всех парусах! Мысленно Драйвер уже тратил на самое необходимое деньги, которые получит за этих девок, Евгению и Вирсавию. Он рассчитывал не меньше, чем на пятьсот дукатов, и бессильно стискивал зубы: когда-то он тратил столько за сутки, получая в Садах Мечты в разы больше! А сейчас он вынужден придумывать, как растянуть эти деньги на месяцы... Такое унижение... такое унижение! А все Гор... Все проклятые Хлоринги! Как Теодор их ненавидел!.. О своей вине перед ними он и не думал. Он – виноват перед ними?! Это они были виноваты перед ним во всем!

Глава третья: Полная луна

Насчет Очень Большой Боли сэра Карл Брэгэнн не пошутил и ни разу не преувеличил. План его был прост, и Вепрь – не дурак ведь, – признал, что тот прав. Удрав от Птиц, он заставил их сомневаться в нем, подозревать. И наверняка кто-то для них шпионит в Каменке, как, впрочем, и по всему Междуречью.

– Людишки, людишки шпионят, милый мой друг. – Обстоятельно и чуть печально объяснял он это Вепрю. – Жадные до денег враги рода человеческого. Я таких, регулярно, презираю и не уважаю никоим образом. И попадись такой Иуда мне, легкой смертью он не умрет... А они мне рано, или поздно, достанутся, я терпелив. С твоей помощью, мой милый друг, отловив хоть одну Птаху божью, я все, обо всех, узнаю.

А пока, – он ласково потрепал Вепря по плечу, – чтобы вернуть им веру в тебя, стану я тебя пытаться. Не обессуди, мой милый друг, пытаться буду по-настоящему, чтобы выглядело все регулярно правдоподобно. Как думаешь, сколько дней нам понадобится, чтобы они про то прознали и пришли тебе на помощь?.. Впрочем, это не имеет регулярного значения. От тебя требуется только одно: играть героя. Правдоподобно, мужественно, героически. Я буду спрашивать, где Птицы, а ты можешь и плевать в мою сторону, это только правдоподобнее будет выглядеть, ничего. Думай про себя, какой будет тебе награда, если все получится у нас. Станешь ты не последним человечком при мне, регулярно, при кормушке и при деле. Я тебя, мой милый друг, буду и дальше использовать. Есть у нас, – сэра Карл, вымыв руки, принялся перебирать орудия пыток, и Вепрь невольно сглотнул, глядя на это, – речушка пограничная, Каяна, и озеро Малый Конь... Живет там, регулярно, самая неуважаемая мною мразь, Вэлери Ол Таэр, полукровка, которого поклялся я извести любой ценой. И ты, мой милый друг, мне в этом поможешь. – Он подошел к Вепрю с клещами в руках. – Начнем, милый мой друг? Очень мне не терпится, – сэра Карл повысил голос, и в толпе крестьян за плетнем послышался гул приглушенных голосов, – узнать от тебя, где Птицы твои регулярно прячутся.

– Да пошел ты... – Огрызнулся «героически» Вепрь, и зашипел, скривившись и напрягшись – начал сэра Карл прямиком с ногтей.

Сэра Карл оказался виртуозом своего дела, да и любителем к тому же: пытал он Вепря смачно, со вкусом, с наслаждением. И Вепрь все больше начинал ненавидеть его. Да, эта мразь, точно, была из Садов Мечты! Только там такие и водились... Служить ему?! Быть под его началом?! В какой-то момент, облитый холодной водой, Вепрь словно очнулся окончательно. А так ли уж он хочет, чтобы все вернулось?! Обратного к твари вроде Драйвера, которая использует его, а при первой же возможности запытает насмерть?! Получая от этого наслаждение?!

– Пошел в жопу! – Хрипло выплюнул он в осточертевшую, перекошенную от наслаждения рожу. – Понял, урод большой?! – И заорал, сколько хватило сил в легких:

– Ловушка это, ловушка, идиоты!!! – И сам же засмеялся над собой, не веря ни на грош в то, что Птицы вообще интересуются им и придут. Просто он хотел покончить с этим... Хватит с него. Пожил.

– Заткнись! – Осточертевшую рожу рыцаря перекосило от неожиданности и ненависти, и Вепрь попытался снова закричать, но удар сбоку по несчастной голове вновь погрузил его во мрак.

Очнувшись, он пожалел об этом в тот же миг, потому, что голова болела дико. И то сказать: сколько можно по ней, несчастной, лупить?.. Он и очнулся-то, наверное, именно от боли. Болела не только голова – болело все. Пальцы дергало болью, суставы вывернутых рук болели тупо, боль порой сводила их так, что дыхание перехватывало. А что творилось на местах ожогов, так этого вообще никакими словами было не описать! На лице зачем-то лежала мокрая

тряпка, и Вепрь с досадой поморщился – сил не было шевельнуть ни головой, ни рукой, чтобы стряхнуть ее. Сквозь ткань он видел тусклый свет, слышал звуки кузницы в отдалении, куриное бормотание, птичий щебет, и не мог сообразить, где он. Руки, вроде, свободны... замотаны чем-то, но не связаны.

– Как он? – Услышал он рядом тихий и вроде, знакомый голос. – Очнулся?

Нет, не сэр Карл... определенно, нет.

– Смотри, моргает под тряпкой! – В полный голос произнес над ним Ворон. Точно, он! – Живучий, волчара! С возвращением, эй!

– А я-то надеялся сдохнуть... – Прохрипел Вепрь, и, заслонив свет, над ним склонился кто-то, кто, сняв ткань, оказался Зябликом.

– Ну, с этим у нас не заржавеет. – Пообещал Ворон, широко ухмыляясь. – Особенно такому, как ты. – Он присел рядом. – Я-то думал, ты решил нас продать и к тепленькому местечку при Смайли пристроиться.

– Я и хотел. – Хмыкнул Вепрь. – С вами-то, благородными такими, каши не сварить.

– Ворон, не слушай его. – Зяблик намочила тряпку и, сложив несколько раз, уложила ее на лоб Вепрю. – Он в бреду только и твердил, чтобы мы в ловушку не лезли да забыли про него.

– Угу. – Кивнул Ворон. – А еще что говорил про тебя, помнишь? – И засмеялся, когда Зяблик густо покраснела и замахнулась на него.

– Я говорил? – Искренне удивился Вепрь. В его мире раненых и больных никто не выхаживал и не присматривал за ними. О такой детали, как бред, Вепрь и не подозревал.

– Молчи уже, горе мое! – Строго прикрикнула на него Зяблик. – Разговорчивый ты наш... Все про голову свою твердил, да про то, чтобы мы в ловушку не пошли.

– Его счастье. – И Сова здесь оказалась! Вот уж кому Вепрь вообще был не рад! – Иначе прирезала бы его, как барана... Ненавижу предателей!

– Как вы меня того... – Вепрь сморщился. Даже говорить больно.

– Мы вообще за тобой ехать не хотели. – Поведал Ворон. – Решили с Совой, что уйдем из лагеря, про который ты знаешь, да и с концами. Но кое-кто, – Ворон весело взглянул на Зяблика, – принялся возмущаться и твердить, что ты лучше, чем кажешься. Что нельзя тебя вот так оставить, и все такое... Ну, мы и отправили шпиона. Точнее, шпионку.

– Шпионку?..

– Конфетку. Она щупленькая, оденется парнишкой, рожу измажет сажей, и нипочем не догадаешься, что это девчонка! – Воскликнула Зяблик, и Сова шикнула на нее:

– Рот-то закрывай иногда! Балаболка!

– да ладно! – Отмахнулась Зяблик. – Он ведь наш теперь!

– До поры-до времени. – Сова гибким точным движением поднялась с пола, на котором сидела, скрестив ноги, не помогая себе руками. – Далеко ему еще до нас. – И вышла, отряхивая штанину.

– И что дальше? – Поинтересовался Вепрь.

– Ну... Конфетка нам все и рассказала. Как тебя пытаются, и как ты кричал, что это ловушка. Мы все вместе решили, что тебя нужно вытащить. Ты полукровка, и был с нами. Ну, рассердился, уехал... бывает. – Зяблик глянула на Ворона. – Да ведь? Но ты же наш? Правда?

– А Брэгэнна кто завалил? – Вепрь с одной стороны хотел, чтобы тот сдох, с другой – вот бы самому до него добраться когда-нибудь! Уж тогда тот и сам бы узнал, что такое Очень Большая Боль!

– Он удрал. – Опять сунулась Зяблик. – Конфетка в него попала, но не убила, удрал он.

– Есть у меня пара вопросов. – Небрежно заметил Ворон. – Так, просто, интересно.

– Пить дайте. – Попросил Вепрь, пытаясь приподняться. Ему казалось, что сможет, но Зяблик и Ворон в две руки удержали его:

– лежи, болван! – Воскликнули хором.

– У тебя это... трясение мозга. – Важно сообщила Зяблик. – Ты уже неделю бревном лежишь. Доктор сказал, что тебе нельзя ни вставать, ни на свет смотреть. Темно надо, чтобы. Вот, пей через соломинку.

Даже такое легкое усилие, как попытка втянуть в себя через соломинку какой-то горьковатый напиток, оказалось болезненным. Но Вепрь умел игнорировать боль, и вытянул все, до капли. Противно, слов нет, но пить хотелось зверски. И только подождав, пока уляжется боль, Вепрь спросил:

– А этот-то как здесь оказался?

– Который?

– Доктор.

– Он из эльфов. Мы на эльфийской территории. – Не поняла его Зяблик. – У нас здесь, как говорят наши враги, оно: гнездовье. – Девушка хихикнула. – Только им ни в жизнь его не найти, эльфы их сюда не пустят.

А их, значит, пускают? – Вепрь помнил, как сам пытался пробраться на север по эльфийскому побережью. Ни черта он, оказывается, не понимает... Ведь Птицы тоже разбойники, как бы, и крови на них – будь здоров! Вот как здесь разберешься?.. Он поймал на себе пронзительный взгляд Ворона, прикрыл глаза с неприятным чувством в душе.

– Ты зубы-то не заговаривай. – Заметил Ворон. – Почему передумал?

– Чего передумал?

– Продать нас.

– А я не передумывал.

– Врешь. Передумал. В бреде не врут.

– Не знаю я! – Психанул Вепрь. – На хрена вы меня сюда приперли?! Я думал, что сдох, все, кончено! – И зажмурился. Жар и боль бросились в голову, тяжело застучало в висках, и новый холодный влажный компресс показался особенно приятным.

– Все, все, – зашептала, глядя его по плечу, Зяблик. – Успокойся... Все пройдет, поправишься, вот увидишь... Эльф обещал тебе сонную траву, чтобы больно не было...

Вепрь почему-то даже разозлился на нее. Ему хотелось огрызнуться, как дикому зверю, не привычному к прикосновениям, но сил не было. Чего она его трогает?! То, что Птицы все-таки его спасли, Вепря и тронуло, и рассердило. Вот уж чего он вообще никогда не испытывал, так это благодарности! И сам не понимал, как сильно, истово, он теперь благодарен Птицам. Никто, никогда, за всю его жизнь, полную чего угодно, кроме заботы и преданности, не пришел ему на помощь. И он не приходил на помощь никому. То, что его, полуживого, да еще так подставившего их, Птицы не бросили, выручили и даже выхаживают, Вепря купило с потрохами. Теперь бы еще понять непонятные ему вещи... И стать для Птиц своим.

Гарри Еннер, Марк и Кирнан, не подозревая о том, что происходит в Северной Звезде, купались в море. Втроем, оставив лошадей и одежду в тени скал, на травке под деревом, они качались на волнах спокойного в этот солнечный и жаркий день моря, с хохотом ныряли и хватали друг друга за ноги, искали в море ракушки и камешки, бродили по берегу в надежде отыскать кусок янтаря побольше. Вспоминая потом этот день, Гарри поражался тому, что в его сердце не было и тени предчувствия беды, которая уже случилась, уже безвозвратно изменила его жизнь. Он даже чувствовал себя потом предателем, сознавая, что в момент, когда убивали его мать, он весело скакал в волнах прибоя, хохоча, как последний придурок... Не думая о том, что это была просто последняя милость судьбы, которая слегка отсрочила его горе.

– Чего ты нашел там, Марк? – Спросил он, подходя к другу, который сначала распинывал ногой ком водорослей, каких-то палок и другого мусора, а потом присел и стал ворошить его щепкой. К нему подошел и Кирнан, вытряхивая из волос песок. Загорелые, светловолосые, белозубые, с песком на коже, они, шурясь от солнца и морща загорелые носы, смотрели, как

Марк выколупывает из песка и мусора удивительную раковину, ультрамариновую, с белыми и цвета слоновой кости разводами и точками, с шипами и наростами, и такой же потрясающей формы.

– Ничего себе! – Озвучил Кирнан Бергквист. – Никогда таких не видал! Дай глянуть?

Марк молча тщательно вымыл раковину в морской воде и снова рассмотрел. Друзья, естественно, первым делом сообщили ему, что если приложить к уху, то услышишь шум моря, на что Марк засмеялся, и сказал, что шум моря можно услышать, если приложить к уху стакан или сложенные лодочкой ладони. Но посмотреть свой трофей дал.

– Отец любит всякие такие морские штуки. – Заметил Гарри. – У нас в Звезде целая комната есть, где всякие раковины, всякие сушеные морские гады и все такое...

– А Фиби?

– Вот у нее и спросишь! – Засмеялся Гарри, и тут Кирнан, у которого были самые хорошие слух и зрение, резко повернулся в сторону тропы промеж скал, ведущей в уединенную бухточку с пляжем. Через пару секунд и Марк с Гарри услышали отчаянное детское:

– Гарри! Гарри!!! – И бросились к одежде, чтобы поскорее прикрыться. Еле успели натянуть штаны пополам с песком, как на пляже появилась зареванная Флер, отчаянно машущая руками:

– Гарри, Гарри! – девочка, задыхаясь, бросилась к брату и прижалась к нему, вся дрожа.

– Флер?! – Гарри присел, крепко стиснув ее плечи. – Что случилось, Флер?! Что-то с мамой? С отцом?! Флер!!! – Он сильно потрянул девочку. – Что случилось, говори!!!

– Я не знаю! – Воскликнула Флер, плача. – Я не знаю! Фиби спустила меня по веревке со стены, сказала, что спустится за мной, а сама не спустила-ась!!!

– По веревке?! – Гарри не поверил своим ушам. – По веревке со стены?! Что ты несешь?!

– А они в это время двери ломали! – В отчаянии воскликнула девочка. – Мне так страшно, так страшно, Гарри! А Фиби кричала: «Измена, измена!».

– Измена... – Гарри застыл, пытаясь поверить в то, что не могло быть реальным. Но Флер была так испугана, так дрожала, так плакала, что это не могло быть очередной игрой глупой девчонки. Марк и Кирнан, не сговариваясь, поспешно одевались, мгновенно отбросив веселье и беспечность – очень и очень надолго.

– Какая измена, кто? – Спросил Кирнан. – Кто-то приехал в Звезду?

– дядя Енох приехал. – Всхлипнула Флер. – Больше никто.

Гарри выпрямился, придерживая сестру за плечо.

– Он один приехал? Не видела, сколько человек с ним было?

– Не видела. – Флер, чувствуя себя рядом со взрослыми, как ей казалось, мужчинами в безопасности, постепенно успокаивалась. Как можно было чего-то бояться, когда рядом брат, дядя Кирнан и жених сестры? Но самому старшему из них, Марку, было всего двадцать два года, он даже в рыцари еще не был посвящен! Отправившись купаться, они даже слуг с собой не взяли – чего им было опасаться подле неприступного замка, в спокойной земле?.. Гарри и Марк переглянулись, а Кирнан сказал:

– Может, мне поехать, разведать, как и что...

– Если Енох предал и привел врагов, – сказал Гарри, – и замок захвачен, значит, нам нельзя высовываться. Пока я жив, они сестру и маму не тронут. Не посмеют. Они будут для них заложницами. – Он был в отчаянии, но, как и Фиби, держал себя в руках и рассуждал на удивление здраво и быстро. – А на нас откроют охоту, я для них главная цель. Нам нужно пробраться в город и скрыться у кого-нибудь из наших людей, разузнать все и решить, что делать. Нужно как-то связаться с отцом... – При этих словах что-то сжалось в сердце, но Гарри отогнал от себя страшное подозрение: такая наглость возможна была лишь в одном случае... Нет! – Или с нашими вассалами. Это им даром не пройдет! За нами весь север Междуречья.

– И Эльдебринки. – Добавил Марк. – Со мной им тоже придется считаться, отец этого не стерпит.

– С Бергквистами тоже никто в здравом уме не станет связываться. – Напомнил немного ревниво Кирнан. – На что они вообще могут рассчитывать?

– На то, что мы с отцом мертвы. – Побледнев, все же сказал Гарри. – А Фиби станет женой кого-то из них.

Теперь побледнел Марк.

– Кто знал в замке, что мы поехали купаться? – Быстро спросил Гарри. – Кроме мамы и Фиби?

– Да вроде... – Начал было Марк, но Кирнан возразил:

– Мы на весь замок орали об этом, когда коней седлали.

– Сматываемся отсюда. – Решил Гарри. – И не по тропе, а по берегу. – Подсадил сестру в свое седло, уселся сзади. – Держись, Флер. И ничего не бойся – мы же с тобой. Не боишься?

– Нет. – Помотала девочка головой, вцепившись в луку седла. – Не боюсь! Я храбрая!

Дон Хуан Фернандо и Амалия, в сопровождении только своей свиты, отправились в Грансвилл, формально – чтобы посетить собор, на самом деле – чтобы переговорить о своем. Их пребывание в Хефлинуэлле затягивалось, а до осуществления задуманного им было так же далеко, как и в первый день, и дон Хуан Фернандо, устав ждать, выговаривал супруге:

– Вы ведете себя странно, дорогая Амалия. Я вас не узнаю. В чем дело?

– Это не я странно себя веду. – Огрызалась та. – Это Хлоринги – каналы и зануды! Герцог раскусил нас в первый же день, а второй... О-о-о, как я его ненавижу! – Амалия трянула головой. – Это бесчувственная колода, да, я верю, что он содомит – я не видела в нем ни унции интереса к какой либо другой женщине, кроме этой маленькой негодяйки!

– В таком случае, я его назову содомитом, он бросит мне вызов, я его убью. И мы отправимся домой.

– Герцог этого так не оставит!

– тем лучше. Убью и его, и поедem домой. Мне осточертел этот Остров, меня бесит унылое безвременье, которое они называют летом, и пугает перспектива задержаться здесь до зимы. Я слышал, в период равноденствия здесь начинаются ужасные шторма, и корабли встают на якорь до апреля месяца. Не обрекайте меня на прозябание в этой дыре на такой долгий срок!

– Не волнуйтесь. Еще до отъезда братьев в это их Междуречье я все устрою.

– Как? Если ни один из них не поддастся вашим чарам? Уж не стареете ли вы? – Насмешливо поинтересовался дон Хуан Фернандо, и Амалия гневно сверкнула глазами. Чувствуя, что никак не может найти подход к Гэйбу Хлорингу, она с некоторых пор и сама начала со страхом думать о том же, подолгу разглядывая себя в зеркалах, когда оставалась одна. В ее годы большинство женщин теряли и стройность, и привлекательность, но это, как она поняла, не относилось к эльфийкам. И даже к полуэльфийкам... Те были хороши вечно, и это казалось Амалии несправедливым. Она смогла выяснить, с кем спит Гарет Хлоринг, помимо двух вертихвосток в Рыцарской башне, и была поражена: толстушка с телячьими глазами, дама Мерфи! В первый момент она даже не поверила, но скоро вынуждена была поверить: именно та является его более-менее постоянной любовницей. И это стало последней каплей ее гнева. Братья поплотятся. И не в Междуречье, куда они то ли поедут, то ли нет, толи погибнут там, то ли не погибнут. А здесь и сейчас. Она обязана была взять реванш!

– Не переживайте. – Холодно ответила она своему мужу. – В ближайшие дни все будет сделано.

– Пока герцог поправляется в Тополиной Роще?

– Что ж. – Сморщила носик Амалия. – Нам было поручено избавиться от одного из братьев. Одним и ограничимся. Поверьте: этого будет вполне достаточно.

На площадке у городских ворот, недалеко от лавки Франтика и кузницы, жонглеры соорудили временный помост и устроили представление. Заинтересовавшись, Амалия придержала коня. На помосте играющий девочку мальчик в скромном белом платьице так трогательно упрашивал дракона – дымящееся чудище, сооруженное из двух бочек, просмоленной ткани и головы из папье-маше, – не убивать его (ее) что в толпе даже всхлипывали.

– Пожалейте сироту, – мальчик явно был очень талантлив, и играл так, что засмотрелась и Амалия, – я не знаю ни отца, ни матери, всюду встречаю одни проклятия и побои! не сделав в жизни ни одного дурного дела, что я видела от судьбы? Неужели я умру, не услышав и слова любви, и никто не прольет ни слезинки, когда меня не станет? Мастер дракон, сжальтесь, умоляю! Некому защитить меня, некому пожалеть, никто не придет на помощь! Что вам за честь, убить сироту?

– Замолчи! – Гулко прогудело откуда-то из драконьего пуза. – Что ты просишь меня, я злобный гад и таким создан людям на погибель! Мне что сирота, что принцесса, все едино, лишь бы брюхо набить! Не жаль мне твоих слез! Почему не просила людей в городе, чтобы пожалели тебя?

– Не нашлось никого, кто пожалел бы сиротку. – Скорбно закрыл лицо руками мальчик. – Нет в этом мире для одинокой беззащитной сироты ни жалости, ни защиты, ни милосердия! Видно, придется мне принять страшную мою смерть, и пусть Господь возьмет мою душу к себе, и согреет меня своей бесконечной любовью! Только там, подле него найду я защиту и ласку, подобно всем, кто, как и я, не дождался крохи добра на земле!

Дракон, под протестующий гул зрителей, гулко захохотал из своего деревянного нутра:

– Готовься принять смерть свою в моем чреве, жалкая девчонка! Нет никого, кто заступился бы за тебя! Оглянись кругом: где рыцари, где герои?! Не родился еще на свет герой, который одолел бы меня! Я могуч! Я страшен! Я ужас всех земель ближних и дальних!

– Действительно, ужас. – Усмехнулся дон Хуан Фернандо. – Кто придумывал им текст?

– Погодите... – Амалия остановила его касанием руки. – Мне кажется, я знаю, кто сейчас появится.

– Все придут ко мне на поклон, и лорд, и смерд! – Куражился дракон. – Все падут передо мной! Все понесут ко мне своих детей, а кто не понесет, тот погибнет в драконьем огне! Прекращай ныть, глупая девчонка, пора умирать!

– Стой, дракон! – на помост запрыгнул молодой парень, в кольчуге, причем настоящей, и с настоящим мечом в руке. И так принялся фланкировать им, что толпа взревела от восторга. – Рано ты торжествуешь победу, сразись-ка со мной!

– Кто смеет бросать вызов дракону?! – Взревела бочка, дым из всех щелей, а заодно и из картонной пасти чудовища, повалил гуще, и дети в толпе закричали от страха. Для них дракон был настоящий. – Кому не терпится умереть?

– Я – сын его высочества, благочестивого нашего принца Гарольда Элодисского, и правнук доброго и отважного короля Генриха, сэр Гэбриэл! – Воскликнул парень, и толпа взревела от восторга, заставив Амалию нахмуриться, а дону Фернандо – задумчиво прикусить губу, а заодно и приглушив драконий кашель внутри деревянного чрева. – Господь поставил меня для защиты добрых жителей нашего Острова, нет на нем места гаду, вроде тебя!

– Вы видите? – Амалия стиснула в руке ременный повод. – Он уже стал героем местного фольклора! О нем уже сочиняют пьески и песенки!

– Это естественно. – Приподнял брови дон Хуан Фернандо. – Он убил дракона! Которого видел каждый в этом городке. А парень умеет обращаться с оружием! Слишком ловкий для актера.

Толпе мастерство парня тоже очень нравилось. Собственно, больше половины зрителей собирались именно ради него. Поэтому сцена затянулась надолго. Дракон угрожал, пускал дым,

парень крутил мечом, перекидывая его из одной руки в другую, подбрасывал, ловил, пропускал за спиной, мальчик заламывал руки и умолял спасти его.

– Не бойся, девочка! – Наконец-то обратил на него внимание парень. – Я спасу тебя! – И все-таки снес дракону картонную башку под одобрителный рев и аплодисменты толпы.

– Но что я вижу?! – Парень, играющий Гэбриэла, прикрылся от мальчика, играющего девочку, рукой. – Нет! Не может быть! Почему твое лицо мне так знакомо, дитя? Кто ты?

– Я не знаю, сир. – Потупился мальчик. – Я сирота, мой удел – Одиночество, горе и слезы. Нет ни одной живой души, кому я была бы нужна.

– Я словно в зеркало смотрюсь! – Отойдя в сторону, воскликнул парень. Дон Хуан Фернандо хмыкнул: более непохожих друг на друга людей, нежели черноволосый, с крупными чертами лица и двухдневной щетиной парень, и нежный, с тонкими чертами, белокурый паренек, трудно было себе представить. Но толпе это было безразлично, так захватило их представление. – Но может ли быть такое? Господь всемогущий! Неужели это дочь моей погибшей возлюбленной?! Неужели это моя Айвэн, которую я считал мертвой?! Она спаслась! – Он молитвенно сложил руки, воздев глаза к небу. – Слава тебе, Спаситель, слава тебе, пресвятая Дева! – Он развернулся к мальчику. – Дочь моя! Айвэн!

– Отец? – Воскликнул мальчик так, что зрительницы начали прикладывать платочки к глазам. – Не может быть! Я не одинока? Я не сплю? Или я уже мертва и вижу смертный сон?

– Это не сон, дочь моя! – Воскликнул парень. – Иди же, иди в мои объятия, и пусть никогда больше не будешь ты одинока и незащищена! – Они крепко обнялись под аплодисменты и восторженные крики толпы.

– Да. – Заметил дон Хуан Фернандо. – Гэйб Хлоринг становится кумиром толпы. Возможно, мы слишком долго медлили. Если он вернется из Междуречья с победой, сделать вообще будет уже ничего нельзя.

– Он туда даже не поедет. – Возразила Амалия. – Не успеет.

Отца Гэбриэл остался дожидаться в Тополиной Роше. Его высочество явился с подобающей свитой, то есть, с Тиберием, герольдами, рыцарями, оруженосцами, шутлом Лосадой и даже с внучкой, ее няней Изольдой и компаньонкой Тэсс. С ним приехали и кардинал с его свитой, и возле башни стало тесно от лошадей, собак и людей. Мария смотрела на все это столпотворение из окна своей комнаты, сквозь тонкую штору – Гэбриэл просил ее не показываться на глаза гостям, не возбуждать их любопытство. Поразил ее конь его высочества, белоснежный олджернон с длинной гривой и модно подвязанным хвостом, и то, что его вели под уздцы два пажа в нарядных камзолах цветов его высочества, с его гербами. Тильда, безумно волнуясь, встречала высокого гостя в дверях, одевшаяся во все новое, нарядное, кланяясь и краснея от волнения. Поцеловала протянутую руку.

– Вот и второй мой сын попал в ваши добрые руки. – Заметил принц Элодисский. – Спасибо вам за ваши хлопоты! Проводите меня к герцогу. – И Тильда провела его прямо в комнату, где лежал Гарет. С ним вошли только Тиберий, кардинал, Изольда с девочками и Лосада, остальная свита осталась во дворе.

– Отец, зачем вы... – Смущился Гарет, – не стоило, честное слово! Я нормально себя чувствую, дня три-четыре, и рана затянется достаточно, чтобы можно было ехать домой.

– Я знаю. – Успокоил его принц Гарольд. – Я решил воспользоваться случаем, и познакомиться с матерью еще одной моей внучки, или внука. Я хочу видеть эту девушку, о которой говорят в замке, как о вашей кузине. Не делай такие глаза, Гэйб, я не так глуп, как вы думаете. Эта девушка появилась здесь почти одновременно с моей внучкой, а у тебя с Алисой начались скандалы. Ну же, не бойтесь, я ее не обижу.

Братья переглянулись, потом Гэбриэл неохотно отделился от косяка, который пристроился было подпирать по своей привычке, и пошел наверх, за Марией.

– Ваш отец?! – Ужаснулась Мария. – Его высочество?! Нет, я не пойду! Мне страшно! – Начитавшись книг о принцах, принцессах, королях и королевах, девушка считала его высочество каким-то особым существом, да еще любовь и безграничное уважение обоих братьев – ей ли, выросшей на ферме и прошедшей Сады Мечты, стоять перед ним?!

– Мария, отец совсем не такой, как может показаться. – Постарался ободрить ее Гэбриэл. – И ты достойна говорить с ним, даже не сомневайся! Будь такой, как всегда, и этого будет довольно! Брата же ты не боишься, и не стесняешься, а чем они отличаются, по сути-то?

– Твой брат так на тебя похож, – призналась Мария, – что я совсем его не стесняюсь... А ваш отец – это же... Это совсем другое!

– Успокойся. – Гэбриэл привлек ее к себе. – Верь мне и себе. Хорошо?.. Вот и славно. Пошли.

– Но я в домашнем платье...

– Ты в нем здорово выглядишь. Не хуже, чем в нарядном.

Мария, вся трепеща, спустилась с Гэбриэлом вниз, вошла в ставшую намного меньше комнату, бледная, взволнованная, но вполне владеющая собой. Гэбриэл сказал: будь такой, как всегда. Доверяя ему, девушка держала себя в руках. Что-то внутри испуганно требовало опуститься на колени и склонить голову, но Мария напротив, подняла ее выше. Она никогда больше, ни перед кем, на колени не встанет!

На какие-то мгновения все, даже леди Изольда, замерли, пораженные внешностью Марии. Высокая, почти как сам принц Гарольд, изумительно красивая девушка с гордой осанкой, янтарными глазами и копной вьющихся золотистых волос, к которым так шло скромное, но опрятное и милое голубое платье, была сказочно, невероятно хороша. Принцу она поклонилась так, как учила ее Тильда, и тот взял ее за плечи:

– Не кланяйся, девочка. Тебя зовут Мария?

– Да. – Чуть слышно ответила она, смущаясь и теряясь. Отец близнецов был замечательным! У него были глаза Гэбриэла, и голос почти такой же, как у братьев, он был роскошно одет, с перстнями на пальцах, с роскошной цепью на груди, и пахло от него чем-то изумительным. Но главное – от него веяло такой властью, такой значительностью, какой Мария не чувствовала даже в Гарете, тоже очень властном. Но эта власть не была страшной, давящей. Рядом с ним было хорошо. Почти так же хорошо, как с его сыновьями.

– Сядь подле меня. – Его высочество сел в кресло и усадил Марию рядом с собой. – Ты совсем эльфа! Ты помнишь своих родителей?

– Нет. – Так же тихо ответила Мария. – Их убили, когда я была совсем маленькой, а меня забрали. Мой отец был эльф, а мама – полукровка.

– Мне жаль. – Серьезно произнес принц. – Тебе многое пришлось вынести, не так ли?

Мария кивнула, опустив глаза и глядя, как пальцы его высочества бережно касаются шрамов на ее руках.

– И Гэбриэл спас тебя?

– Да. – Она быстро взглянула на него, глаза ее засияли. – Он вернулся за мной и спас. Если бы не он...

– Он отец твоего ребенка?

Мария вновь кивнула.

– Нам было очень страшно. – Прошептала чуть слышно. – Нам просто было очень страшно. Мы оба были другими... Совсем не такими, как сейчас. И он, и я... Но этот ребенок... Он ни в чем не виноват. И у него будет совсем другая жизнь, не такая, как у нас. Я знаю, что Гэбриэл женится на другой девушке, и рада за него. Я очень его люблю, но это не та любовь, не такая, как у них с этой девушкой. Я как брата его люблю... Я и ее бы любила, если бы она позволила.

– Она позволит. Алиса – добрая и нежная девочка, она со временем разберется в том, что вас связывает, и успокоится. Думаю, совсем скоро, после венчания, она уже по-другому станет смотреть на ваши отношения. А у твоего ребенка, моего внука, будет и в самом деле совсем другая жизнь. У него будет не только любящая и разумная мать, и не только лучший в мире отец. Правда, Вэнни?.. У него будет еще и замечательная сестричка, дядя, тоже довольно неплохой, и дед, не худший из возможных. Лучше всего ему быть эльфом; назвать тебя эльфийской кузиной моих мальчиков было хорошей идеей. К эльфам люди относятся куда лучше, чем к полукровкам или эльдарам.

– Тетя Мария! – Вэнни, на удивление долго молчавшая, потянулась к ней. – А когда я могу поиграть с моим братиком? А он где сейчас? А у меня есть пони, и попугай, и собака Лиса, и еще дедушка мне обещал танцующих ангелов, как в городе! Только маленьких! – Вэнни показала руками, каких маленьких. – Я дам братику поиграть с ними, наверное. Если я буду хорошей девочкой, ты разрешишь мне поиграть с ним сейчас?

– Вэнни, – остановил ее Гэбриэл, – братика ты сможешь увидеть осенью.

– А почему? – В первые минуты девочка, смущенная новизной обстановки, молчала и жадно слушала, но, раз открыв рот, закрывать его уже не собиралась. – А где он сейчас? Дедушка, а где сейчас мой братик? А я умею играть с маленькими, и умывать их умею, и кормить из рожка! Я и братика буду кормить из рожка! Тетя Мария, я все-все умею, вы не думайте!

Гарет шутливо ужаснулся:

– И разверзлись хляби небесные! Племяшка, притормози, ради всего святого!

– А папочка мне говорил, – чуть выпятила фамильную, от Хлорингов, нижнюю губку Вэнни, – что дядька, который запрещал мне тарыхтеть, злой и противный! И тетяка, которая меня била, тоже противная, и папочка ей всыпал хорошенько, так, что она долго еще на жопу не сядет!

– Чего?! – Опешил Гарет, Гэбриэл покраснел, принц Элодисский рассмеялся, а леди Изольда, которая теперь выглядела совсем иначе, чем в тот день, когда судьба привела в ее замок Гэбриэла Хлоринга, воскликнула:

– Айвэн, откуда ты нахваталась таких слов?! Разве можно принцессе так говорить?!

– Откуда-откуда, – Гарет тоже смеялся, – от любимого папочки, я думаю. А, Младший?

Гэбриэл прокашлялся. Он сказал это Вэнни давным-давно, еще на корабле руссов, и думал, что девочка все забыла. Как же! С ужасом пытаюсь вспомнить, что еще говорил в ее присутствии, и что в какой-нибудь неподходящий момент выплеснется из его гениальной дочки, он нахмурился:

– да, Вэнни... Не стоит такие слова говорить.

– А почему? – Ужаснула его новым всплеском интереса Вэнни. – А какие можно? А почему ты их говоришь? А девочки за стеной тоже так говорят! Они еще говорят...

– Ты опять лазила на стену! – Хором воскликнули Гэбриэл и леди Изольда. Вэнни насупилась, Тэсс постаралась стать невидимкой. Мария наблюдала эту семейную сцену с удивлением и радостью. Девочка восхитила ее, такая хорошенькая, живая, непосредственная, какой может быть только любимый и не обделенный вниманием взрослых ребенок, совсем не такая, какими были в детстве она и ее подружки. Совсем не такая! С нежностью Мария думала при этом о своем ребенке, который будет таким же. Может, и девочка... Как ей захотелось девочку! Но стоило ей подумать об этом, и маленький так активно начал пинаться, что Мария сморщилась и схватилась за живот.

– Мария?! – Побледнел Гарет, которому, как многим мужчинам, беременная женщина представлялась какой-то взрывоопасной штукой, в любой момент близкой к какой-то ужасной катастрофе. Гэбриэл тоже подался к ней:

– Мария, что? Ребенок?

– Пинается... – Мария улыбнулась сквозь гримасу дискомфорта. – Ничего страшного... Он очень... подвижный!

– Кто пинается? – Расширила глазки Вэнни, и у Гэбриэла вырвалось страдальческое:

– Ащ-щ-щ...

Его высочество при этом смотрел на своего старшего сына. Потом опустил глаза, но лицо его стало на миг печальным. Очень печальным.

Когда гости со свитами удалились, Тильда вздохнула с облегчением, но и с гордостью: высокие гости соблаговолили отведать ее вишневую настойку и печенью, сам его высочество изволил скушать три штуки, а угощения, которое они с Марией готовили с раннего утра, хватило всем членам свиты во дворе! Это она считала триумфом своего дома, и объясняла Марии, перемывая с нею вместе тарелки, блюда и противни, что долг хозяйки дома – принять гостей, как подобает, чтобы никто не почувствовал себя обделенным.

– Ты молодец. – Говорила она Марии. – Хорошо придумала конвертики со сладким творогом, их первыми смели с подносов! И делаются простенько и быстро, и хватило на всех. Даже его высочество похвалил нашу с тобой стряпню! Но что теперь творится во дворе! Один конский навоз придется убирать до вечера!

– Он такой... потрясающий! – Выпрямившись и убрав тыльной стороной мокрой ладони выющуюся прядь со лба, сказала Мария. – Никогда не думала, что такие люди бывают...

– Ты про его высочество?.. Да, это выдающийся человек. Его уважают даже в Риме. – Кивнула Тильда. – Только очень уж несчастливый. Жена погибла, младший сын столько лет дома не был, врагов целый Остров. – Покачала головой Тильда. – Просто сердце сжимается, как подумаю, сколько он выстрадал! Теперь-то у него и сын, и внучка такая прелестная, но сколько лет пришлось ему терпеть и мучиться, пока получил он хоть часть того, что заслуживает! Все в руках Господа, но порой такая печаль охватывает: ждешь, ждешь счастья, надеешься, веришь... ан глядишь: жизнь-то прошла. Зачем жила, зачем молодость минула? Замужем побывала-то всего ничего, и то муж все в разъездах, да в работе. Потерпи, говорит, вот построимся, купим стадо молочное, построим сыроварню, копильню, колбасы будем делать... А ничего не успели. Только потерять все. – Она вздохнула, задумавшись. – Столько всего хотелось. А теперь и не хочется больше ничего. Только теперь и пришли и достаток, и покой, и комфорт, а зачем?.. Мне и той башни, в Гремячем, довольно было... – Она очнулась, взглянула на Марию. – Полноте! – Встряхнувшись, улыбнулась бодро. – Теперь у нас есть ты и твой ребеночек. Стану я его крестной и бабушкой, вот и счастье на старости лет. Конечно, его высочество твоему ребеночку дед, но раз они решили скрывать вашу связь, то в замок его не заберут. – Вытерла руки. – Ой, спасибо, девочка моя, быстро все перемили! Ступай, спроси герцога, не нужно ли ему чего? Такая особа под нашей крышей! – И покачала головой, тяжело вздохнув, при виде того, как просияла Мария. Ох, зачем же они так-то, а?! Ничего хорошего из этого не выйдет! Но и держать, уговаривать, требовать – бессмысленно и даже вредно. Только возбудить ненужный интерес, да и – дело молодое, – любопытство раздражить. Не родилась, наверное, на свет такая девчонка, которая после предупреждения о том, что объект ее интереса – бабник и бессердечный повеса, отвернулась бы от него. Напротив, каждая уверена, что всех этот бабник обманывал и бросал, а она – единственная, которая его приручит. И эльфийки, думалось Тильде, не исключение. Вон, как сияет вся, едва только о нем речь заходит. Как удерживать, как предостеречь, как избавить от будущей боли и разочарования? Никак. Тильда тяжело вздохнула, расставляя тарелки, красиво, ровненько, по ранжиру, одна к одной.

Гэбриэл, вернувшись в замок с отцом, места себе не находил. И беспокойство из-за Алисы, которая оставалась в Разъезде, было не сильнее, чем ревнивые мысли о том, что Гарет сейчас в Тополиной Роще, с Марией. Душа его рвалась на части: вернуться в Тополиную

Рощу, чтобы проследить за братом и Марией, или мчаться в Разъезжее, где в любой момент мог появиться Аяк? Он безумно злился на самого себя, и ничего с собой не мог поделать. При этом он уверял себя, и верил в это, что ревность тут не при чем. Просто для Гарета это очередная игрушка, а Мария – не игрушка! С нею нельзя ни играть, ни обращаться небрежно и беспечно! Но Алиса тоже в опасности, а он здесь! Заставить Гарета вернуться в Хефлинуэлл? Но брат прав: его присутствие обеспечивает Тополиной Роще охрану, достаточную для того, чтобы защитить Марию. Гэбриэл лег спать, но спать не мог. Ворочался, смяв перину, вставал, пил, сидел у окна, подставляя лицо ночной прохладе. А что, если Алиса сейчас в опасности? С Марией все хорошо, ее охраняют, а Алиса? Нэш, конечно, серьезный защитник, не говоря уж о Кину, но там монастырь и беззащитные монашки...

И снова, и снова: что делать? Чего он хочет на самом деле? Разорвать помолвку и расстаться с Алисой? – Нет! Ни за что! Жениться на Марии? Да, – признавался себе Гэбриэл, – он хотел бы этого. Если бы можно было иметь двух жен! Моисей рассказывал, что у мавров в Испании это в порядке вещей: и две жены, и три, и более. Но даже если бы это было законно здесь, Алиса этого не потерпела бы. Об этом даже думать нечего.

Зарывав от отчаяния, Гэбриэл несколько раз стукнулся лбом о косяк: придурок, придурок! Есть любимый брат, без которого он никто, есть невеста, любимая, любящая, прелестная, фея, в конце концов! А он бесится сильнее, чем когда-то на Красной Скале! Едва дождавшись, пока солнце поднимется над горизонтом, Гэбриэл спустился на конюшню, приказав спящему конюху седлать Пепла. Он поедет в Разъезжее. Нечего потакать себе в дурачьи! Если он будет торчать в Тополиной Роще и караулить Гарета и Марию, ничего путного из этого не выйдет. Он поедет и будет думать об Алисе. Придумает, что сказать ей, как помириться и успокоить. И в Тополиную Рощу не заедет!

Заехал. Подумав, что просто обязан предупредить брата о своем отъезде.

Деревенька Голубая находилась в двух часах езды от Разъезжего, и в шести часах – от Блумсберри. Название свое она получила от ручья, или небольшой речушки, с таким же именем. Как все деревни, поселки и городки Поймы, нанизанные на главную дорогу от Блумсберри до Ригстауна, которую местные так и звали: Дорога, – Голубая была чистенькой, опрятной и зажиточной. Ездили по Дороге много и часто, трактиры, гостиницы и лавки процветали. Издавна повелось, что лучший в Пойме хлеб пекли именно в Голубой; и за местным хлебом приезжали и из Разъезжего, и из всех окрестных деревень и поселков, а калачи и пряники возили на рынок в Блумсберри и Гранствилл. Местные пряники не черствели, секрет этого рецепта передавался из поколения в поколение в одной семье, и охранялся пуше зеницы ока. Разумеется, все, кто имел отношение к местным достопримечательностям и их изготовлению, тоже были в почете, и особенно – мельник, Джон Горка. Был он еще молод, всего двадцати восьми лет от роду, но не везло ему в жизни так, что и не выскажешь. Когда ему было всего пятнадцать, сгорел их дом, и в нем погибла вся семья Джона. Он не отчаялся, продолжил семейное дело, отстроился, женился. И первая жена, его ровесница, умерла родами. Джон, человек спокойный, рассудительный, но памятный и однолюб к тому же, тосковал долго, но женился во второй раз, и все вроде шло хорошо, но и вторая его жена, беременная, утонула, переходя вброд Голубую и поскользнувшись на камнях. До двадцати шести лет Джон и смотреть на женщин не хотел. Но как-то, отвозя муку к Калленам, тем самым, что пекли знаменитые пряники, заметил, что дочка их, Кристина, которая еще в прошлом году бегала пацанка-пацанкой, вдруг оформилась, повзрослела, похорошела, и явно им интересуется. Как потом призналась ему сама Кристина, в мельника она влюбилась бог весть, как давно, еще совсем малявкой. Мельник, боясь новой потери, крепился, но не долго, и осенью сыграли свадьбу, а в мае уже появился на свет его первенец, Джон-младший, и юная жена осталась жива-здоровая и весела, как котенок. Когда прошли положенные полгода и младенца крестили в церкви святой

Анны Ирландской, в Гранствилле, мельник начал улыбаться. Люди в Голубой уж и забыли, что он это умеет! Жену он обожал, даже не смотря на то, что хозяйка из Кристины была так себе, она больше любила гулять по лесу, собирать цветы, грибы да ягоды, и смотреть на небо и реку часами. В конце концов, Джон был человеком зажиточным, и мог позволить себе служанку. Мельница его стояла на небольшой скале за деревней, скрытая от нее дубовой рощей, и сама по себе уже превратилась в небольшой хутор. Хозяйский двухэтажный каменный дом, надворные постройки, пристройка для служанки, отдельно кухонная изба с проживающей там дальней кристининой родственницей, взявшей на себя роль кухарки, и дом для рабочих, которых было у Джона уже шестеро. Когда Джонни-младшему исполнилось два года, Джон старший начал понемногу верить, что судьба над ним сжалилась. А может, дело было в Кристине? Девушка была удивительно везучая, что бы ни искала – находила тут же, что бы ни затеяла – удавалось. И руки у нее были чудесные, исцеляющие – больную голову гладила, и боль уходила, усталость, печаль, тоску как рукой снимало, стоило просто побыть с нею рядом. И пела она чудесно, Джон наслушаться не мог. А уж сына своего обожал так, что словами не выскажешь. Ребенок был забавный, серьезный, рассудительный не по годам. Очень любил давать советы взрослым, неожиданно попадавшие в точку и вызывающие смех и изумление, комментировал сказки, которые на ходу сочиняла сама Кристина, высказывая просто невероятные логику и смышленость. Любил подражать взрослым, и если что его расстраивало, прикладывал ладошки к щекам и качал головой, а если что-то пугало – приговаривал потешно: «Ое-ей! Ое-ее-ей!». В свои два с половиной года он умел неплохо говорить, считать до пяти и пытался помогать взрослым почти во всем. Так не бывает, но ни Джону, ни Кристине почти не завидовали, и даже почти не осуждали девушку, по деревенским меркам, странненькую и не домовитую. «Главное, – говорили в Голубой, – мельник Джон наконец-то счастлив, храни его Бог!».

В субботу Джон Горка грузил на телегу мешки с мукой и вез ее в Разъезжее. Кристина и Джонни провожали его до дороги, где он целовал жену и сына, и, забравшись на телегу, понукал двух гнедых мулов шагать бодрее. Кристина и Джонни махали ему руками, потом, не торопясь, отправлялись обратно. Кристина собирала цветы, Джонни бегал вокруг и помогал ей: отрывал цветочные головки и совал ей со словами: «Мама, ня!». Кристина принимала подарки с преувеличенными выражениями благодарности и складывала в карман фартука, продолжая собирать охапку цветов, которые потом расставляла по всему дому, для красоты и аромата.

Девушка и сама не подозревала о том, но у нее был сильный магический дар. Она видела вещие сны, чувствовала беду или радость, и ей в самом деле всегда фантастически везло. Сегодня ей было как-то не по себе. Ночью ей снился кошмар, и она даже просила мужа быть осторожнее. По мере приближения к дому тревога молодой женщины возрастала; в какой-то момент она вдруг сообразила, что не слышит ни птиц, ни насекомых – и уже давно. Выпрямилась, оглядываясь. Тревога оформилась в настоящий страх, и страх этот недвусмысленно сфокусировался на сыне. Опасность грозила именно ему!

– Джонни, – нервно произнесла Кристина, протягивая сыну руку, – идем скорее домой!

В непривычной тишине и шагах их, и шелест травы под ногами, и дыхание казались какими-то особенно зловещими. Кристина подхватила на руки Джонни и почти побежала к тропе, ведущей на скалу, к мельнице. Страх нарастал; сердце молодой женщины колотилось, чуть ли не выпрыгивая из груди. Взлетев на свою горку в считанные минуты, Кристина ахнула и застыла: по всему двору лежали люди: рабочие, кухарка и служанка, застывшие, с искаженными лицами и широко раскрытыми глазами, полными муки и ужаса.

– Мапочка... – Прошептала Кристина, пятясь.

– Мама, Майта! – Джонни указал на служанку, лежавшую к ним ближе всего. – Мама! Майта!

Из-за дома появилась всадница на вороном коне, женщина в черной полумонашеской одежде, с бледным узким лицом и змеиным взглядом. Кристина задохнулась от ужаса. Она не

знала эту женщину, но мгновенно поняла, что она – зло. Усмехнувшись одними губами, женщина щелкнула пальцами, и Кристина застыла, не в силах ни шелохнуться, ни даже вздохнуть. Ребенок выпал из ее парализованных рук, и заплакал, ударившись о землю.

Барр наслаждалась. Ребенок нужен был ей для особого обряда. Пребывание в Пойме становилось почти невозможным, магия лесной ведьмы была так сильна, что Барр могла лишь заботиться о том, чтобы оставаться невидимой для Мириэль, но ни на что другое у нее уже не оставалось сил и времени. Она теряла зря время, и это бесило ведьму. Для проведения сложного и долгого ритуала ей нужен был ребенок, мальчик, не старше трех лет. Его, живого и обездвиженного, нужно было уложить особым образом, и специальным двойным ножом вырезать полоску кожи по контуру всего тела, обязательно без единого разрыва. Получившийся ремешок и давал, после проведения еще пары ритуалов, защиту от проклятой эльфийки, делал ведьму невидимой для нее. Именно этого мальчика ведьма выбрала по двум причинам. Во-первых, мельница стояла на отшибе, случайный человек сюда никоим образом попасть не мог, хозяин надолго уехал, и ведьма получала здесь достаточно времени для всех манипуляций. Во-вторых, Александра Барр с особым удовольствием разрушала жизнь и счастье именно таких, как Кристина: любимых, счастливых и красивых. С отрочества, с того момента, как жених, выбранный родителями, взглянув на нее, спросил их, нельзя ли жениться не на «этой», а на ее младшей сестре, Барр ненавидела красивых, люто, страстно ненавидела. Первой ее жертвой была ее сестра, потом – послушницы в монастыре, куда родители запрятали дочь, пугавшую и огорчавшую их. А потом Александра потеряла им счет, но наслаждаться их муками и ужасом – не перестала. Представляя, как вернется мельник и обнаружит изуродованные тела жены и сына, ведьма испытывала настоящее наслаждение, вплоть до чувственной дрожи.

Мальчик, плача, кое-как встал на ножки, и вдруг взгляд его упал на пса Барр, Бута. Перепугавшись огромной черной собаки с тяжелым взглядом, мальчик побежал к дому, приговаривая зачем-то:

– Ое-ей... Ое-ей...

Это показалось Барр таким потешным, что она медлила, усмехаясь. Жалкая мелкая тварюшка, и бежать-то по-настоящему еще не умеет, ножки оступаются, сам качается, но торопится, нелепо машет ручонками. Некстати вдруг вспомнился давний, давний момент: Лара Ол Таэр, и ее щенок, такой же маленький, жалкий и нелепый, но бросился на нее, крича: «Не трогай маму!». Защитничек!

Кристина вся дрожала от напряжения, нечеловеческого, страшного. Материнское стремление защитить ребенка было так сильно, что пробудило спящие силы и в какой-то момент сломало чару. Громко вдохнув воздух – Барр изумленно обернулась на нее, не веря своим глазам и ушам, – Кристина отчаянно закричала:

– На помощь!!! Помогите, помогите!!! – С дороги ее вряд ли могли услышать, но Кристина вложила в этот крик не только голос, но и всю свою спящую до этого момента силу – и все-таки была услышана.

– Дура! – Барр наехала на нее конем, хлестнула плетью. – Заткнись! – И тут громко залаял Бут. На Мельничную горку взлетел здоровенный, больше похожий на волка, пес странной бурой масти, в шипастом ошейнике, и ощерился на Бута, который дыбом поставил короткую шерсть и поджал хвост. Ведьма хотела бросить на чужого пса чару, но буквально по пятам за ним сюда же взлетел всадник на сером олджерноне. И тут Барр опешила по-настоящему. Только что она думала о нем, думала с презрением и превосходством. И вот он – здесь, где его никак быть не должно, эльфийские глаза вспыхнули красным бешеным огнем, рука потянулась за мечом. Его пес – или волк, – бросился на Бута, и они сцепились, бешено рыча, покатались по земле. Ведьма бросила чару, но тщетно. На проклятого полукровку ее магия никогда не действовала! Тогда Барр ударила магией по коню, и тот рухнул на колени, дико взвизгнув. Всадник скатился с него, но не упал, гаденыш, покатался по земле и взвился, словно подбро-

шенный неведомой силой. Обнажил меч, и Барр показалось, что тот прозрачный, словно стеклянный, и пылает изнутри белым огнем, рассыпающим холодные искры, таким ослепительным, что больно стало глазам. Хлорингу оставались какие-то несколько шагов до ведьмы, и Александра, соображающая, как всегда, стремительно, взмахнула рукой в сторону мелкого щенка. И гаденыш не подвел: кинулся спасать дристуна, раскорячился, заслоняя его собой. Ведьма медлить не стала: подхлестнула Лирра, наезжая на дерущихся псов и разгоняя их, швырнула крысу, и с криком:

– Бут, за мной! – Галопом рванула прочь со скалы. Полукровка за ней не погнался – занятый каргом, потерял время. Но Барр мчалась, не останавливаясь, еще очень долго, пока не очутилась на берегу реки, на причале, где как раз собиралась отчалить баржа.

И только очутившись на палубе баржи, плывущей в сторону Фьяллара, Барр перевела дух. Осмотрела поскуливающего пса: проклятый волк успел-таки здорово его хватануть за шею. Спасли любимца только складки кожи, которые и прокусил противник, не добравшись до горла. Обработав рану пса, Барр присела на дрожащие ноги, недоумевая, что это с нею?.. И только какое-то время спустя сообразила: эти слабость, дрожь, испарина и легкая тошнота – это страх. Элементарный страх. Она испугалась! Впервые в жизни – испугалась до чертиков! Перед внутренним взором все еще стояли перекошенное от ненависти и бешенства лицо и горящие красным эльфийские глаза. И страшный огненный меч.

Гэбриэл и в самом деле за ведьмой погнаться не смог, пришлось убивать карга, и успокаивать молоденькую женщину и ее ребенка, ревущего в голос, до визга. Мальчик сильно ушибся и до смерти перепугался, да и Кристина была не в себе, прижимала к себе сына и, глядя прямо перед собой безумными глазами, только и твердила:

– Он такой маленький! Он такой маленький! – и Гэбриэл просто не мог оставить их здесь, среди трупов, в таком состоянии, как ни хотелось ему догнать ведьму и покончить с нею прямо сейчас. Как он понимал Кристину в этот момент! Он живо представил себе Вэнни на месте этого перепуганного мальчика, и сердце его сжалось от жалости и гнева. О, нет, он эту тварь не убьет! Он ее заставит ответить за каждую жизнь, за каждую! И отвечать долго, как можно дольше, чтобы прочувствовала, сука, каково оно!

– Все хорошо, – он гладил по плечам Кристину, пока она не перевела на него безумный взгляд и не замолчала, вглядываясь в него. – Все хорошо, она исчезла. Все хорошо!

– Она вернется! – Прошептала Кристина так, что у Гэбриэла против воли мурашки брызнули по коже. – Она вернется за моим мальчиком!

– Смотри мне в глаза! – Приказал Гэбриэл, слегка тряхнув ее. – Смотри! И слушай меня! Я – Гэбриэл Хлоринг, сын его высочества. И я тебе обещаю: она его не получит! Слышишь?

– Да! – Шепотом ответила Кристина, на глаза навернулись слезы. – Да! Я слышу!..

– Вот и хорошо. – Гэбриэл помог ей подняться. – А теперь взяла себя в руки! Пока ты сама не успокоишься, мальчонка тоже не успокоится! Он перепугался до смерти! У тебя есть, куда пойти?

– К родителям... К Калленам... – Кристина, очнувшись, принялась баюкать и успокаивать плачущего Джонни. – Булочки они... Пряники...

– Ладно. – Гэбриэл повернулся к своему коню. Тот стоял в сторонке и фыркал на траву. Потянулся к Гэбриэлу, тихонько заржал, жалуясь: кожа на колене была содрана, кровяную ссадину уже облепили мухи.

– Вот с-с-с... – Гэбриэл едва сдержался, уже привыкнув следить за собой в присутствии детей и женщин. Коня своего он ценил и искренне любил.

– Я помогу! – Совсем ожила Кристина. Джонни уже не орал, а лишь хныкал, цепляясь за мать. – Джонни, малыш, давай поможем дядиной лошадке? Дядя рыцарь спас нас с тобой от страшной ведьмы, теперь мы с тобой должны ему помочь.

Джонни милостиво согласился остаться с «дядей рыцарем», который дал ему потрогать рукоять меча, а Кристина побежала в дом. И – женщина есть женщина! – в доме первым делом наспех умылась, привела в порядок волосы, отряхнула фартук и даже помахала в воздухе руками, чтобы побелели, и лишь потом взяла все необходимое. Ловко промыла ссадину, приложила смазанный лечебной мазью лист подорожника и перевязала льняной полосой.

– Заживет быстро, милорд. – Пообещала, погладив Пепла напоследок по крутой шее. – Какой красавец!.. Но бегать ему пока нельзя.

– Да уж понял. – Гэбриэл с сожалением и с некоторой досадой вздохнул. Усадил Джонни в седло, а сам с Кристиной пошел пешком, ведя коня под уздцы. Кое-что грело ему сердце, не смотря на побег проклятой ведьмы: выражение на ее лице. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, и Гэбриэл видел ужас, искаживший ее змеиную рожу. И этот ужас теперь грел его сердце, полное ненависти и гнева. Теперь он точно знал: ведьма от него не уйдет. Она не сможет не сунуться сюда снова, она слишком сильно его ненавидит, во-первых, а во-вторых, спрятаться у себя, в Найнпорте для нее – равносильно признанию поражения. Эта тварь не из тех, кто убегает. Теперь Гэбриэл понимал: Драйвер и в самом деле никто, ничтожная извращенная тварь, не способная ни на что, кроме болтовни. Все создала и держит в руках она – вот эта ведьма. И она же убила его мать и мучает ее и после смерти. Погруженный в свои мысли, он даже забыл про Кристину, а молодая женщина тихонько шла рядом, не смея прервать его сосредоточенность. Это же надо! – Доходило до нее задним числом. – Сэр Гэбриэл! Тот, который убил дракона, сын его высочества и эльфийской герцогини, настоящий, живой! И она идет с ним рядом в деревню – с ума сойти! Да сейчас вся Голубая с ума сойдет! И если Гэбриэл досадовал на то, что прихрамывающий конь идет медленно, то Кристине это было за счастье!

Ожидающему в деревне Кину Гэбриэл уже не удивился. Как и второму коню, которого вел за собой эльф. А вот эльф выглядел удивленным, и смотрел при этом на Кристину. Молоденькая женщина засмушалась, даже чуть покраснела, опуская глаза. Новость о том, что жена мельника идет в деревню с сыном его высочества, уже пронеслась по Голубой, и все, не занятые далеко в поле, жители стягивались к дому Калленов, от которого за версту всегда пахло пряниками и свежей выпечкой. Мать и отец Кристины, старшие братья и тетушка, – все высыпали на улицу, с изумлением глядя на свою Кристину и ее спутника.

– Мама! – Воскликнула Кристина и бросилась к ней, прижалась, всхлипывая.

– Отправьте людей на мельницу. – Отрывисто бросил Гэбриэл. – Там тела, прибрать нужно, похоронить, все такое.

Через полчаса, накормленный свежей выпечкой и получивший полный кошель пряников, Гэбриэл покинул деревню на гнедом мерине-шайре, которого привел Кину. Голубая осталась, растревоженная, потрясенная, даже слегка напуганная. Гэбриэл особо распространяться о произошедшем не стал, зато Кристина, напоенная чаем с мелиссой и успокоившаяся, рассказала все красочно и подробно. В ее описании ведьма выглядела такой ужасной, что слушатели только содрогались и крестились, призывая благословение и защиту всех святых на свою деревню и своих детей. А сэр Гэбриэл-то каков! – твердили все. Так и сказал: ничего, мол, не надо, и благодарить не за что его, только, мол, о коне моем позаботьтесь! Теперь Пепел стоял во дворе у Калленов, под деревом, расседланный, ухоженный, с удовольствием хрупящий овес, морковь и спешно нарванную для него люцерну, и местные мальчишки, припав к щелям в ограде, восторженно рассматривали настоящего рыцарского коня. Это тебе не деревенские низкорослые лошадки, и уж тем более, не мул! Деревенские не расходились от дома Калленов, беседовали, обсуждали Событие, наверное, главное за последние лет двести. Кого-то уже отправили вернуть мельника обратно, и теперь деревенские ужасались и радовались одновременно: что ж за судьба-то такая у мужика?! Опять несчастье такое, и все ему! Но в этот раз хоть жена и ребенок живы, вот чудо-то, и все благодаря графу Валенскому, храни его Бог!

Гэбриэл по пути коротко рассказал Кину про Аякса, брата и Марию, и эльф кивнул, услышав про превращение:

– Теперь он уже не сможет снова обернуться человеком. Метаморфоза произошла. Но теперь он очень опасен, еще опаснее, чем был. Он не умер, не стоит на это надеяться. Зачем ему именно беременная эльфийка... Боюсь даже предполагать. Возможно, он в связке с этой ведьмой, Барр, и девушка и ее дитя нужны именно ей, для какого-то омерзительного ритуала. К сожалению, я не знаю этих ритуалов, мы, эльфы, презираем и ненавидим эту магию.

– Может, нормального какого некроманта поискать и спросить?

– нормального?. – Удивился Кину. – Некромант не может быть нормальным. Силы, которые он использует, ритуалы, которые он творит, разрушают его самого, это противоестественная, мерзкая магия, она уродует все: пространство, душу, разум. Даже порядочный и честный человек, занявшись этим, и надеясь так приносить какую-то пользу, неизбежно извратится, это непреложная истина. А тебе, Сетанта, некромантов и вовсе следует избегать! На тебе пыльца феи. Обычному человеку она невидима, а вот колдун мгновенно узнает ее и поймёт, что ты связан с лавви так, или иначе. И на нашу лавви откроется беспощадная охота.

– Если они с Барр заодно, то и она знает. – Скрипнул зубами Гэбриэл, но эльф возразил:

– Не думаю. Она захочет лавви себе, а рыжий тролль такую добычу ей никогда не уступит.

Он будет охотиться на Алису один.

Гэбриэла охватили такое раскаяние и недовольство собой, что он опять надолго замолчал. Его маленькое Солнышко в такой опасности, а он чем занят?! О чем думает?! Удрать собрался! О второй жене мечтает! Придурок, точно – придурок!

Стороной, над лесом, шла небольшая тучка, небо там было темным, и на темно-сизом фоне сияла радуга. А над головами Гэбриэла и эльфа сияло солнышко, но неведомо, откуда вдруг закапал редкий крупный дождик.

– Лавви грустит. – Сказал Кину. Гэбриэл вздрогнул:

– Что?!

– Люди такой дождик называют грибным. – Пояснил эльф. – А мы, эльфы – слезами лавви. Дай-ка мне пряник. Должен признать, что люди умеют готовить еду куда лучше, чем эльфы. В ней больше души и смака какого-то, что ли. Так же, как и в людской злости, веселье и любви – больше огня и перца. Они живут короче, но как-то... вкуснее.

Гэбриэл на это ничего не сказал. Но, не смотря на свои переживания, протянув эльфу мягкий и ароматный пряник, второй достал себе. Терять аппетит от неприятностей – это не про него!

Алиса, сидя у постели Авроры возле открытого окна, читала подруге поэму о Тристане и Изольде. Ей так жаль было подругу, испытавшую страшнейший шок и до сих пор переживающую его последствия, что собственные печали казались какими-то мелкими и глупыми. Аврора так страдала, что буквально за три дня истаяла вся, похудела, глаза стали огромными и такими несчастными, что Алиса просто смотреть в них не могла спокойно. И как было не переживать? Потеря девушкой невинности была страшнейшей катастрофой в ее жизни, если произошла до брака. Этот позор ломал всю ее жизнь. Если об этом становилось известно – жизнь ее уже никогда не становилась прежней, даже если ее кто-то и брал в жены, попрекали ее позором до самой смерти. Единственная надежда была в том, что совратитель женится на ней и прикроет позор, но, во-первых, Аврора понятия не имела, кто это, во-вторых, не пошла бы за подобного мерзавца никогда.

– Может, мне остаться в монастыре? – Спросила она тихонько, когда Алиса сделала паузу. Подруга сжала ее руку:

– Нет, Авророчка. Ты не сможешь. Зачем?.. Клянусь, от меня никто и никогда не узнает.

– ты не презираешь меня?

– Я?! – Изумилась Алиса. – Авророчка! Я презираю того, кто сделал это! Это низкий, ничтожный... червяк! И ему не удастся избежать наказания, обещаю!

– Но как?! Если рассказать все, то что будет со мной?! Мне никто, кроме тебя, не поверит! Настоятельница не верит, монашки не верят... Никто не поверит!!!

– А мы накажем его сами. – Алиса забрала ее руку в свои. – Мы ему испортим жизнь и репутацию так, что он сам повесится, вот увидишь! Мы будем его позорить, высмеивать, и делать всякое такое, что заставит страдать его, и куда сильнее, чем ты!

– Но как узнать, кто это? – Подумав, Аврора решила, что в этом что-то есть – щеки слегка порозовели, глаза заблестели. – Разве мы сможем?

– Мы знаем, – поджала Алиса губки, – что это сделала Жанна. Верно?.. Мы так ее прижмем, что она нам все расскажет, как миленькая! А сейчас, милая, поешь хоть немного! Ты третий день ничего не ешь, это опасно!

– Я не могу. – Призналась Аврора. – Мне дурно.

– тебе дурно от голода. – Строго произнесла Алиса, ставя перед Авророй блюдо с салатом. – Мне с ложечки тебя кормить?!

– Алиса... – Аврора закрыла лицо ладонями. – Я как подумаю, что где-то в Хефлинуэлле есть человек, который так со мной поступил... который видел меня... трогал меня! – что мне жить не хочется! Это такой позор! Как мне жить с этим, как?!

– Аврора! Это не твой позор, а его! Так говорит мой Гэбриэл, и он прав! И это не ты должна его бояться, а он – тебя! Он поступил, как вор, как последний негодяй, тайно, подло! Это он должен бояться, что кто-то узнает, потому, что за такое топят в сортире! Ты ни в чем не виновата, виноват он – а страдаешь ты?! Почему ты хочешь умереть, почему тебе нужно уходить в монастырь, а не ему?! О-о, поверь, – сверкнула феечка глазами, в которых запрыгали золотые чертики, – он-то ест сейчас с удовольствием! Но это несправедливо, Авророчка, несправедливо!

– Ты такая хорошая, Алиса! – Всхлипнула Аврора. – Если бы не ты, я не знаю, я не пережила бы это все!

– Мы подруги с тобой. – Погладила ее руку Алиса. – Ты тоже мне помогла, когда никто со мной не хотел разговаривать. И всегда была со мной! Ты такая замечательная, и я не позволю, чтобы ты погибла из-за какого-то негодяя, который единой твоей слезиночки не стоит! Выпей молока, – она подала подруге стакан, – пожалуйста! Хотя бы молока попей, у тебя такие щечки бледненькие!

– Госпожа Алиса, – заглянула в дверь Роза, – сэр Гэбриэл приехал, спрашивает вас.

– Я сейчас. – Алиса повернулась к подруге. – Пока не выпьешь молока, я никуда не пойду!

– Хорошо. – Аврора выпила, и Алиса, оставив ее на попечение Розы, пошла встречать своего жениха.

Как и сказала напоследок Роза, Гэбриэл приехал на чужой лошади, и Алису это слегка встревожило. К тому же, по лицу Гэбриэла она давно научилась читать почти все его эмоции, и видела, что он огорчен и даже зол на что-то. Но хуже всего было виноватое выражение, появляющееся на его лице, когда он видел ее. Это выражение ранило Алису в самое сердце. Неужели он сам не понимает, до чего это больно: видеть его таким и знать, что он думает о другой и жалеет ее, Алису?! Хуже этой жалости, наверное, не было вообще ничего на земле! Но скажи ему об этом, и получится новая ссора, а ссор этих Алиса начала бояться. Не воспользуется ли он очередной ссорой, чтобы порвать с нею?

И все-таки он приехал! Алиса заставила себя улыбнуться так, словно ничто ее не беспокоило и не расстраивало, подошла, протягивая ему руку:

– Гэбриэл! Что с Гаретом, он в порядке?

– Да... В относительном. – Гэбриэл забрал ее руку в свои. – А ты как, Солнышко мое? Личико какое-то усталое. Подружка твоя как?

– Она очень страдает. Ничего не ест, не улыбается.

– Убью тварь. – Скривился Гэбриэл. – Мало им девок, что на все согласны, нет, подавай чистую девочку!

– Гэбриэл, что с Пеплом? – Алиса приласкала ткнувшегося ей в ладонь холодным носом Гора.

– Колено ободрал, я его в Голубой оставил. Там такое случилось... Да вообще, кругом какая-то задница. В Гранствилле бард убит, Орри этот, из Лэнгвилла, – Алиса ахнула, прикрыв рот рукой, – Гарет ранен, на него напал этот... Аякс, пока мы его здесь ждали... Солнышко, воля твоя, нам нужно возвращаться домой. Заберем твою Аврору, довезем как-нибудь, поди. Гарет в Тополиной Роще лежит, отец один в замке, с гостями и проблемами всеми этими. Мне не разорваться между вами, честно!

– Конечно, Гэбриэл. – Кивнула Алиса, почувствовав что-то вроде всплеска радости при словах о Гарете. Он в Тополиной Роще! С этой... Алиса даже про себя не хотела называть ее по имени. Может, она влюбится в Гарета и забудет про Гэбриэла?.. – Ты голодный?

– О-о-очень! – Оживился тот. – А что, ты меня покормишь?..

– Ну, – поиграла ямочками у губок Алиса, – погляжу на твое поведение... Ты мне только обязательно все расскажи!

– Я тут пряников из Голубой захватил... Может, Аврора твоя пряник будет?.. Зашибенные пряники!

Съесть пряник, запивая его молоком, Аврора согласилась. И возвращаться в Хефлинуэлл согласилась тоже, хоть Алиса боялась, что она откажется наотрез. Все-таки, там находился ее неведомый обидчик, и какво будет гордой девушке подозревать каждого мужчину в замке? Но Аврора ничего не имела против. Боли не было, страдала она больше нравственно, чем физически. Девушка была здоровая и сильная, а срок беременности – очень маленьким, и сам выкидыш Аврора перенесла легко. Но верхом ей ехать все равно не советовали ни Марчелло, которому сказали, что у девушки раньше обычного начались месячные от потрясения, ни настоятельница, и девушки отправились в Гранствилл по воде. Гэбриэл поговорил с Нэшем по поводу защиты монастыря и выслеживания тролля и ведьмы, и со всей свитой двинулся домой через Голубую – проведать своего коня.

Глава четвертая: Вирсавия и Дженни

Первое летнее полнолуние нынче совпало с солнцестоянием, и это был один из величайших эльфийских праздников. В эту ночь, самую короткую в году, эльфы и другие Старшие народы Острова жгли костры, пускали фейерверки, пели, играли, плясали и занимались любовью. Это был лучший день для зачатия потомства, и что бы ни говорили об этом эльфийском обычае люди и, особенно, священники, целью этих праздников было именно продолжение рода, а не разврат. Эльфы Ол Донна, существа свободные, гордые, независимые и довольно холодные, редко и с трудом создавали семьи, и полнолуние было возможностью бессемейных обзавестись детьми. Отказывать в полнолуние было неприято, потому этим праздником пользовались все: феи и дриады, которые, как известно, были однополы и искали здесь партнера и отца для своих детей, ундины, тритоны, альвы, и все прочие малые странные народцы, о которых люди не имели почти никакого понятия, а так же и многие люди. На берегах рек и озер можно было встретить кого угодно в эти хмельные ночи. К побережью торопился и Корнелий со своей ангельской милицией, но встретил на полпути объединенные силы Еннеров и Бергквистов, под командованием Ардо Бергквиста. О смерти Лайнела Ардо уже знал и был в горе и ярости – он любил своего старинного друга и родственника. Но о захвате Северной Звезды и смерти Луизы еще не знал, так же, как и о том, какой опасности подвергается его младший сын Кирнан. Сама мысль о захвате Звезды показалась бы любому в Междуречье абсурдной. Так же, впрочем, как и убийство эрла Еннера, в котором все дружно считали виновным Еноха. «Пацан всегда был туповат слегка, – бесился Ардо, – но чтобы настолько! Нет, выгоды ему никакой от смерти Лайнела не светит! Я лично его на плаху отведу, дайте только с бешеным быдлом разобраться!». Дворяне Северного Междуречья все еще считали Корнелия и его последователей каким-то сбродом, оборзевшим от безнаказанности, и были полны решимости проучить это быдло. Их роковая ошибка была в том, что они даже не потрудились как следует изучить противника. Да, Ардо знал, что среди сподвижников Корнелия есть рыцари. Но какие?! Какой-то непризнанный бастард? Одноштитная безземельная шваль? Серьезно?.. Ардо ограничился тем, что узнал количество людей Корнелия, и выяснил, что их примерно столько же, сколько и у него, считая обоз. То есть, кучка жалкого сброда с парой-тройкой рыцарей, против его хорошо вооруженного профессионального войска!

Но армия Корнелия была уже совсем иной. После взятия и уничтожения Брэдрика к нему присоединились еще мелкие рыцари со своими людьми, в жажде легкой наживы и передела собственности; простые люди шли к нему толпами; подошло даже многочисленное и неплохо вооружённое подкрепление из Анвалона. Анвалонцы традиционно славились своими арбалетчиками и бойцами, виртуозно владеющими тяжелым скандинавским оружием: боевыми топорами и клейморами. Народная молва сама превратила помешанного на сексе попака в борца за справедливость. Люди шли сражаться не за чистоту человеческой расы и искоренение блуда, они шли биться против всего, что так угнетало и злило их в последние годы. Их злили бродяги из Далвегана, которых винили в том, что в Междуречье возросла преступность, стали слишком частыми мелкие кражи и разбойные налеты. Что стало невозможно, как раньше, «в старые добрые времена», не запирают двери в домах и не боятся прохожих, которых любой мог позвать в гости. Что попы даже не скрывают своей двуличности, имея любовниц, устраивая пышные пиры в постные дни, и строго порицая свою паству за мельчайший грех. Что рыцари лютуют, срывая зло за участвовавшие потравы и браконьерство на своих вилланах и сервах. Что налоги растут, а доходы, напротив, падают. Что от всего, что удастся заработать, девять десятых нужно отдавать церкви, господину, графу, герцогу и королеве. Да, и еще полукровки... Которых здесь считали виноватыми во всем остальном. Их ненавидели даже сильнее, чем обычно в Европе того времени ненавидели евреев. И, наконец, росло недовольство

Хлорингами. Прежде в Междуречье существовало стойкое убеждение, что если добраться до его высочества и раскрыть ему глаза на свою беду, то он своей волей все исправит, накажет виновных и наградит несправедно обиженных. И даже болезнь принца Элодисского не подорвала этой веры в него, его жалели и любили еще сильнее. Но теперь, когда герцогом стал его сын-полукровка, все изменилось. Откуда-то возникали упорные слухи, что юный герцог спесив, развратен, глуп и жесток, что обращаться к нему бесполезно. Что он покровительствует бандам полукровок, что у него даже есть тайная жена, главарь банды Кошек, Манул, из-за которой и сорвался его марьяж с Софией Эльдебринк. И что полукровки уже разоряют Пойму при полном его попустительстве, а главарем этих разбойных полукровок является его брат. Правда, в пику им стали появляться и слухи о драконе и благородстве этого самого брата, в общем, каша в Междуречье заварилась нажористая сверх всякой меры. Чего совершенно не понимали еще ни Ардо Бергквист и его люди, ни сам Корнелий, ни даже заварившие эту кашу Бергстремы. Как только не стало надежды на герцога, как на решение всех споров и проблем – пусть даже к нему так и не получится обратиться, но вера эта поддерживала и грела все равно, – появилась вера в Корнелия. Он – не такой, как другие попы, блюдет все посты, не распутничает ни с бабами, ни с мужиками, спит на голой земле, он – за народ! Ну, а народ, само собой – за него! А что Брэдрик разорил, так это не его вина, а местной знати и магистрата, не чинили бы препятствий божьему человеку, не вступили бы в бой, и не пострадал бы город...

И вот этого, самого главного, не учел Ардо. На помощь Корнелию, на которого шел Ардо Бергквист, потянулось ополчение с окрестностей. И пусть это самое ополчение было дурно вооружено, но зато боевой дух его был страшен. В районе Анвила состоялась битва, даже не битва – резня. Рыцари привыкли совсем к другому бою. Как правило, конного рыцаря в битве противники старались не убить, а спешить и взять в плен, чтобы потом получить от родных или от королевы хороший выкуп. Чем богаче были доспехи и оружие, чем ярче и знаменитее герб, тем меньше риска для рыцаря было погибнуть в битве. Но в этой битве было иначе. Озлобленные люди бросались именно на рыцарей, стаскивали их с коней специальными длинными крючьями и, почти беззащитных на земле из-за веса доспехов, забивали насмерть с настоящим остервенением. Как только конные Ардо поняли это, как возникли замешательство и растерянность, которые и переломили окончательно ход битвы, превратив ее, как уже было сказано, в резню. Большинство конных рыцарей сбежали, а пеших кнехтов перебили воодушевленные бегством рыцарей корнелиты.

Сам Корнелий, честно-то сказать, в такой исход дела не верил, и, увидев хорошо организованное воинство противника, перетрусил так, что думал только о побеге. Удрал в свой шатер, он принялся лихорадочно рыться в сундуке с вещами, в поисках цивильной одежды и головного убора, который скроет его тонзуру.

«А может, на лысо побриться? – В панике думал он. – Нет... Видал я одного нашего, у него тонзура загорела, а то, что под волосами – нет, на том и прогорел... Да где ж оно?!». Снаружи бушевала яростная битва. Корнелий, как и Ардо Бергквист с его рыцарями, ни на секунду не сомневался, что рыцарская конница сметет его паству, и страх аж съеживал ягодицы и зудел в пятках: бежать, бежать! Смешаться с обозом, прикинуться простым возчиком... Авось, просто отхлещут нагайкой да и отпустят...

– Боже, боже... – Бормотал он себе под нос, – на что ты меня покинул?..

– Сударь Корнелий? – Раздалось от входа в шатер. Корнелий стремительно обернулся. Там стоял смутно знакомый крестьянин. Где же он его видел?.. Простой, крупный, с большим, приятным лицом и спокойными глазами... Корнелий выпрямился. Нет, праздновать труса перед одним из своих последователей он не мог!

– Реликвию святую ищу. – Нервно сказал он. – Фиал со святой водой... Где же он... Вот! – Корнелий крепко сжал в кулаке первую попавшуюся склянку. Воздел кулак со склянкой

вверх, к низкому своду шатра. – Не удастся неверным и сатаны слугам торжествовать победу, ибо Я с вами!

– Я только сказать хотел, что бегут рыцари-то. – Сказал крестьянин тихим, спокойным голосом. – Не по силам оказались им воины-то Божьи.

Победа Корнелия оказалась шоком для всех, кто о ней узнал первыми. В том числе и для Бергстремов. Смерть Лайнела Еннера и Ардо Бергквиста явилась, что ни говори, неожиданным, но приятным сюрпризом, но боеспособная и грозная армия, неподконтрольная никому из знатных рыцарей Нордланда, внушала серьезные опасения. Андерс, не особенно изощренный в интригах и тонкой политике, было обрадовался: пойдет, мол, попик на эльфов, там и голову сложит, а они уж доделают все остальное, – но отец обрушил на него такую брань, и такой гнев, что Андерс, отца побаивающийся, присмирел и притих.

– Хватит! – Буйствовал Бергстрем-старший. – Поигрался в солдатики! Раздраконил быдло! А ты уверен, что они на эльфов пойдут, а не на тебя?!

– И что? – Выдвинул вперед массивную челюсть Андерс. – Быдло! Да мои латники его...

– Латники Еннеров и Бергквистов были не хуже! – Стукнул кулаком о стол его отец. – И даже лучше, и ты сам это знаешь! Ты идиот, и дружки твои – кучка придурков! Твои собственные сервы присоединятся к этому попу, и на вилы тебя поднимут, как подняли Ардо! Ты послушай, послушай, что в городе твоём собственном происходит, что говорят и как о тебе отзываются! Что ты собственную жену убил и в крови купаешься! И кто здесь встанет за тебя, скажи?!

– Да не убивал я эту идиотку! – Вспыхнул Андерс, и получил в ответ яростное:

– Знаю! Но ты иди, иди и докажи это кому-то еще! – Бергстрем-старший постоял, успокаивая себя. – Только не смей начинать доказывать что-то и объясняться. Только хуже сделаешь.

– Куда хуже-то? – Уныло спросил Андерс. Ему хотелось выпить, но отец запрещал пить днем. И вечером следил за тем, сколько он пьет. Да и без закадычных приятелей было скучно. В глубине души Андерс считал, что испортил все, как раз, отец. Это он направил к Корнелию проклятого Гирста, которого Андерс терпеть не мог. И это Гирст превратил сброд Корнелия в организованную боевую силу. Но попробуй, заикнись... Отец лупил своего сына с раннего детства и до самой женитьбы, и так лупил, что вбил в него страх и почтение к себе аж в костный мозг. Впрочем, как и ненависть, и готовность в любой момент родителя предать. В конце концов, папаша сам постоянно внушает ему, что на самом деле есть только собственная выгода и собственный успех, а то, что он добавляет про «прямую линию отец-сын», обмануть уже не способно. Он и сына, как оказалось, готов в расход пустить, что и продемонстрировал в случае с Гирстом. И не факт, что на Габриэлле Хлоринг он женит его, Андерса, а не решит сам заполучить трон, который «под одно сиденье выточен». Отец тоже вдовец! И уже давно. Все эти мысли, вообще вся эта дрянная ситуация, не давали Андерсу покоя. И смерть жены, не смотря на внешнее равнодушие, вызвала досаду и какое-то глухое неприятное чувство, сродни жалости, что ли. Да, он ее не любил, она ему надоела, раздражала и бесила порой. Но она была его собственностью, во-первых, а во-вторых, все-таки... как-то... не по-людски. Андерсу, как оказалось, было далеко не все равно, что о нем говорят и думают в его кругу. И сама мысль о том, что его обвиняют в смерти жены, и не важно, сам он ее толкнул, или довел до греха, была ему болезненно-неприятна. Он уже покаялся в церкви и приказал поставить в часовне у фамильного склепа статую ангела с красивой надписью. Что-нибудь вроде: любимой жене Ники с мольбой о прощении. Ну, как-то так. Кучу дукатов, кстати, отгрохал на это дело. Фон Бергу должно понравиться – по поводу размолвки с другом Андерс тоже переживал. И все эти причины требовали привычного: много, много выпивки... Но отец не позволял, и пуще всего Андерс страдал именно из-за этого. «Выпить бы! – Думал он, пока отец что-то ему втолковывал»

вал и доказывал, зверея от его невнимательности. – Сразу полегчает! Но разве тут выпьешь?! Я уже дома сам себе не хозяин!».

– Нужно нападение полукровок. – Сказал вдруг отец, и Андерс, очнувшись, уставился на него.

– Чего?..

– Нужно нападение полукровок. Птиц. – Сказа Бергстрем-старший. – Жестокое, страшное, с изуверскими пытками и страшными жертвами.

– Птицы этим не занимаются. – Скривился Андерс. – Нападают, да, убивают, но редко и только вооруженных, баб не трогают...

– Тугодум ты у меня. – Вздохнул его достойный родитель. – Какая нам разница, что они там на самом деле делают, не делают?.. Есть у меня кое-кто, кто предоставит нам этих самых полукровок, которые от лица Птиц устроят нам отличнейшее, отвратительнейшее, кровавейшее нападение. С ужаснейшими жертвами.

– А на хрена? – Все еще не понял Андерс.

– Да в кого ж ты у меня такой уродился?! – Вспылил его отец. – На хрена?! А на такого хрена, сын, что необходимо отвлечь быдло от этого Корнелия! Показать этому тупому стаду, где его настоящие враги, и кто их от этого врага может защитить, пока они за этим попом, задрав штаны, носятся!

В Хефлинуэлле о происходящем почти ничего не знали. Не было информации и в Элиоте, а та, что была, запаздывала на непозволительно долгие сроки, даже учитывая скорость конных королевских гонцов, которым требовалось более пяти дней, чтобы добраться из Лавбурга в Элиот. Антон Бергстрем постарался, чтобы любого гонца на Королевской Дороге поджидали его люди. Конечно, полную информационную блокаду это обеспечить не могло, но и промедление со стороны Хлорингов играло ему на руку. Теперь у них с сыном был козырь, чтобы предъявить его на тинге – собрании представителей всех древних норвежских семей Между-речья, большинство которых совсем недавно отказалось выступить против Элодисца.

У славы героя и драконоборца была и обратная сторона. Везде, где только можно, Гэбриэла осаждали подданные с просьбами, жалобами и общими выражениями приязни. Особенно его раздражало стремление подданных к нему прикоснуться. Люди верили, что прикосновение к особе королевской крови обладает особой благодатью, излечивает от страшных болезней и вообще – полезно. Даже профилактически. И ведь не увернешься! У ворот Блумсберри, на въезде в Грансвилл, взгляд Гэбриэла неожиданно выхватил в толпе знакомую белокурую женщину, и сердце бешено забило – его ассасин вернулся! Его охватили торжество и нетерпение. Он был прав! Вот Гарет удивится! В последнее время брат все чаще напоминал Гэбриэлу, что тот, скорее всего, с этим Лодо крупно и глупо пролетел, и хорошо, если только денег лишился. Как бы не вляпался во что похуже! С этого мгновения настроение у Гэбриэла поднялось. Встречая в порту свое Солнышко и ее подруг, он шепнул Алисе на ухо:

– Представь: Лодо вернулся! Я только что его видел у ворот!

– Это хорошо. – Алисе почудилось на минуту, что Гэбриэл придумал это, чтобы смыться в Тополиную Рошу, не объясняясь с ней, и на миг стало так больно! Если дошло до того, что он начал обманывать ее, то все вообще плохо. Все так плохо, что даже думать об этом, и то страшно... Но торжество во взгляде жениха не было притворным, зато унижительного виноватого выражения там больше не было, и Алиса успокоилась. Положила ладонь на рукав его камзола:

– Тебе нужно встретиться с ним скорее, я понимаю.

– Нет, с отцом поздороваюсь сначала. И брата проведаю. Я быстро, вы не успеете до ворот добраться, я уже вас догоню. – Вновь его глаза виновато убежали в сторону, и Алиса тоже

быстро отвернулась, чтобы не видеть этого. Сколько это будет продолжаться, и сможет ли она это вынести?! Гэбриэл подхлестнул своего шайра, и конь тяжелым галопом пошел вперед, к Ригстаунским воротам. Эти массивные кони, достигающие двух метров в холке, сами по себе были оружием в рыцарском бою, остановить такого на полном скаку было почти нереально. Олджерноны, взявшие от них силу и стать, были чуть ниже, легче в кости и изящнее, из-за добавления крови эльфийских и андалузских лошадей. И галоп, с сожалением отмечал для себя Гэбриэл, у них был резвее и легче.

– Но в целом-то конь отличный! – Потрепал он по шее шайра, спешившись в тени под старой черемухой. – Даже не вспотел! Ну-ну, мальчик! Оставлю тебя себе. Запасным. Привет, Ганс. Брат еще здесь? – И, получив кивок в ответ, пошел в башню.

Мария сидела у Гарета, с каким-то рукоделием, и Гэбриэл еще от входной двери услышал голос брата и ее смех. Задержался у двери в комнату, чтобы взять себя в руки. Было страшно неприятно, ревность опять начала туманить разум, и Гэбриэлу понадобилось несколько секунд, чтобы сделать обычное лицо и не напугать Марию. Ее покой был для него важен настолько, что ради нее он готов был стерпеть и не такое... И все же не смог не рыскнуть глазами, заходя, по ней, по брату, по их рукам и лицам: что тут было, помимо разговорчиков и хихонек?! И конечно же, Гарет этот взгляд и заметил, и понял. Усмехнулся чуть криво, и хорошее настроение Гэбриэла как ветром сдуло. Даже не смотря на неподдельную радость Марии при виде него.

«А может, она тоже нас обоих любит? – Мелькнуло в голове. – Не дай, Бог! Врагу не пожелаю...».

Гарет, услышав про Лодо, скептически хмыкнул:

– Ну, что объявился – не ожидал, не спорю. Но еще не факт, что он за твое золото что-то стоящее раздобыл. Или что он не замышляет что-то свое против нас.

– Увидим. – Гэбриэл протянул брату записку, которую сунул ему какой-то нищий у сторожки Твидлов. – Чего там?

– «У меня есть все, что вы хотели. – Прочел Гарет, переведя с латыни. – Мостик через Ом у Брыльской дороги». Я знаю, где это. – Сказал, возвращая записку брату. – Выезжаешь из Южных ворот, едешь по дороге, справа увидишь тополя и горбатый мостик. Там поблизости еще бывшая аптекарская лавка. Жил там один аптекар... Его колдуном считали, вот никто и не хочет в его доме селиться.

– Ты-то как?

– Как видишь. – Гарет усмехнулся. – Даже жаль, что уже почти здоров. Отдыхаю душой и телом от всех наших проблем.

– Я погнал домой. – Гэбриэл поднялся. – Я потом приеду и расскажу все... Я Барр видел и почти схватил. Но это после... Пепла оставил в Голубой, у него кожа на колене содрана. Я на шайре, Кину для меня купил. Ничего такой мерин, потом посмотришь. Назвал Смирным. Ладно, я в замок, ненадолго, потом к Лодо и сюда.

– Я провожу! – Потянулась за ним Мария.

– Я так скучала! – Призналась девушка, остановившись подле фыркающего коня. – Ты все время куда-то едешь, чем-то занят... Я даже не могу тебе похвастаться! Я уже умею читать, и столько уже прочла! Я просила у Гарета «Историю Нордланда и Хлорингов», он обещал подлинник, написанный вашим прадедушкой, но пока что...

– Я привезу. – Он пожал ее руки. – Ты молодец! Но я в этом и не сомневался. Я всегда тобой гордился. Ты же знаешь.

– Знаю. – Мария чуть покраснела. Погладила коня по крутой шее. – Прости, если что-то не так... Но мне кажется, что... что-то происходит. Ты чем-то недоволен. Я что-то делаю не так?

– Что ты! – Гэбриэл аж испугался. – Ты?! Никогда! Ты умница, и все делаешь просто здорово!

– Тогда что-то не так делает Гарет?

– Это я дурак. – Помолчав, признался Гэбриэл. – Не бери в голову, Тополек, я... я разберусь.

– Гэбриэл! – Мария перехватила его руку. – Я много думала об этом в последние дни. Я могу ошибаться, я еще слишком неопытная, но кажется, это связано с тем, что про Гарета говорят другие. Тильда считает, что он очень беспечный и нечестный с девушками, и ты, наверное, думаешь так же... Но это заблуждение. Со мной он совсем не такой! Он вообще не такой! Он внимательный, добрый, и бережет меня совсем, как ты. – Она нежно улыбнулась. – Тоже думает, что я стеклянная, и меня легко разбить. И так бережно со мной обращается! И мне больно думать, что из-за меня между вами что-то не так. Ты его любишь, и он очень любит тебя, и страдает... Он не показывает этого, но я вижу! А сегодня я поняла, что страдаешь и ты. Но я этого не хочу! Это не правильно!

– Мария... – У Гэбриэла на миг перехватило горло. – Мария, сердце мое... все хорошо. Между родными братьями всякое бывает, и ты тут не при чем. Мы вот из-за этого Лодо, помню, вообще поругались так, что я ночью из замка уехал. Помирились же. И теперь помиримся. Не думай об этом. Ты тут вообще не при чем!

– Ты сейчас не очень со мной честен, да? – Мария взглянула ему прямо в глаза. – И я не могу понять, что происходит, мне не хватает опыта. Я не знаю, что мне делать, чтобы вы помирились.

– Тебе ничего не нужно делать. – Повторил Гэбриэл, тоже глядя ей прямо в глаза. – Ты такая, как есть, прекрасная, удивительная девушка, и я очень люблю тебя. Может быть, я слишком сильно боюсь за тебя, но ведь есть на то причины! Один Аякс чего стоит! Гарет не был ТАМ, он понятия не имеет, что на самом деле это такое, для него все происходящее – очередная игра. Даже не смотря на стычку с Аяксом, он по-прежнему не понимает до конца, насколько это страшно и насколько серьезно. Это только мы с тобой можем знать. И да, я сержусь... Но это поправимо, Тополек.

– Он понимает. – Возразила Мария. – Он потому и остался здесь, со мной. Его рана не такая серьезная, чтобы нельзя было уехать, я же понимаю это! Он остался, потому, что охраняет меня. – Глаза ее засияли, причинив Гэбриэлу этим светом новую боль. – И я так ему за это благодарна... Никогда еще за меня не вступался такой рыцарь, как он... И ты... Но ты же можешь понять, да? После всего... после того, что мне говорили обо мне... после того, как я сама начала верить в это... За меня не то, что не заступались – ты же сам знаешь, что со мною делали, и ни одна душа не посочувствовала мне, не пожалела меня, кроме Трисс, бедняжки, и тебя – но и ты вынужден был тайно меня утешать!.. После унижений, и ужаса, и безнадежности... Когда всему миру было плевать на мою жизнь... И вдруг: рыцарь, герцог... готов умереть, чтобы я спаслась. Чтобы мне не причинили вреда и новой боли... Я словно... словно... родилась заново... словно... воскресла! Словно корка грязи и боли, которая выросла на мне ТАМ, разбилась и осыпалась, и я взлетела из нее, совсем другая, совсем! Мне кажется теперь, что я могу все, вообще все, что только захочу, что нет больше запретов и страха.

– Я рад. – Собрав в кулак всю свою волю, улыбнулся ей Гэбриэл. – Я счастлив за тебя, Тополек. Правда, счастлив. – Бережно коснулся костяшками пальцев ее щеки. – Чего-то такого я и хотел для тебя. Ладно... мне пора. – Он глянул на мост, на котором показались первые всадники. – Если я сейчас их не догоню, обижу свое Солнышко. Я скоро опять сюда приеду, не скучай. И береги моего брата, идет?..

Промчавшись по берегу, Гарри Еннер и его друзья задержались на тропе к маяку. Кирнан настаивал, что необходимо выяснить, что происходит, прежде чем соваться в город, где их

знает каждая собака. Немного успокоившись и поразмыслив, Гарри начал склоняться к тому, что положение не может быть таким серьезным, как показалось вначале, и стремился в город, но друзья настаивали, что нужно проявить осторожность. «Лучше перестраховаться, – убеждал его Кирнан, – чем вляпаться!». Гарри пришлось согласиться с другом, и они помчались дальше по берегу Сайской бухты, усыпанному огромными валунами и поросшему жестким кустарником. Гарри вырос на этом берегу, знал каждый камень, каждую тропку, и через час привел друзей к пустой рыбацкой хижине с длинным причалом. В сарай завели усталых лошадей, в хижине устроили хнычущую Флер. Девочка устала, хотела пить, но больше всего ей хотелось домой.

В город, после долгих споров, собрался Марк. Он здесь был человек новый, в лицо его знало не так много людей, а в простой одежде, возможно, и вовсе не признают. Тем более, в таком большом и многолюдном городе, как Фьесангервен! Да, Гарри и Кирнан знали город куда лучше, но и их там знали не хуже. И в конце концов, Марк, переодевшись в найденную в хижине одежду, отправился в город, а друзья вышли на причал, поймать рыбы на обед и лишний раз поговорить о том, что произошло и что делать.

Не было Марка больше суток. Так, что его друзья начали нервничать и всерьез собираться на поиски. К тому же, Флер, капризная, не давала им житья. Когда к вечеру второго дня появился Марк, Гарри и Кирнан набросились на него, как черти на невинную душу.

– Все плохо. – Лаконично ответил тот. Покосился на Флер. – Пошли на причал, расскажу.

– Что с мамой?! – Воскликнула девочка. – Дядя Марк, что с моей мамой? Я хочу к маме!

Отвезите меня к маме!

– Флер, сиди здесь! – Прикрикнул на нее Гарри. – Я что сказал?! – И они вышли из хижины на причал.

– Держись, Гарри. – Марк положил руку на плечо друга. – Слышал?..

– Отец? – Спросил Гарри почти спокойно. За это время он успел приготовить себя к этому известию. Надежда все равно жила в его сердце, но в целом он был готов. Марк кивнул.

– И леди Луиза. – Добавил тихо. Гарри покачнулся, больно укусил губу, взгляд устремился мимо Марка, на море, все еще спокойное и тихое. Здесь, на севере, сейчас было время белых ночей, и мир был даже не столько белым, сколько... жемчужным, перламутровым, нежнейших, серых, голубоватых, пастельных оттенков. Их мать любила белые ночи. Говорила, что только они примиряют ее, навеки разлученную с возлюбленной Бретанью, с новой родиной.

– Как? – Спросил хрипло.

– Говорят, что Енох ее убил. А его убил какой-то рыцарь, который с ним приехал.

– Я не верю, что этот пентюх мог убить маму.

– Я тоже. И в городе многие не верят. Сразу после Еноха и этого рыцаря подошли вооруженные люди, около пяти сотен, заняли город и замок. Многих убили. Ищут тебя и Кира.

– Что с сестрой?

– Жива. По крайней мере, так говорят. Я тоже думаю, что жива. – Марк был бледен не меньше Гарри. – Она им нужна, как заложница. И как Еннер.

Гарри отошел к краю причала, сам не свой. Ему хотелось не то закричать, не то заплакать, не то броситься в море и утонуть... Но, как и Фиби, он подумал о младшей сестре. Девчонка перепугается, не стоит.

– Держись, Гарри. – Кирнан еще не знал, что и его отца больше нет в живых. – Если не ты, то кто за них отомстит?

– Верно. – Гарри медленно повернулся к нему, взгляд стал взрослым, тяжелым. – Если не я, то кто?..

В Северной Звезде царил хаос. Люди Гирста шарились в сундуках, шкафах и комодах, то и дело издавая радостные и азартные вопли: Еннеры были очень богаты, и поживиться здесь

было, чем. Фиби сидела подле самого Гирста ни жива, ни мертва. На все вопросы о том, где могут быть ее брат и сестра, она отвечала упорным молчанием, и Гирст злился, понимая, что дальше угроз не пойдет, а на угрозы девушка не реагирует. Впрочем, как и на все остальное. Не повредилась ли в уме из-за смерти матери?.. Черт, некрасиво получилось. И какого хрена она сунулась, куда не следует, и когда не следует?! Гирст понимал, что его положение, не смотря на предварительный успех, довольно шаткое. Если Гарри Еннер уцелеет и удерет, он вполне способен собрать тинг и потребовать справедливости. И даже если с Гарри он ухитрится тихо и неприметно покончить, все равно останутся Бергквисты, которых слишком много, Карлфельдты, Хлоринги и даже Эльдебринки, которые сравнивают его с землей, если только он не станет в самом ближайшем времени супругом вот этой девушки, естественной наследницы Еннеров. Но девушка должна быть на его стороне... Чего сложно будет добиться после того, что она видела. Запугать? Но Гирст этого не хотел. С того мига, как увидел ее лицо и взглянул в синие глаза, она стала для него желаннее замка и золота.

Есть еще вариант – найти ее сестру. Ради сестры Фиби сделает все, что потребуется, скажет на тинге все, что нужно, и будет, как шелковая... Гирст все еще надеялся, что малявка прячется где-то в замке, и его люди обшаривали каждый угол. Людей Еннеров частью убили, частью бросили в подвал, частью заставили принять нового хозяина. Но никто из них толком не знал, где искать девчонку Флер. Кто-то все-таки сказал, что Гарри с друзьями уехал купаться в море, но посланные прочесать берег вернулись ни с чем.

– Выпей, полегчает. – Гирст поставил перед девушкой бокал с вином, но Фиби не шелохнулась. Для нее все происходящее было кошмаром. Чужие люди, руки которых были в крови ее близких, шарились в их вещах, швыряли на пол предметы, с которыми связано было столько детских счастливых воспоминаний, грабили и уничтожали ее мир, и даже поданное убийцей ее матери вино в бокале ее отца было еще одним ударом прямо в сердце. Фиби затошнило, она прикрыла глаза. Зачем он заставляет ее сидеть подле него? Почему сразу не убьет?! Девушка хотела умереть. Ей казалось, что жить после такого невозможно.

– Слушай, мне жаль, что так вышло. – Гирст коснулся ее, и Фиби с нарастающей тошнотной жутью уставилась на руку, душившую ее мать. – Честно, жаль. Можно было бы переиграть, я иначе бы поступил. Ты сейчас меня не слышишь, не хочешь, ненавидишь меня... Но я не так плох, как тебе кажется. Жизнь – штука жестокая, ты просто еще этого не понимаешь. И мы делаем не то, что хотим, а то, что нужно делать. Иначе – не получится. Я бастард, и папаша мой – та еще паскуда. Он меня использует, но при первой же возможности бросит на съедение любой собаке. Я должен был что-то сделать, чтобы изменить свою судьбу... Ты со временем это поймешь. И меня поймешь. Вот увидишь. – Он поднялся.

– Хватит! – Рывкнул властно. – Кончайте мародерствовать, не на войне! Чтобы к ужину был порядок, чистота и все такое... Эй, ты! – Он ткнул пальцем в заплаканную женщину. – Отведи свою госпожу в покои ее матери. Головой за нее отвечаешь!

Фиби, все так же, не издавая ни звука, напряженная, с каменным лицом, встала и пошла следом за женщиной, не глядя по сторонам.

– Ах, моя леди! – Зашептала служанка, едва они очутились в покоях леди Луизы. – Бедная, бедная моя леди! Не бойтесь, они ничего с вами не сделают, не посмеют!

– А с вами? – Так же шепотом спросила Фиби.

– С нами... – женщина всхлипнула. – Самые молодые и хорошенькие и сейчас... их ублажают. Ох, боже, боже! Кто бы мог подумать, что такое с нами-то произойдет?! Уж казалось бы, какие господа сильные были Еннеры, какой замок неприступный – наша-то Звезда? – Она обернулась. – Одно слово: варвары! Все пораскидали, перерыли... – Она принялась, всхлипывая, подбирать разбросанные вещи. Фиби присела на край постели, с которой утром поднялась ее мама, живая, спокойная, веселая, полная планов, и все было, как всегда... Здесь все еще пахло леди Луизой, ее мылом, ее собственным, еле уловимым, родным запахом, смесью

обожаемой ею лаванды и воска. «Это не может быть с нами! – Подумалось девушке. – Это не правда, я не хочу, не хочу!». Взгляд ее упал на гобелен, который столько лет вышивала леди Луиза, брошенный на пол, помятый. Стекла с постели, опустившись на колени, бережно подняла его, расправляя, гладя дрожащими пальцами, и прижала к сердцу, а из груди наконец-то вырвался отчаянный крик:

– Мамочка!!!

Бывшую аптекарскую лавку Гэбриэл нашел быстро: горбатый каменный мостик через Ом, зачем-то построенный в ста метрах от большого моста на Брыльской дороге и в самом деле, не заметить было невозможно. Старые тополя и вязы окружали мостик и дом, давая густую и приятную тень, в которой отдыхали два гнедых мула; крупный серый щенок, выбежавший встретить гостей, увидел и учуял Гора, поспешно спрятал зад под крыльцо и отважно затыкал оттуда, голосом, который в будущем обещал превратиться в солидный собачий бас. На крыльцо вышел кривобокий, горбатый человек, с таким же перекошенным и очень злым лицом, узнал гербы и поклонился так, что у Гэбриэла зубы занули: столько вымученного неуважения вложил горбун в этот поклон. На его лице отчетливо читалось: «Прутся и прутся, двор топчут, навоз убирай за ними потом...».

– Госпожи Лауры нет дома. – Сказал он скрипучим, неприятным голосом. – Можете поговорить с его преподобием, вон, на мостике. – Взял метлу и начал демонстративно мести перед крыльцом и без того чистый плитняк. Гэбриэл, взглянув на мостик, увидел в тени человека в сутане, спешился, сказал своим спутникам:

– Я один с ним поговорю. – И пошел туда.

Он не удивился, узнав Лодо в скромном священнике. Улыбнулся с облегчением, протянул руку:

– Ну и сторож у тебя!

– Вы о Руди, или о Горгоне? – Ответил на рукопожатие Лодо.

– А кто из них кто? – Приподнял бровь Гэбриэл.

– Руди лает из-под крыльца на волкособа. – Усмехнулся Лодо. – А Горгон только что почти облаял вас. Идеальный помощник. Злющий и преданный. Тут в отсутствие сеньоры Лауры местные парочки превратили дом в бордель; я решил, что сюда следует поселить хорошего, надежного сторожа.

– Имя у него странное.

– Это не имя. Имени у него нет, и, скорее всего, никогда не было. Я его нашел в Элиоте. У него не было ни имени, ни дома, ни средств к существованию, ничего. Даже милостыню ему, при его характере, собирать было трудно. Мне понравилось упорство, с которым он цепляется за жизнь... – Лодо замолчал, и несколько секунд они молчали оба. Гэбриэл смотрел на струящуюся под мостом быструю воду Ома. Ручей казался неглубоким и чистым, как слеза, Гэбриэл видел дно и юрких рыбок. Но он хорошо уже знал, что это обманчивое впечатление: то, что кажется темным песком на дне, на самом деле – глина и ил, и стоит шагнуть в воду, окажешься почти по бедра в грязи, а вода станет черной. Среди травы, растущей прямо из воды, покрывающая и хлюпающая по воде клювами, кормились утки.

– Разговор у нас будет долгий, сеньор. – Сказал, наконец, Лодо. – Здесь нас никто не услышит, разве что лягушки и утки. Прошу простить мне многословие, я должен рассказать вам многое. И начать со своей собственной истории. Это нужно, сеньор. Без этого, боюсь, мне сложно будет объясниться с вами.

– Валяй. – Вздохнул Гэбриэл, присев на парапет.

– Я родился в Генуе. Я бастард; мать прижила меня от богатого юриста. Лицом я в нее; она была очень красивой женщиной и сейчас еще хороша. Поэтому ее взял в жены, не смотря на бастарда, местный сапожник. В этом браке у нее родились две дочери, двойняшки, Мира и

Лиза. Ничего необычного, сеньор: сапожник пил, бил мать и нас, так живут многие. Но потом случилось моровое поветрие, а за ним – голод. И отчим продал нас, меня и обеих сестер, туркам. Мать пыталась бороться за нас, но что она могла? Он был могучим мужчиной. Мне было пять лет, сестрам – по три года. Нас сразу же разлучили. Меня продали в Сирию, ассасинам. Но я помнил то, что на прощанье твердила мне мать: люби Бога, будь верным христианином, и помни обо мне. И я помнил. Я притворился, что принял ислам, я был хорошим учеником, но в душе я оставался верен Богу и матери. И мой час пришел. Я убил всех, кто знал меня в лицо, включая нашего шейха, и бежал. Они по сей день меня ищут, но это не важно. Я нашел сестер, и выкупил их, устилая путь трупами. Я нашел мать и убил сапожника. Моя мать не знает, что я жив. Она думает, что деньги, которые она и сестры получают на достойную жизнь, ей дает бывший любовник, который раскаялся и жаждет искупить свой грех.

– Он тоже мертв? – Не удержался Гэбриэл. Лодо только глянул.

– Я хочу, чтобы вы поняли меня, сеньор. Я любил Бога, как велела мне мать. Я верю, что эта любовь ведет меня и помогает в пути. Если бы не эти любовь и вера, я не смог бы выжить в сирийском замке, где нас, мальчишек, превращали в орудия смерти, бездушные и бесстрашные. Я не смог бы бежать, я не стал бы убегать. Но я верил, и эта вера вела меня вперед. Я верю и теперь, верю твердо, и только вера меня ведет, только Бог – мой господин. Я убийца, я страшный грешник, но я верю, что за мной придут иные времена и иная жизнь. За эту лучшую, чистую жизнь, я отдал всего себя. Я работал для инквизиции, сеньор. И к вам на службу я пошел по приказу посла-инквизитора, ваш брат был абсолютно прав.

– И что изменилось? – Помедлив, холодно взглянул на него Гэбриэл.

– Вы знаете, что, сеньор. – Лодо встретил его взгляд без тени смущения. – Я был в Садах Мечты. Я видел, что там происходит, я видел этих несчастных детей. Мой Бог, Бог, которого я люблю всем своим грешным сердцем и которому я отдал свою жизнь, не хочет мучений и смерти этих детей. Ибо если Он этого хочет – то Он не мой Бог. Но я в это не верю. И что бы мастер Дрэд не говорил мне, я знаю, что это – зло, которое требует уничтожения. Нет таких целей, которые оправдали бы такое средство! Невинных, чистых детей там насилуют, уродуют, мучают, убивают, и это нужно остановить. Можете смеяться над моим пафосом, сеньор, но я понял там: весь мой путь, из Сирии в Нордланд, был не зря. Он вел меня на Красную Скалу, чтобы я уничтожил эту язву. Если вы стремитесь к тому же самому, я ваш. Если нет – я буду действовать сам.

– То есть, Дрэду этому ты больше не служишь?

– Я никогда не служил ему. Я служил и служу одному Богу. – Тихо возразил Лодо, волчьи глаза чуть сощурились. – Я верен только Ему. Я был с инквизицией, пока думал, что они служат тому же сеньору. Но уже давно у меня появились сомнения.

– Я не служу Богу. Я никому не служу, у меня больше нет Хозяев. – Сказал Гэбриэл. – Верить я верю, но я не католик, если что. Я православный, вы их схизматиками зовете.

– Мне нет дела до конфессий. – Снова чуть усмехнулся Лодо. – И у католиков, и у православных один Бог. А обряды – это всего лишь формальность. Я с раннего детства был лишен возможности посещать церковь и исполнять обряды. Мой храм – это мое сердце, я молюсь там. Апостол Павел сказал, что если язычники, не зная обряда, поступают по закону, а священники, исполняя обряд, грешат в сердце, то кто из них будет назван праведным?..

– Хм. – Усмехнулся и Гэбриэл. – А неплохо сказал. Надо бы того, послушать, что он там еще говорил. А то отец Северин, или Марк этот, как начнут свои проповеди, так меня рубит на третьей минуте. – Он встал, прошелся. – Да, я собираюсь уничтожить Сады Мечты. Останавливает меня пока что только то, что если мы подойдем к Красной Скале как есть, при всем оружии, Драйвер уничтожит всех, кто там еще остался. И фермы его поганые нужно все отыскать...

– Я отыскал их, сеньор. – Заметил Лодо, и Гэбриэл быстро обернулся к нему:

– Seriously?! Как?!

– Это моя профессия, сеньор. – Усмешка вновь чуть изогнула губы ассасина. – Это единственное, что я умею делать, и что делаю очень хорошо. Я нашел все фермы, до единой. Всего их восемь, две на плоскогорье Олджернон, четыре в Далвегане, одна на южном побережье и одна – в Междуречье, на озере Зеркальном. Вы уничтожили одну из команд, занятых поиском и покупкой или кражей детей-полукровок, всего их было три. Одна сейчас в Лав, это городок на западном побережье, там поблизости две фермы, самые большие. Другая – в Ашфилде. Была. Необходимо взять эти фермы разом, все одновременно, чтобы у них не было возможности как-то дать знать другим о случившемся – они как-то связываются с ведьмой Барр, с помощью какого-то колдовства, я полагаю. Одновременная атака не даст им времени препятать или убить детей. По поводу тех людей, о которых вы велели мне узнать... Я все узнал, сеньор. И узнал еще много интересного, в том числе и о том, что происходит в Междуречье, но все это, я считаю, следует обсудить вместе с его светлостью.

– Да... – Гэбриэл прошелся. Взглянул на Лодо. – Что-то еще?

– да, сеньор. – Лодо улыбнулся ярче. – Возможно, вам знакомы имена: Евгения Тодд и Вирсавия Энсли?

– Слышал где-то... черт, это же имена девчонок, которые того... невесты, типа, для Хэ!

– Барон послал корабль за ними. За обеими.

– Да его же нужно...

– Не нужно. Они здесь, в этом доме. – Лодо сделал в сторону аптекарской лавки несколько театральные жесты. – Обе. Немного напуганы, но живы, здоровы и ждут своей участи.

– Ты что... напал на корабль?!

– Нет. Я мог бы уничтожить всю команду, включая небезызвестного вам Гестена, кастеляна Красной Скалы, но подумал, что это решать вам. Я просто похитил этих девушек. И как Лаура, привез их сюда.

– да ладно! – Обрадовался Гэбриэл, который часто думал об этих девочках и гадал, как лучше сделать, чтобы вытащить тех из них, кто еще жив. И внезапно радость его чуть подувала. – Обе сразу... Не жениться он их забирал, это точно.

– У него денег нет. – Сказал Гарет, когда они с Лодо приехали к нему. – Он в жопе, ведь если он не заплатит налоги, я имею полное право вызвать его в Хефлинуэлл, а если он не поедет, объявить бунтовщиком и поступить соответственно. Девчонок он решил продать подороже, к бабке не ходи. Почему эти Сады Мечты его больше не кормят...

– Потому, что самые богатые его гости ему больше не платят. – Заметил Лодо. – Признав виновным в побеге графа.

– А ты, смотрю, очень осведомленный тип, а? – Нахмурился Гарет, которому невыносима была мысль, что о прошлом Гэбриэла кто-то еще знает, помимо него.

– это моя профессия.

– Ну-ну. – Гарет поднялся. – Хватит валяться, поехали к евреям.

– Верно. – Чуть опустил подбородок Лодо. – Барон ведет переговоры с еврейскими банкирами, о большом займе.

– А рука что? – Спросил Гэбриэл.

– К черту руку, не отвалится. Покровит немного, не страшно. – С помощью брата Гарет оделся, устроил руку в платке на груди. – Это, как я понимаю, не все?

– Нет... Вам следует знать об истинном положении дел в Междуречье.

– Ты и это знаешь?.. Впрочем, да – это же твоя профессия. – Гарет все еще не доверял Лодо, или просто злился на него – Гэбриэл видел это прекрасно, но молчал. Тем более что ассасин совершенно на это не обижался.

Рассказывал он долго. Братья, Лодо, Марчелло, Кину и Иво почти доехали до Ригстаунских ворот, когда Лодо закончил рассказывать. О гибели Еннера и Ардо еще не знал и он – прошло не более трех дней, – но о том, что на южных дорогах караулят гонцов с неудобными вестями, рассказал.

– Merde! – Выругался Гарет. – Я чувствовал, подозревал, что в молчании дяди Лайнела что-то не так! Он не мог столько молчать! даже если бы и согласился на герцогскую корону, он не стал бы этого скрывать от отца!.. Нужно как можно скорее отправляться туда, Младший.

– Не согласен. – Возразил Лодо. – Туда нужно отправить войско, но возглавит его пускай кто-то другой. Это ловушка именно для вас. Так же, как и присутствие в Хефлинуэлле донна Хуана Фернандо и его жены – они шпионы и наемные убийцы, как и я.

– Это я понял давным-давно, я не дурак. – Отмахнулся Гарет. – Они явились, чтобы спровоцировать кого-то из нас на дуэль из ревности, но пока что им остается только сопли жевать – ни я, ни Младший на Амалию не польстились. Хотя штучка аппетитная, можно и трахнуть... а потом убить Фернандо, я смогу. Я видел его в деле. Он хорош, слов нет. Но я – лучше. Вот только его мавр, телохранитель, или кто он – темная лошадка, понять его не могу. А наши дамы, те вообще кипятком писают от любопытства и досады – он ни одну еще не приглядел.

В банк Райя братья зашли вдвоем. Гэбриэл взял наличными триста дукатов, старательно расписался – писал он еще плохо, пальцы, не научившиеся держать перо в детстве, слушались с трудом, – тиснул личную печать, и молодой племянник старого еврея, Симон, бережно посыпал подпись песком, сдул его, и спрятал расписку в шкатулку для документов. Гарет прошелся по конторе, разглядывая эльфийское панно с цветами, повернулся к почтительно ожидающему Райе. Он уверен был: банкир наверняка понял, что герцог появился к нему сразу после тяжелого ранения не просто так.

– Я слышал, – небрежно заявил Гарет, – что в Европе сейчас евреям живётся очень не просто. Но, как говорят, вы сами виноваты, а? Многие святые отцы такое рассказывают, что просто волосы дыбом. Евреи оскверняют облатки, пьют кровь христианских младенцев, отравляют колодцы, замешивают мацу на христианской крови. Как-то так, как говорит мой брат. Я уже не впервой слышу, что пора уже, пока ничего подобного нет здесь, взяться за вас всерьёз. Профилактически.

У молодого Райи помрачнело и дёрнулось лицо, но он промолчал. А старший Райя сохранил покорное и вежливое выражение, ожидая, что будет дальше.

– Что скажешь, Райя? – Фамильярно, как в то время любой говорил с евреем, спросил Гарет. – Неужто нет никаких мыслей на этот счёт?

– Всё в руках Бога Авраама и Иакова. – Поклонился Райя. – И вашей светлости.

– Рад, что мы понимаем друг друга. – Усмехнулся Гарет. – Я пока что не видал в Элодисе подобных бесчинств, а зря даже еврей в моей земле не будет обижен. Не благодари! – Гарет прошёлся. – Пока не за что. У меня есть пара вопросов... Ты мудрый, Райя, и хитрый, как все евреи, особенно такие старые и прожжённые, как ты. Мне нужно... ну, скажем, мне нужен ответ на вопрос. Гипотетический.

Райя вновь почтительно поклонился, весь превратившись во внимание.

– Скажи, если бы у тебя был враг, которого ты... не хочешь убить сразу? Если тебе требуется, чтобы этот враг сначала разорился, потерял всё, что у него есть, чтобы все вокруг стали его врагами, чтобы он не знал покоя и сна... Что бы ты сделал с тем, кто подал бы этому врагу руку помощи и ссудил ему большую сумму денег?

– Что сделал бы я? Ваша светлость, вы оказали мне слишком большую честь! Кто такой Райя, чтобы спрашивать обо мне?

– И всё же. – Холодно возразил Гарет. Гэбриэл, который испытывал, благодаря Моисею, самые тёплые чувства к евреям, не понимал брата и маялся, но молчал – Гарет ему был всё же дороже.

– Что сделал бы я, ваша светлость?.. Я посмеялся бы над этим несчастным.

– Вот как?

– А разве это не безумие: ссудить деньги тому, кто лишился всякого дохода и нажил могущественного врага? Разве это не признак сумасшествия?

– Согласен. – Обычно улыбчивый и беспечный, Гарет умел становиться опасным, холодным и тяжёлым. – Я тоже посмеюсь. Но только после того, как разделаюсь с его близкими, со всем, что ему дорого, отниму у него всё, что у него есть, превращу его в нищего и больного калеку. И сделаю я это не сразу. Осуждай меня, если хочешь, но таков уж я есть. Слышал, что говорят о полукровках? Мы жестоки, мстительны, подлы, развратны и нечисты на руку. И я намерен дать волю все этим недостаткам до единого. То же относится и к тем, кто посмеет помешать моей мести или помочь моему врагу.

– Я даже не представляю себе, кто посмеет это сделать. – Райя прижал руку к груди. – Могу вас заверить, что здесь нет никого, кто решится на такое. А позволительно ли будет спросить, где могут проживать подобные... безумцы?

– Да хоть где. – Пожал Гарет плечами. Гэбриэл практически сразу понял, что происходит, но по-прежнему не понимал, почему не сказать сразу. Правда, молчал, подыгрывая брату. – Скажем, на юге. У моря. На некоторых, говорят, морской воздух плохо действует. – Гарет постучал пальцем по виску. – Бьёт в голову.

Райя молча поклонился.

– Рад, что мы поняли друг друга. И могу заверить дом Райя, что, при известном взаимопонимании, наше сотрудничество будет крепнуть и расти... К обоюдной выгоде. А Рим я смогу обуздать, вот увидишь.

– Рим страшный противник. – Вздохнув, покачал головой Райя. – Мой народ знает это слишком хорошо.

– Согласен. – Чуть насмешливо произнёс Гарет. – Только Рим далеко, Райя. Рим очень далеко. А я здесь.

Райя поклонился вновь.

– И вы выполните его приказ, отец? – Спросил Симон, когда Хлоринги ушли – В Элиоте говорят, что Хлоринги доживают последние дни.

– Это мы посмотрим через два месяца. – Возразил Райя. – Торопиться не следует, тем более, в таком вопросе. Если эти мальчишки сделают то, что обещают, мы выполним их приказ.

– Значит, два месяца ничего не предпринимаем?

– Да, Симон. Ничего.

– Одного из тех, о ком вы хотели знать, – на обратном пути рассказывал Лодо, – я убил, чтобы проникнуть в Сады Мечты. Это Адонис – граф Кемский.

Гарет присвистнул:

– Ого! Впрочем, я так и думал. Он и по рождению, и по состоянию в разы выше Драйвера, но тоже считал его Хозяином. Вот уж о ком не пожалею! Собаке собачья смерть.

– Поверьте, смерть его легкой не была. – Усмехнулся Лодо.

– Мне доносили, что он пропал без вести.

– Он мертв. Я облил его кислотой, которая изуродовала его; голый изуродованный неопознанный труп просто зарыли, признав заразным и опасным.

– Что ж. А кто остальные?

Гэбриэл слушал молча, нахмурившись. Жаль, что Адониса ему больше не достать! Слащавая безжалостная тварь! Все приговаривал: «Не троньте лицо, не троньте! Он божественно»

красив!». И такое творил... У Гэбриэла даже заныли те места на теле, которые тогда ему калечили, обдирали, протыкали и жгли.

– Агамемнон – граф Кенка, младший Сулстад.

– Я знал, что без него не обошлось! – Вырвалось у Гарета, который стиснул кулак. – Вот не удивил, ни разу!

– Нерон – Аксель Скоггланд, аббат обители святого Доминика в Элиоте. Калигула – Фредерик Кюрман, маршал королевы; Нарцисс – его брат Эдуард, граф Ейсбургский. Брут – барон Иеремия Смайли, друг графа Лавбургского Андерса Бергстрема, Август – Антон Бергстрем, его отец и сенешаль королевы. Антоний – епископ Клойстергемский Сигварт; Гай Юлий – Тиль Андерсен, барон Хаврский; Тит – Бьерн Юрсен, казначей герцога Далвеганского.

– Самого Сулстада среди них нет? – Кусая губы, поинтересовался Гарет.

– Он предпочитает маленьких девочек. – Возразил Лодо. – И слишком ленив, чтобы ездить куда-то для общения с ними.

– Общения? – Вспыхнул Гэбриэл. = Это так теперь называется?! Для него приготовили мою дочь! А ей пяти лет нет еще!!!

– Я знаю. – Ответил Лодо невозмутимо. – И он не оставил мысли заполучить ее.

– Пусть только попробует. – Яростно прошипел Гэбриэл. – И я сам, лично, поеду и яйца ему вырву нахрен вместе с членом!!!

– Зачем же самому, сеньор? – Усмехнулся Лодо. – Вам достаточно приказать.

– И ты сможешь это сделать? – Удивился Гарет.

– Да. – Просто ответил Лодо. – Прикажете, и я сделаю герцога Далвеганского скопцом, который уже не будет интересоваться ни девочками, ни мальчиками, ни бабушками, ни дедушками.

– Он поймет. – Заметил Гарет.

– Ну, и что? – Фыркнул Гэбриэл. – Ненавидеть он нас и так ненавидит; гадить и так гадит, как может. А пожаловаться на нас – не посмеет. Стремно будет признаться, что теперь он мерин. Да и признаться, за что мы его, за нами не заржавеет. За мной, по крайней мере, точно.

– А что вы думаете сделать с остальными? – Поинтересовался Лодо.

– Убить. – Хмуро ответил Гэбриэл. – Не знаю, как, когда, но – убить.

– Это, за исключением Смайли и Юрсена, самые знатные люди Острова. – Хмыкнул Гарет. – Потомки соратников нашего предка, первых норвежцев, ступивших на эту землю.

– И что?

– Убить их сложно. Подобраться будет для этого почти нереально.

– Реально. – Возразил Гэбриэл. – Они таскаются в Сады Мечты. Я уверен, поспорю на что хочешь, что они большую свиту туда не берут.

– И попадают в Редстоун через дом небезызвестной вам Барр. – Добавил Лодо.

– Вот интересно... – Протянул Гэбриэл. – Если Барр не будет, как они станут обходиться?

– У меня есть предложение, сеньоры. – Сказал Лодо. – Я выяснил имена и титулы не только этих одиннадцати, но и многих других, менее значительных персон, посещающих Красную Скалу. Я могу начать убирать их. Они будут умирать почти естественной смертью. Почти – чтобы у остальных появились подозрения и страх. И вот когда они как следует испугаются, вы можете обратиться к главным своим врагам с предложением о переговорах. Чтобы собрать их всех в одном месте и тайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.